

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 3 (18) / 2020

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2020

№ 3 (18) / 2020 / ОКТЯБРЬ. Выходит 4 раза в год.

Научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г. Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Серия: Исторические и филологические науки

Группы специальностей: 07.00.00 История и археология;
10.01.00 Литературоведение;
10.02.00 Языкознание

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13 июня 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Главный редактор

В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ

Заместитель главного редактора

Ю.В. Розанов, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы ВоГУ

Секретарь

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, зам. директора Гуманитарного института ВоГУ по научной работе,

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и мировой политики ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель (учитель русского языка и литературы) ГБОУ Школа № 597 «Новое поколение» (Москва),

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета

Переводчик – О.А. Бурсина

Редакторы – О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. Сергея Орлова, д. 6, каб. 202а; тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55
<http://vestnik.vogu35.ru>; e-mail: vestnik@vogu35.ru

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 3 (18) / 2020

Series: History and Philology

VOLOGDA
2020

No. 3 (18) / 2020 / October. 4 issues a year

Science Journal «Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology» has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016.

Full-size versions of the issues can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Series: History and Philology

Academic areas: 07.00.00 History and Archaeology

10.01.00 Literature Studies

10.02.00 Linguistics

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University»

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019

Editor-in-Chief

Vasily A. Sablin, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University

Deputy Chief Editor

Yury V. Rozanov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Literature, Vologda State University

Executive Secretary

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Editorial Board

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Deputy Director for Science, the Humanities Institute, Vologda State University

Ludmila V. Yegorova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of World History and International Politics, Vologda State University

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Russian Language and Literature Teacher at School No 597 «New Generation» (Moscow)

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of History of Russian and General Linguistics, History and Philology Institute, Moscow State Regional University

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University

Editor of English Texts – O.A. Bursina

Editors, proofreaders – O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova

Making up and technical editing – S.V. Kudryavtsev

Address of Editorial Office: Office 202a, S. Orlov Street, 6, Vologda, 160000

Tel.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55

E-mail: vestnik@vogu35.ru

Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>

ISSN 2658-7254

© Vologda State University, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Саблин В.А. К НОВЫМ ЗАДАЧАМ И НОВЫМ РУБЕЖАМ В ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»..... 7

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Безнин М.А., Димони Т.М. КЛАСС МЕНЕДЖЕРОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ	8
Гулин К.А. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИВАТИЗАЦИИ В СССР В ОЦЕНКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ЭКСПЕРТОВ	13
Каратеева Т. Е. АБРАМ НАУМОВИЧ БАМ	22
Назризода Д.Х. К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ (1992–1997 ГГ.)	26
Николашин В.П. ПОЛОЖЕНИЕ ХУТОРЯН И ОТРУБНИКОВ ЧЕРНОЗЕМНОЙ ДЕРЕВНИ В УСЛОВИЯХ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1917–1918 ГГ.	32
Славнитский Н.Р. СЪЕЗД ССЫЛЬНЫХ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ 1907 Г.: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ И СОВРЕМЕННИКОВ	36
Столетова А.С. «ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛИСТА» А.И. СЕРЕГИНА: КРИТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ТАМБОВСКОГО ОБКОМА КПСС В.И. ЧЕРНОГО	39
Федоров А.Б., Панфилец А.В., Бредихин А.Л. ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ ОРГАНОВ И ВОЙСК НКВД СССР С НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ СТРАНЫ (1945–1950 ГГ.)	45

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЛОГДА СЕГОДНЯ

Егорова Л.В. О МАРИИ СУВОРОВОЙ.....	51
Красильников Р.Л. «URBI ET ORBI» МАРИИ СУВОРОВОЙ	57
Суворова М.Е., Егорова Л.В. МАРИЯ СУВОРОВА: ЖИЗНЬ МЕЖДУ СТРОК	59
Пермяков Андрей, Егорова Л.В. АНДРЕЙ ПЕРМЯКОВ: В ГЛУБИННЫХ СЛОЯХ ВСЕ МНОГО ОСМЫСЛЕННЕЕ	63
Розанов Ю.В. КАК СДЕЛАНО «БЕСОВСКОЕ ДЕЙСТВО» А.М. РЕМИЗОВА	73

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Голубева А.А., Судаков Г.В. РЕЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ ЯЗЫКОВ МИРА В ПОЭЗИИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА	77
Юкина Е.Ю. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. СТИЛ	85

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Белова Н.А. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПШЕНИЦЫН Д.А. СОЛИГАЛИЧСКИЙ ТОРГОВЫЙ ТРАКТ, ИЛИ ИСТОРИЯ ВОЛОСТИ ТОЛШМА (XVII–XX ВВ.): ТОЛШМЕНСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ, ТОТЕМСКИЙ РАЙОН ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ. Архангельск: Лоция, 2019. 575 с.	90
Безнин М.А., Столетова А.С. НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 1950–1990-Х ГГ.	92
Устинова И.А., Шамина И.Н. ВОЛОГОДСКИЙ АРХИЕРЕЙСКИЙ ДОМ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВВ. (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БАШНИН Н.В. ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ ВОТЧИН ВОЛОГОДСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА СВ. СОФИИ 1701–1702 ГГ.: ИССЛЕДОВАНИЕ И ТЕКСТЫ. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019)	97
Якушева Л.А., Новоселов А.М. ФОРУМ РУССКИЙ СЕВЕР – 2020: ОТ ЛОКАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ К РЕГИОНАЛЬНОМУ КОНСОРЦИУМУ	101

ЮБИЛЕЙ

Патапенко С.Н. «ВЫСОКИЙ ЧАС» УЧЕНИЧЕСТВА	104
Якушева Л.А. ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ? ПОСВЯЩЕНИЕ Ю.В. БАБИЧЕВОЙ	106
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	110

CONTENTS

<i>Sablin V.A.</i> 'BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY. SERIES HISTORY AND PHILOLOGY': SETTING NEW GOAL.....	7
--	---

HISTORY

<i>Beznin M.A., Dimoni T.M.</i> A CLASS OF MANAGERS IN SOVIET RUSSIA: TERMINOLOGICAL AND METHODOLOGICAL DEFINITION	8
<i>Gulin K.A.</i> FOREIGN EXPERTS' ASSESSMENT OF THE PROBLEMS AND PROSPECTS OF PRIVATIZATION IN THE USSR	13
<i>Karateeva T. Ye.</i> ABRAM NAUMOVICH BAM	22
<i>Nazrizoda D.Kh.</i> PERIODIZATION OF THE CIVIL WAR IN TAJIKISTAN (1992–1997) REVISITED	26
<i>Nikolashin V.P.</i> POSITION OF INDIVIDUAL FARMERS AND SOLE PLOT OWNERS IN CHERNOZEM VILLAGES UNDER THE CONDITIONS OF AGRARIAN TRANSFORMATIONS IN 1917–1918	32
<i>Slavniitsky N.R.</i> CONGRESS OF EXILES IN THE VOLOGDA PROVINCE IN THE LATE 1907: THE PARTICIPANTS' MEMOIRS	36
<i>Stoletova A.S.</i> «FROM A JOURNALIST'S NOTEBOOK» BY A.I. SEREGIN: CRITICISM OF V.I. CHERNY, THE SECRETARY OF THE TAMBOV REGIONAL COMMITTEE OF THE CPSU	39
<i>Fedorov A.B., Panfilets A.V., Bredikhin A.L.</i> CHARACTERISTICS OF THE STRUGGLE OF THE ORGANS AND TROOPS OF THE NKVD WITH THE NATIONALIST UNDERGROUND IN WESTERN REGIONS OF THE USSR (1945–1950)	45

LITERATURE STUDY

LITERARY VOLOGDA TODAY

<i>Yegorova L.V.</i> ON MARIYA SUVOROVA	51
<i>Krasilnikov R.L.</i> «URBI ET ORBI» OF MARIYA SUVOROVA	57
<i>Suvorova M.Ye., Yegorova L.V.</i> MARIYA SUVOROVA: LIFE BETWEEN LINES	59
<i>Permyakov Andrey, Yegorova L.V.</i> DEEP DOWN, EVERYTHING IS FAR MORE MEANINGFUL	63
<i>Rozanov Yu.V.</i> HOW A.M. REMIZOV'S «DEMONIC ACTION» («BESOVSKOYE DEISTVO») IS MADE	73

LINGUISTICS

<i>Golubeva A.A., Sudakov G.V.</i> SPEECH IMAGES OF WORLD LANGUAGES IN THE POETRY OF O. E. MANDELSHTAM	77
<i>Yukina E.</i> LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF FORMING THE IMAGE OF A STRONG WOMAN IN THE WORKS BY D. STEEL	85

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Belova N.A.</i> BOOK REVIEW: PSHENITSYN D.A. <i>SOLIGALICHSKY TRADING ROUTE, OR HISTORY OF TOLSHMA VOLOST (17th-20th CENTURIES): TOLSHMA RURAL SETTLEMENT, TOTMA DISTRICT, VOLOGDA OBLAST.</i> Arkhangelsk: Lotsia, 2019. 575 pp.	90
<i>Beznin M.A., Stoletova A.S.</i> SCIENTIFIC SEMINAR ON THE PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY IN THE 1950s–1990s	92
<i>Ustinova I.A., Shamina I.N.</i> VOLOGDA ARCHBISHOP'S HOUSE AT THE TURN OF THE 17TH-18TH CENTURIES. BOOK REVIEW: BASHNIN N.V. <i>CENSUS BOOKS OF THE LANDHOLDING OF THE VOLOGDA ARCHBISHOP'S HOUSE OF ST. SOPHIA 1701–1702: RESEARCH AND TEXTS.</i> MOSCOW-SAINT PETERSBURG: ALLIANCE-ARKHEO, 2019	97
<i>Yakusheva L.A., Novoselov A.M.</i> RUSSIAN NORTH FORUM 2020: FROM LOCAL CONFERENCE TO REGIONAL CONSORTIUM	101

THE ANNIVERSARY

<i>Patapenko S.N.</i> THE GREAT «LEARNING HOUR»	104
<i>Yakusheva L.A.</i> WHAT IS MY NAME TO YOU? TRIBUTE TO YU.V. BABICHEVA	106

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	112
-------------------------------------	-----

В.А. Саблин

*доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета*

**К НОВЫМ ЗАДАЧАМ И НОВЫМ РУБЕЖАМ В ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»
СЕРИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

В 2019 – первой половине 2020 года редколлегия журнала «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» в рамках общей стратегии развития научных и прикладных исследований, формирования научных школ и совершенствования системы научных периодических изданий ВоГУ решала задачу реализации многоплановой программы становления фактически нового для университета периодического издания.

Тем не менее, издательская программа была выполнена, и обновленный Вестник занял свое место в полиграфическом пуле Вологодской области. Последовательная реализация программы развития журнала служит интеграции прикладной и научно-исследовательской деятельности ВоГУ, содействует росту академической востребованности результатов исследований и разработок, заявленных в научных публикациях, и действительному повышению конкурентоспособности Вологодского государственного университета. Об этом писалось в первом номере журнала за 2020 г.

В шести номерах журнала за 2019–2020 годы было опубликовано 154 научных материала (111 статей и 43 работы других жанров), подготовленных 168 авторами, из которых 107 обладают ученой степенью доктора или кандидата наук (64%) и 61 – специалистами без ученой степени (36%).

89 авторов (53 %) – исследователи, проживающие и работающие в Вологодской области, большинство из них – ученые Вологодского государственного университета.

Следует отметить значимость публикаций коллег – исследователей из вузов и научных центров Архангельска, Белгорода, Брянска, Владимира, Екатеринбургa, Иркутска, Калининграда, Москвы, Новосибирска, Петрозаводска, Рязани, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Тольятти, Череповца и Ярославля, а также

статьи ученых из Австрии, Белоруссии, Германии, Израиля, Канады, США и Эстонии.

В начале сентября 2020 г. был опубликован рейтинговый анализ публикационной активности научных журналов России за 2019 год. Как правило, показатели рейтинга охватывают два предыдущих года. В случае с нашим изданием это 2018 и 2019 годы. Напомним, что в 2018 году журнал имел более широкий контент гуманитарных наук, но общую тенденцию развития журнала эти данные отражают достаточно рельефно.

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ журнала увеличился. Если в 2017 году он составлял 0,121, в 2018 году – 0,090, то в 2019 – 0,161. Пятилетний импакт-фактор РИНЦ журнала поднялся с показателя в 0,097 в 2018 году до 0,145 в 2019 году

Двухлетний импакт-фактор по ядру РИНЦ также имеет тенденцию к росту. Если в 2017 году он составлял 0,015, в 2018 году – 0,014 то в 2019 – 0,161.

Число статей, опубликованных за предыдущие два года, увеличилось с 66 в 2017 году до 155 в 2019 году. Любопытные данные представляет рейтинг числа просмотров статей за год. Если в 2016 эта цифра равнялась 1127, в 2017 годы – 3242, в 2018 году – 2399, то в 2019 году – 2789. При этом значительно увеличилось число загрузок научных статей из журнала. В 2016 году – 166, в 2017 году – 617, в 2018 году – 709, в 2019 – 854.

Следует отметить, что библиометрические показатели по отраслям наук, представленных в журнале, таких как «История. Исторические науки», «Литература. Литературоведение. Устное народное творчество», «Языкознание», выглядят по-разному, но в каждом случае они демонстрируют тенденцию к росту.

Основываясь на этом, редколлегия полна уверенности, что 2020 год станет годом трансформации журнала в статус рекомендованных научных изданий ВАК при Минобрнауки Российской Федерации.

УДК 93/94

М.А. Безнин, Т.М. Димони
Вологодский государственный университет

КЛАСС МЕНЕДЖЕРОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-09-00184 «Социальная революция в советской России: предпосылки, этапы, итоги»*

В статье приводится обзор практических наработок и теоретических исследований, посвященных классу менеджеров. Авторы отмечают, что осознание появления класса относится к концу XIX в., теория менеджмента активно развивалась в течение XX в. Особенностью советской политэкономии было отрицание наличия менеджмента на предприятиях СССР. В то же время управление предприятиями и изучение административно-управленческого персонала привлекало все большее внимание исследователей.

Менеджеры, социальный класс, методология изучения

Важнейшей составляющей социально-экономической трансформации советского общества 1930–1980-х гг. была социальная переструктуризация и формирование новой классовой структуры. Основой этого процесса были коренные изменения в экономическом базисе общества, кардинальным направлением динамики которого являлись процессы абсолютного и относительного увеличения капитала (капитализация). Данный феномен обусловил угасание аграрного общества в России и генерирование нового типа устройства – государственно-капиталистического (в советской и современной историографии оно чаще обозначается как «социалистическое»). Авторами данной статьи высказан ряд идей об особенностях перехода к новому типу общественного устройства в процессе первоначального накопления [9]. Непосредственно процесс становления капитализированной экономики авторы статьи описали на материалах аграрной подсистемы России 1930–1980-х гг. [4; 5; 6]. Новый тип экономического устройства потребовал согласованного с его потребностями инновационного социального устройства. Социальные изменения, произошедшие в советский период истории России, были так велики, что вполне подходят под определение «социальная революция» [11; 12]. В ходе данной революции прошли генезис и окончательное оформление социальные классы нового общественного устройства России. По нашей гипотезе, подтвержденной в ходе исследований аграрной подсистемы советского общества, классовая иерархия выстраивалась следующая – протобуржуазия, менеджеры, интеллектуалы, рабочая аристократия, пролетариат [3; 14]. Важнейшее место в переструктуризации социального устройства советской России играла протобуржуазия, занимавшая место коллективного собственника (со-собственника) в пи-

рамиде социальных классов [10; 13]. Импульсы протобуржуазии по преобразованию ткани экономической жизни воплощал в жизнь класс менеджеров, выполняющий роль своеобразных «рычагов» (по меткому выражению советского писателя А.Я. Яшина). Черты сельскохозяйственной части класса менеджеров 1930–1980-х гг. были описаны авторами данной публикации в ряде работ [7; 8]. Завершение работы по характеристике менеджества советского общества, включая индустриальную составляющую, требует более подробного обращения к научным итогам и сформировавшимся подходам описания класса.

Термин «менеджер» в современных общественных науках трактуется как «наемный работник, занятый профессиональной организаторской деятельностью в органах управления предприятия, наделенный субъектом собственности определенными полномочиями», термин «менеджмент» – как вид деятельности по руководству людьми в самых разнообразных организациях [30].

Формирование слоя (затем класса) управляющих (термином «менеджеры» их обозначили позднее) было замечено на крупных предприятиях второй половины XIX в. В конце XIX в. в зарубежной науке была осознана значимость исследования менеджмента. Отправной точкой изучения менеджмента стало четкое выявление разделения функций собственности и управления, что означало различие интересов группы лиц, владеющих предприятием, и группы лиц, управляющих этим предприятием. Уже в начале XX в. в западной науке сформировалась концепция «рациональной бюрократии», изучавшая большие иерархические структуры, разделение управленческого труда, введение норм и стандартов, установление должностных обязательств и ответственности менеджеров. Од-

ним из первых новую структуру элиты заметил в конце жизни Ф. Энгельс (умер в 1895 г.). Комментируя распространение практики акционерных обществ, Энгельс отметил, что она привела к появлению фигуры управляющего [46]. Уже в начале XX в. этот процесс отразился Ф. Тейлор, создавший систему «научного управления» [41]. Ф. Тейлор исходил из принципа технологического детерминизма, в соответствии с которым функции умственного труда и руководства производственным процессом отделяются от непосредственных производителей. Известно, что система Ф. Тейлора очень интересовала В.И. Ленина, который, при всей критике, считал необходимым взять из нее лучшее, особенно приемы учета и контроля.

Продолжение наработок Ф. Тейлора, которые относились главным образом к сфере общественного производства, было сделано А. Файолем [43]. Он сделал попытку разработки принципов менеджмента административной деятельности, где поставил вопрос о необходимости выделения собственно управленческой деятельности в особый объект исследования. Файоль выделял пять функций менеджмента, среди которых планирование, организация, распоряжение, координация и контроль. Он же одним из первых определил функции управленческой деятельности как предвидение, планирование, организация, координация и контроль. Важной частью наработок А. Файоля было мнение, что менеджмент присущ не только высшему уровню управления, но существует на любом уровне организации производства.

Крупный вклад в разработку теории управления внес Г. Форд, разработавший принципы организационно-технического управления предприятием, в том числе принципы вертикального управления предприятием, детальное разделение труда [44].

Разработанные Тейлором, Файолем и Фордом в начале XX в. теории были условно объединены в классическую школу управления. Вклад их в исследовательскую практику общественных наук состоит в том, что было четко выявлено складывание слоя менеджеров (управляющих), определен круг их задач на промышленном предприятии и в административной системе.

В начале XX в. немецкие социал-демократы Э. Бернштейн и К. Шмидт выдвинули гипотезу о том, что собственность в своей корпоративной форме есть признак наступающего процесса отчуждения сущности капитализма [17; 45]. Согласно этой теории, класс капиталистов постепенно вытесняется административной стратой, интересы которой противоположны интересам собственников. В частности, Конрад Шмидт утверждал, что «происходит реформирование права собственности, расчленение его на высшее владение... и на пользование, принадлежащее предпринимателю, но постепенно сокращающееся и сводящее роль собственника до роли управляющего» [35, с. 29]. Исследования менеджерского слоя и его роли в обществе были активно продолжены в последующие десятилетия.

В 1920-е гг. в СССР наблюдался расцвет «управленческих» исследований, которые велись А. Гастевым, П. Керженцевым, С. Струмилиным, Н. Кондратьевым, Ф. Дунаевским, Н. Витке и др. В отечественной науке управления применялось определение «научная организация труда». В области изучения

организации труда тогда действовало более десяти научно-исследовательских институтов во главе со знаменитым Центральным институтом труда (ЦИТ), на предприятиях существовали психотехнические и социоинженерные лаборатории. Велись прикладные исследования, осуществлялись социоинженерные проекты, разрабатывались методики профессионального обучения, проводились психологические тесты, эксперименты в области психологии труда и межличностных отношений – все это современная наука без сомнения относит к социологии менеджмента. Отдельные ЦИТовские программы считались приоритетными, не знающими аналогов в мировой практике. Центральный институт труда издавал журнал «Организация труда», в редакцию которого входили и зарубежные ученые [26]. Логика рассуждений приверженцев НОТ была ярко выражена, например, в работах Н.А. Витке. В книге «Организация управления и индустриальное развитие (очерки по социологии научной организации труда и управления)» (1925 г.) он обращает внимание на мощное влияние индустрии, которая «революционизировала все: она преобразовала пути сообщения, городской и сельский быт, государственное устройство, мироощущение и мировоззрение всех членов индустриального общества». Н.А. Витке многократно обращается к идее появления социально-профессиональной группы управленцев и администраторов. Он отмечает, что вместе с социально-технологическим разделением труда, падением числа самостоятельных хозяев идет возрастание наемных служащих, выполняющих организационно-административные функции и содействующие выполнению этих функций.

Другой исследователь, участвовавший в разработке НОТ, – Ф.Р. Дунаевский – сделал попытку определить функции текущего распоряжения (административные) [22]. Среди них Ф.Р. Дунаевский называл функции руководства, распределения, а также функции цехового мастера, функции Наркомфина по установлению и исполнению бюджета, функции ВСНХ по определению масштабов и направлению работ, по снабжению, контролю. Эти административные функции Ф.Р. Дунаевский назвал верхней границей. По его мнению, они означали необходимость таких звеньев руководства, как «установление оснований распоряжения, определение его содержания и обеспечение исполнения распоряжений». Нижней же границей административных функций Ф.Р. Дунаевский считал текущие операционные функции.

В социологии считается, что с начала 1930-х гг. разрабатываются проекты менеджериального общества, то есть такого, где утверждается гегемония профессиональных управляющих. А. Берль и Г. Минс в 1932 г. писали о складывании в развитых странах менеджерского слоя с широким социальным сознанием и профессиональными ценностями [1]. Наиболее явно возросшее влияние класса менеджеров заметил американец Дж. Бернхем – его книга «Революция менеджеров» вышла в 1941 г. Яркой отличительной чертой мировоззрения этого автора было мнение о том, что менеджеры действуют в своих собственных особых интересах. Интересно, что, по мнению Бернхема, власть в России уже в то время перешла к менедже-

рам, ибо тот, кто контролирует производство, тот и собственник. Буквально Бернхем писал, что именно с России начинается «мировая революция менеджеров» [2]. Обсуждение концепции революции менеджеров (*managerial revolution*), под которой понимается рост числа и профессионализации менеджеров, не владеющих компаниями, которыми они управляют, развивалось в последующий период. В 1950-е гг. изучение роли менеджеров продолжили известные социологи П. Друкер [21], П. Сорокин [40], Т. Парсонс [34]. Парсонс, к примеру, писал о переходе контроля над производством от собственников к управленческому и техническому персоналу, Сорокин – о трансформации капиталистического класса в менеджерский, а Д. Белл [15] даже назвал этот процесс «молчаливой революцией». Таким образом, исследователи в первой половине – середине XX в. констатировали отделение собственности от контроля: собственники, передавая функции управления наемным менеджерам, теряют контроль над своим бизнесом. Во-вторых, ученые были солидарны в том, что происходящая глобальная социальная трансформация общества приводит к возрастанию роли менеджеров (управленцев) в производстве и формированию их групповых интересов, отличных от интересов собственника.

О существовании менеджерской группы в СССР как особой категории существует ряд работ зарубежных авторов. Так, Д. Врен обратил внимание на концепцию научного менеджмента В. Полякова, высказанную им в США, но в период его работы в СССР распространяемую и на советской территории [18]. М. Димок описывал советский менеджмент как довольно жесткую систему государственного планирования, которая, однако, смягчалась и видоизменялась к началу 1960-х гг. [20].

В практике советского периода термины «менеджер», «менеджмент» не применялись. Устойчивым словосочетанием, употреблявшимся в советских общественных науках и характеризующим управленческую пирамиду, являлось «административно-управленческий аппарат». В 1960–1970-е гг. признавалось, что «управление общественным производством при социализме – сознательное регулирование процесса социалистического общественного производства в целях обеспечения оптимальной взаимосвязи между всеми частями народного хозяйства, бесперебойного его функционирования и развития... В состав кадров управления входят хозяйственные руководители всех рангов, а также функциональные руководители, специалисты и вспомогательный персонал (операторы, секретари, учетчики и др.)» [42]. Следовательно, управленчество в советских общественных науках выделялась как вид общественной деятельности, хотя официально и не признавалось в качестве профессии. В то же время советские руководители категорически противопоставляли советское управление и менеджмент в западных государствах. В 1989 г., например, в газете «Правда» отмечалось: «Есть у нас политика партии, научное политическое руководство, а управление, менеджери́зм – западное, “буржуазное” изобретение» [36]. Тем не менее, в советском руководстве никогда не отрицалось, что любое предприятие является управляемым. Более того, улучшение управления производством всегда было

одной из провозглашаемых социалистических перспектив.

Внимание к изучению управления производством в СССР обострилось в 1960-е гг. В это время появились работы советских ученых (Р.А. Белоусова, Д.М. Гвишиани, О.А. Дейнеко, Д.М. Крука, Г.Х. Попова, В.Г. Афанасьева, А.М. Бирмана, С.Е. Каменицера и др.), в которых оценивался опыт отечественного и зарубежного управления [19; 28; 29]. При этом в работах советских исследователей, например С.Е. Каменицера, речь шла о том, что хозяйственное руководство является самостоятельной общей функцией общественного труда, охватывающей его более частные функции: организацию, планирование и управление [24]. В конце 1950-х гг. была опубликована монография академика В.Г. Афанасьева, где он выдвигал идею, что главным фактором интенсификации является научная организация и управление производством. Книга вызвала массу оппозиционных опровержений, где утверждалось, что интенсификация чужда плановому советскому хозяйствованию. Аналогичный всплеск интереса к прошлому, связанный с реформированием системы управления, произошел в СССР в 1980-е гг., когда также появился целый ряд работ по изучению эволюции опыта управления [16; 27; 39].

Большое внимание в советский период уделялось изучению управления сельским хозяйством. Об управленческом слое в сельском хозяйстве размышляли в основном правоведы. Например, в 1960-е гг. в правоведении активно обсуждался вопрос, кого можно относить к должностным лицам колхоза. В частности, И.В. Павлов для характеристики деятельности должностных лиц выдвигал в качестве главного признака управление, имея в виду управление людьми. При этом данный автор считал, что к их числу следует относить и тех, кто хотя и не имеет в своем подчинении других лиц, но совершает определенные распорядительные действия, влекущие за собой соответствующие правовые последствия для окружающих [32, с. 187]. Тогда же И.Ф. Панкратов определил круг должностных лиц колхозов по содержанию выполняемых действий: 1) лица, осуществляющие руководство или управление тем или иным участком деятельности колхоза; 2) лица, выполняющие ревизионно-контрольные, счетоводческие и тому подобные функции, не имеющие в своем подчинении других работников, но могущие совершать распорядительные действия в отношении их (счетоводы, члены ревизионных комиссий, сторожа и др.); 3) материально-ответственные лица [33, с. 17]. Об особых группах лиц, осуществляющих управленческие функции в сельском хозяйстве, говорили в 1960–1970-х гг. и социологи. Так, А.А. Амвросов в публикации 1968 г. выделял группу административно-управленческого персонала колхозного производства председателей колхозов, их заместителей, бухгалтеров, заведующих различными фермами, бригадиров и др. [25, с. 85–86]. В.Б. Островский в работе 1977 г. выделял среди четырех социально-профессиональных групп колхозной деревни группу «инженерно-технического персонала, специалистов и *организаторов* сельского хозяйства». В частности, к организаторам В.Б. Островский отно-

сил бригадиров производственных бригад, заведующих животноводческими фермами, счетных работников, кладовщиков и др. [31, с. 215–216]. Советские историки канонизировали разработанную другими обществоведами схему социальных группировок сельского населения в обобщающем труде по истории советского крестьянства, вышедшем во второй половине 1980-х гг. В частности, говоря о жизни колхозной деревни 1930-х гг., они отметили «углубляющееся разделение труда», в том числе складывание группы «административно-управленческого персонала колхозов». Создатели этого фундаментального труда зафиксировали складывание уже в 1930-х гг. «управленческого аппарата», который «состоял из руководителей среднего звена. Это представители профессий, связанных с новыми формами организации труда: бригады полеводческих и животноводческих бригад, зав. животноводческими фермами... По социальному положению, по связи с собственностью они являлись колхозниками, но характер их труда был по преимуществу управленческим» [23, с. 368]. Таким образом, управленческая страта в сельскохозяйственных предприятиях, как мы видели выше, вполне четко выявлялась советскими обществоведами второй половины XX в. При этом отмечались общие черты данной категории: занятие определенной должности, организационно-распорядительские, учетные или контрольные функции, наличие людей в подчинении, необходимость определенного опыта и подготовки.

Однако понятие «административно-управленческий аппарат», вполне приемлемое для обозначения функций в производстве, на наш взгляд, не соответствует задачам полномасштабной характеристики особой социальной категории, сформировавшейся в ходе госкапиталистического перерождения российского общества. Дело в том, что социальная группа, которую мы называем «менеджеры» (применяя этот достаточно адекватный набор характеристик западный термин из-за отсутствия русскоязычного аналога), понимается нами не только как реализующая административно-управленческие функции, но и как имеющая особую роль в отпавлении права собственности, характеризующаяся серьезными социально-групповыми особенностями правового и экономического статуса, социального поведения, менталитета.

Кроме места в управленческой иерархии важное значение в характеристике менеджеров принадлежит их месту в отношениях собственности. Согласно институциональной теории, право собственности представляет собой совокупность властных прав, санкционированных поведенческих отношений. При этом выделяется целый «пучок» прав собственности: владение, пользование, управление, право на доход, право на капитал, право на передачу по наследству и т.д. Кроме того, отдельно выделяется проблема трансакций – деятельности в форме присвоения и отчуждения прав собственности, которые осуществляются в процессе планирования, адаптации и контроля за выполнением взятых обязательств [38, с. 58]. Таким образом, менеджмент (управление) неразрывно связан с реализацией прав собственности. В этом смысле очень плодотворной для анализа менеджерского класса представляется идея Э.О. Райта, высказанная в

1980 г. в журнале «Politics & Society». Он писал о позициях, возникающих в процессе производства, и о том, что эти позиции имеют способность контролировать какой-либо ресурс (либо быть отчужденным от контроля). Аспекты контроля могут включать контроль над *денежным капиталом*, то есть потоком инвестиций в производство и направлением процесса накопления; контроль над *физическим капиталом*, то есть реальными средствами производства в рамках процесса производства; а также контроль над *трудом*, трудовой деятельностью непосредственных производителей в рамках производства. Первый из этих аспектов часто называют «реальной экономической собственностью»; второй и третий вместе называют «распоряжением» [37]. По мнению Райта, в иерархии этих аспектов социальных отношений на первом месте стоит контроль над денежным капиталом, который структурирует и ограничивает контроль над физическим капиталом, который, в свою очередь, ограничивает контроль над трудом в рамках производства. В соответствии с этим подходом выделяются основные группы социального класса менеджеров.

Таким образом, научное осмысление роли и места класса менеджеров началось с практической потребности совершенствования организации производства. К началу XX в. данный социальный класс вполне осознавался в практике как отдельная страта с определенным общественно-экономическим функционалом. В первой трети XX в. это осознание было дополнено теоретическими разработками. Главным признаком менеджества исследователи считали управление ресурсами, при этом многие обращали внимание на их специфичное отношение с собственниками. Менеджеры, реализуя управленческие функции, постепенно сближались с классом собственников и замещали часть его функционала. Советский период ознаменовался довольно большим вниманием к теории и практике управления, однако наличие менеджеров как класса в общественных науках отрицалось. Современные исследования позволяют выявить многообразие менеджерских функций, формирование их «отрядов», интерес к овладению собственностью. Исторические исследования советского менеджества с применением выработанных в мировой науке методологических подходов позволят обогатить довольно безликие пока представления о «советских управленцах».

Литература

1. Berle, A. A. The Modern Corporation and Private Property / A. A. Berle, G. C. Means. – New York, Macmillan, 1932. – 380 p.
2. Bernham, J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World / J. Bernham. – New York : Day, Cop. 1941. – 285 p.
3. Beznin, M. A. State capitalism and social classes: the cultural landscape of the soviet village in Stalinist and Post-Stalinist eras / M. A. Beznin, T. M. Dimoni. – DOI: 10.1163/18763324-04303004 // The Soviet and Post-Soviet Review. – 2016. – Т. 43, № 3. – С. 301–337.
4. Безнин, М. А. Аграрный строй России 1930–1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Москва, 2019. – 680 с.
5. Безнин, М. А. Аграрный строй России в 1930–1980-х годах (новый подход) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. – 2005. – № 7. – С. 23–38.

6. Безнин, М. А. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Москва, 2009. – 126 с.
7. Безнин, М. А. Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни) / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Вологда, 2009. – 113 с.
8. Безнин, М. А. О подходах в изучении высших социальных классов российской деревни 1930–1980-х гг.: дефиниции «протобуржуазия» и «менеджеры» / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – С. 77–85.
9. Безнин, М. А. Первоначальное накопление капитала в Советской России: приглашение к научной дискуссии / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202007Statyi02 // Вопросы истории. – 2020. – № 7. – С. 22–42.
10. Безнин, М. А. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.209 // Новейшая история России. – 2019. – № 2 (9). – С. 437–453.
11. Безнин, М. А. Социальная революция в советской России / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910 Statyi03 // Вопросы истории. – 2019. – № 10. – С. 32–42.
12. Безнин, М. А. Социальная революция, социальная трансформация, классы в советской России: оправдание дефиниций анализа / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Социальные процессы, власть и общество России в XX веке: общероссийский и региональный ракурс : сборник научных статей. – Вологда, 2018. – С. 4–17.
13. Безнин, М. А. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 25–42.
14. Безнин, М. А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Социс. – 2011. – № 11. – С. 90–102.
15. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – Москва, 1999. – 783 с.
16. Белоусов, Р. А. Исторический опыт планового управления в СССР / Р. А. Белоусов. – Москва, 1983. – 428 с.
17. Бернштейн, К. Очерки из истории и теории социализма / К. Бернштейн. – Санкт-Петербург, 1902. – 400 с.
18. Wren, D. A. Scientific management in the USSR, with particular reference to the contribution of Walter N. Polakov / D. A. Wren // Academy of Management Review. – 1980. – Т. 5, № 1. – P. 1–11.
19. Гвишиани, Д. М. Организация управления / Д. М. Гвишиани. – 2-е изд. – Москва, 1972. – 536 с.
20. Dimock, M. E. Management in the USSR – Comparisons to the United States / M. E. Dimock // Public Administration Review. – 1960. – Т. 20, № 3. – P. 139–147.
21. Drucker, P. The Practice of Management / P. Drucker. – New York, 1954. – 392 p.
22. Дунаевский, Ф. Р. Комплексность в организации / Ф. Р. Дунаевский // Антология социально-экономической мысли в России. 20–30 годы XX века. – Москва, 2001. – С. 163–223.
23. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Том 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. – Москва, 1986. – 615 с.
24. Каменецер, С. Е. Хозяйственное руководство промышленным предприятием в СССР / С. Е. Каменецер. – Москва, 1961. – 287 с.
25. Классы, социальные слои и группы в СССР. – Москва, 1968. – 230 с.
26. Кравченко, А. И. История менеджмента / А. И. Кравченко. – Москва, 2000. – 352 с.
27. Критический анализ буржуазных теорий и практики управления. – Москва, 1980. – 272 с.
28. Критический анализ теории и практики менеджмента. – Москва, 1976. – 431 с.
29. Крук, Д. М. Развитие теории и практики управления производством в СССР / Д. М. Крук. – Москва, 1974. – 261 с.
30. Менеджер. – URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RMtlkmlw (дата обращения 06.07.2020). – Текст : электронный.
31. Островский, В. Б. Новый этап в развитии колхозно-го строя / В. Б. Островский. – Москва, 1977. – 271 с.
32. Павлов, И. В. Правовые формы управления делами в колхозах / И. В. Павлов. – Москва, 1955. – 252 с.
33. Панкратов, И. Ф. Ответственность должностных лиц колхоза / И. Ф. Панкратов. – Москва, 1959. – 199 с.
34. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва, 2000. – 880 с.
35. Пашерстник, А. Е. Правовое регулирование труда в капиталистических странах / А. Е. Пашерстник. – Москва, 1955. – 132 с.
36. Правда. – 1989. – 8 сентября.
37. Райт Э. О. Марксистские концепции классовой структуры / Э. О. Райт // Politics & Society. – 1980. – Vol. 9, № 3. – P. 323–370.
38. Рощина, Я. М. Социология потребления / Я. М. Рощина. – Москва, 2007. – 446 с.
39. Совершенствование управления общественным производством. – Москва, 1979. – 222 с.
40. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – Москва, 1992. – 544 с.
41. Тейлор, Ф. У. Принципы научного менеджмента / Ф. У. Тейлор. – Москва, 1991. – 104 с.
42. Управление. – Текст : электронный // Большая советская энциклопедия. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/114/295.htm> (дата обращения 06.07.2020).
43. Fayol, H. Administration industrielle et générale / H.A. Fayol. – Paris, 1917. – 174 p.
44. Форд, Г. Сегодня и завтра / Г. Форд. – Москва ; Ленинград, 1927. – 216 с.
45. Schmidt, C. Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes / C. Schmidt. – Stuttgart, 1889. – 130 p.
46. Энгельс, Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2 изд. – Москва, 1962. – Т. 22. – С. 227–243.

M.A. Beznin, T.M. Dimoni

A CLASS OF MANAGERS IN SOVIET RUSSIA: TERMINOLOGICAL AND METHODOLOGICAL DEFINITION

The article provides a review of practical developments and theoretical research on the class of managers. The authors note that the class appeared at the end of the 19th century. Management theory actively developed in the 20th century. The peculiarity of the Soviet political economy was the denial of management as a group of people who control organizations and enterprises in the USSR. At the same time, management of enterprises and study of administrative personnel attracted more and more attention of researchers.

Managers, social class, methodology of the study.

К.А. Гулин

Вологодский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИВАТИЗАЦИИ В СССР В ОЦЕНКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ЭКСПЕРТОВ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ,
проект № 19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.:
классовый генезис и эволюция экономического устройства»*

Публикация вводит в научный оборот аналитическую записку, подготовленную Главным управлением Комитета государственной безопасности СССР в первой половине 1991 г. Документ был обнаружен в Российском государственном архиве экономики, в материалах Фонда государственного имущества СССР. Основу записки составляют материалы ведущих экспертно-аналитических структур зарубежных стран, затрагивающие проблемы и перспективы преобразования форм собственности в СССР в условиях «перехода к рынку». Авторы приходят к выводу о необходимости постепенных и взвешенных темпов приватизации, сочетания принципов централизованного управления экономикой с формирующимися рыночными отношениями. Такому подходу явно противоречил сценарий форсированных реформ, реализованный в России в 1990-е годы.

Разгосударствление, собственность, приватизация, децентрализация, рыночные реформы.

Введение

Начало 1990-х годов в России характеризовалось ускоренным переходом государственной собственности в частные руки, начало которому было положено еще в советский период. По данным статистики, в первой половине 1991 г. на территории РСФСР было приватизировано 40 тысяч предприятий розничной торговли, общественного питания, службы быта [1, с. 70]. В наиболее существенной степени разгосударствление затронуло сектор малых предприятий (с численностью до 200 работников): по состоянию на конец 1991 г. в государственной и муниципальной собственности в РСФСР находилось только 26,1% малых предприятий [2, с. 72].

Однако наибольшее разрывывание данный процесс получил уже в новой России, в форме форсированной приватизации основных объектов бывшей государственной собственности, в т.ч. наиболее значимых промышленных предприятий. Только за один 1992 г. было приватизировано 46,8 тыс. [3, с. 32], а за период с 1992 по 1995 гг. – 121,8 тыс. предприятий (объектов) [4, с. 702]. В 1995 г. удельный вес негосударственных предприятий и организаций в общем их количестве составил 76,9% (в т.ч. частных – 63,4%). В промышленном секторе их доля составляла 92,3% (в т.ч. частных – 72,3%) [4, с. 500, 686].

Резкая ломка прежней структуры собственности стала одним из факторов хозяйственной дезорганизации и глубокого экономического кризиса 1990-х годов, повлекших за собой колоссальные социальные издержки «шоковых реформ». Несмотря на это, даже спустя годы после окончания форсированной приватизации ее главные идеологи и руководители отстаивали точку зрения о том, что иного варианта транс-

формации собственности в стране не существовало [5; 6]. Однако такая позиция не выдерживает критики.

Одним из неоднозначных и недостаточно освещенных вопросов в истории российской приватизации является роль в ее подготовке и реализации внешних сил. Принято, и не без оснований, считать, что сценарий форсированной приватизации в России в рамках «шоковой терапии» был, в значительной мере, продиктован рекомендациями западных специалистов [7, с. 29]. Действительно, преобладающая в среде отечественных экономистов в период поздней перестройки точка зрения о том, что «единственным спасением для советской экономики были свободный рынок и приватизация», была во многом обусловлена влиянием радикальной доктрины свободного рынка, особенно популярной в англо-американской экономической среде в 80-е годы XX в. [8, с. 95–98].

Однако позиция ведущих экспертно-аналитических структур зарубежных стран по данному вопросу была далеко не столь однозначной. Об этом позволяет судить представленная ниже аналитическая записка, подготовленная под руководством начальника Главного управления КГБ СССР Л.В. Шебаршина¹, обнаруженная в архивных материалах Фонда государственного имущества СССР [9]. Обращает на себя взвешенный взгляд экспертов на проблемы и перспективы российской приватизации. Отмечается существенный и противоречащий реалиям промышленно развитых стран характер, традиционного для

¹ Леонид Владимирович Шебаршин – видный деятель советской разведки, генерал-лейтенант, в период с 24.01.1989 г. по 22.09.1991 г. – начальник Первого главного управления Комитета государственной безопасности СССР. В постсоветский период – автор многочисленных биографических произведений (например, [10]).

советской экономической литературы того периода, противопоставления частной и общественной форм собственности. Критикуются бытовавшие в позднем СССР упрощенные представления о способах и средствах демополизации экономики, необоснованные надежды на возможность прямого копирования западного опыта. Указывается, что приватизация сама по себе не может дать необходимого результата без создания соответствующих эффективно работающих рыночных институтов. Как подчеркивали зарубежные эксперты, ключевое значение в переходный период имеет взвешенный выбор темпов движения к рынку, в т.ч. темпов приватизации, при сохранении элементов централизма, сочетание принципов централизованного управления экономикой с формирующимися рыночными отношениями.

Полагаем, что публикуемый документ является важным историческим источником, проливающим свет на возможные, но не реализованные альтернативы российской приватизации в том ее варианте, который был воплощен в жизнь в 90-е годы XX в.

Западные специалисты о проблемах приватизации государственной собственности в СССР (аналитическая записка Главного управления КГБ СССР №185/P-793)

[9, Л. 154] **Цели, способы и масштабы приватизации**

Происходящие в Советском Союзе кардинальные перемены, в частности процесс перехода к рыночной экономике, являются объектом пристального внимания со стороны правительственных, деловых и научных кругов в странах Запада. Этот интерес обусловлен не только тем, что сам факт указанных перемен Запад рассматривает в качестве своего крупного внешнеполитического успеха, а реформированную советскую экономику – в качестве потенциального объекта приложения капитала, но и тем, что, по признанию специалистов государственного департамента США, «мировая история пока не знает примеров успешной трансформации командно-плановой модели экономики в рыночную».

Среди многочисленных проблем, которые предстоит решить Советскому Союзу при переходе к рынку, западные специалисты особо выделяют приватизацию государственной собственности как с точки зрения значимости, так и с точки зрения сложности решения этой задачи. Они указывают, что политическое и хозяйственное руководство СССР рассчитывает с помощью приватизации решить две основные задачи. Во-первых, обеспечить создание имущественно независимых хозяйственных субъектов, действующих на конкурентной основе и в своей борьбе за выживание и максимизацию прибыли заинтересованных в повышении эффективности производства, его мо- [9, л. 155] дернизации и развитии. Во-вторых, преодолеть отчуждение труженика от средств производства и результатов труда, обусловленное «тотальным господством государственной собственности при сверхцентрализованном управлении ею». Предполагается, отмечают западные специалисты, что в результате решения указанных задач в экономике будет

создана принципиально новая мотивационная основа для эффективной хозяйственной деятельности.

Как отмечают зарубежные специалисты, возможны три основных подхода к решению проблемы приватизации (денационализации) государственной собственности. Первый базируется на разделе и безвозмездной передаче подлежащего приватизации государственного имущества всем членам общества или только совершеннолетним гражданам. Второй исходит из безвозмездной передачи или продажи на льготных условиях имущества государственных предприятий в собственности занятых на них работников. Третий подход предусматривает свободную продажу государственной собственности (непосредственно или через аукцион) юридическим лицам и гражданам. Возможны также комбинации из указанных трех подходов.

Из вышеизложенных вариантов приватизации «в чистом виде» наименее приемлемым как с социально-экономической, так и с организационно-технической точки зрения считается раздача государственного имущества с помощью специально выпускаемых и распространяемых между всеми гражданами страны инвестиционных купонов (бонов, сертификатов). Как отмечают специалисты Вашингтонского института инвестиционных компаний, помимо труднопреодолимых организационно-технических сложностей (нерешенность вопроса о принципах распределения купонов в зависимости от возраста, трудового стажа, социального статуса и т.д., [9, Л. 156] отсутствие механизма обмена купонов на реальные активы в виде средств производства, акций и т.д.) этот вариант является наименее удачным и с точки зрения создания трудовой мотивации, поскольку бесплатное и, по существу, уравнилительное распределение имущества (или акций) «выхолащивает самую суть приватизации». Для большинства населения, подчеркивают американские эксперты, бесплатно полученные акции не будут восприниматься как нечто существенно отличное от дискредитировавшей себя «общенародной» собственности.

Вариант передачи государственных предприятий в собственность работающих на них коллективов также рассматривается подавляющим большинством специалистов как неперспективный, поскольку опыт функционирования предприятий, управляемых рабочими, оказался в основном негативным как на Западе (например, «система трудовой акционерной собственности» в США), так и в странах Восточной Европы (Венгрия, Югославия). Главный недостаток этих предприятий – тенденция к повышению заработной платы и «проеданию» доходов в ущерб долгосрочным интересам развития производства.

Существует высокая степень согласия среди специалистов и относительно направлений использования третьего варианта приватизации – путем продажи государственного имущества отдельным гражданам и юридическим лицам через открытые, хорошо рекламируемые аукционы и торги. Согласно рекомендациям экспертов МВФ и Всемирного банка, этот вариант приватизации целесообразно применять в отношении мелких предприятий. В первую очередь следует распродать мелкие предприятия в сфере автомобильного

транспорта, складского хозяйства, розничной торговли и бытового обслуживания» [9, Л. 157] ния, поскольку в этих секторах имущество легко поддается распродаже малыми частями, а монополия на предоставление услуг может быть разрушена значительно быстрее, чем в сфере материального производства. Специалисты считают крайне важным обеспечить эффективный государственный и общественный контроль за проведением аукционов, с тем чтобы не допустить «закулисных сделок» между руководителями приватизируемых предприятий, организаторами аукционов и возможными покупателями, среди которых вероятно появление представителей теневого бизнеса, стремящихся использовать приобретение мелких предприятий в целях «отмывания» криминальных доходов.

Учитывая, что у подавляющего большинства советских граждан нет достаточных средств для приобретения даже самых мелких хозяйственных объектов, многие западные эксперты допускают возможность продажи малых предприятий в кредит, а также передачи их в аренду отдельным лицам и коллективам с последующим выкупом.

Наиболее сложной проблемой в процессе преобразования форм собственности является, по общему мнению специалистов, приватизация (денационализация) крупных промышленных предприятий. Эта проблема особенно трудноразрешима в условиях СССР, где при гигантских масштабах государственного сектора, на который приходится более 90% основных фондов страны, полностью отсутствует рынок капиталов, а свободные сбережения населения, потенциально могущие быть израсходованными на приобретение государственного имущества (по западным данным, в пределах 60–90 млрд руб.), несопоставимы со стоимостью подлежащего приватизации имущества.

[9, Л. 158] **Преобразование форм собственности и проблема мотивации эффективной хозяйственной деятельности**

Как отмечают западные специалисты, одним из главных аргументов сторонников приватизации государственной собственности является утверждение о необходимости «преодоления отчуждения работника от средств производства и результатов труда» и создания на этой основе качественно новой трудовой мотивации. В этой связи специалисты Бирмингемского центра русских и восточноевропейских исследований (Англия) считают, что уже ставшее традиционным в советской экономической литературе противопоставление частной и общественной форм собственности в контексте проблемы повышения эффективности трудовой мотивации является в значительной мере искусственным и противоречит современным экономическим реалиям промышленно развитых стран.

По мнению английских экспертов, представление о частной собственности как о мотивационной основе эффективной трудовой деятельности производственных коллективов является безусловным лишь для малого бизнеса, главным образом индивидуальных и семейных предприятий, где собственник и работник совпадают непосредственно в одном лице (то есть происходит непосредственное «соединение труда и

капитала»). Для крупных индивидуальных предприятий и акционерных обществ (корпораций) этот аргумент в пользу приватизации «не работает». Собственность в таких корпорациях в мотивационном отношении с точки зрения рабочих и служащих мало чем отличается от государственной.

[9, Л. 159] Особое внимание западные эксперты обращают на предприятия, находящиеся в собственности трудовых коллективов. Специалисты американской исследовательской корпорации «Интернешнл файнэншл рिसорч» провели анализ функционирования в различных странах предприятий, выкупленных трудовыми коллективами по системе «трудовой акционерной собственности», которая была разработана в США и впоследствии получила некоторое распространение в ряде других развитых стран. В результате проведенного исследования американские эксперты пришли к заключению, что для этого типа предприятий характерны преобладание узкогрупповых интересов, тенденция к «проеданию» доходов в ущерб процессу производственного накопления и, как следствие, низкая экономическая эффективность. В западных странах «рабочие акционерные предприятия» нередко создаются в целях предотвращения банкротства убыточных предприятий и ликвидации рабочих мест, а их выживаемость в условиях рыночной конкуренции во многом зависит от поддержки со стороны государственных и муниципальных властей, которая выражается главным образом в виде налоговых льгот. Определенная ущербность «трудовой акционерной собственности», по мнению американских экспертов, заключается также в том, что предприятия, основанные на этой форме собственности, являются обществами закрытого типа (их акции не продаются на бирже) и поэтому не способствуют формированию нормального рынка капиталов.

Распространение в Венгрии и Югославии собственности трудовых коллективов (в Югославии «народное самоуправление» на протяжении нескольких десятилетий было основной официально провозглашенной формой собственности), которую, по мнению западных экспертов, можно рассматривать в качестве аналога «трудовой акционерной собственности» на Западе, привело к принявшему драматические масштабы ослаблению контроля за оплатой труда и стало одним из главных факторов усиления инфляции.

Поэтому при разработке рекомендаций по проведению приватизации для польского правительства специалисты Вашингтонского института инвестиционных компаний подчеркивали, что, допуская возможность продажи части активов предприятий рабочим на льготных условиях (например, 20% первоначально выпущенных акций продаются рабочим с 50%-й скидкой), необходимо осуществлять эту продажу на строго индивидуальной основе, с тем чтобы не допустить приобретения рабочими союзами (трудовыми коллективами) выделенной квоты акций в виде единого блока. Как утверждается, при таком варианте велика вероятность превращения 20%-й квоты в контрольный пакет акций, принадлежащий коллективному владельцу, заинтересованному более всего в повышении зарплаты и расширении других льгот для

коллектива и не способному осуществлять эффективное управление предприятием.

В тех случаях, когда перевод государственных предприятий в акционерную собственность сопровождается свободной продажей акций через фондовую биржу, приобретение акций для подавляющего большинства инвесторов, в том числе работников данного предприятия, превращается, как отмечают специалисты, в чисто имущественный акт. Их целью является не участие в делах фирмы и осуществление контроля за работой аппарата управления, а лишь получение дивидендов или извлечение разовой прибыли. Как показал опыт приватизации государственных предприятий в Англии в середине 80-х годов, многие из работников этих предприятий, купившие акции на льготных условиях, сразу же перепродали их ради получения прибыли на этой разовой операции. По оценке английских специалистов, этот факт подтверждает данные социологических исследований, согласно которым даже во вполне сложившейся рыночной экономике количество людей, желающих быть собственниками (предпринимателями) и нести ответственность за эффективное использование этой собственности, ограничено и составляет не более 8–10% трудоспособного населения.

На основании анализа проблем трудовой мотивации рабочих и служащих предприятий в промышленно развитых странах с рыночной экономикой специалисты Национального института социальных и экономических исследований ФРГ пришли к заключению, что характерная для большинства из них высокая трудовая мораль мало связана с собственностью (наличием у них акций предприятия) или с доходами от этой собственности. Основная масса работающих, указывают немецкие специалисты, за исключением мелких индивидуальных предпринимателей (ремесленники, фермеры, лица свободных профессий и т.п.), не являются собственниками, и труд в подавляющем большинстве случаев остается наемным.

Так, в США в конце 80-х годов число фирм, практикующих продажу акций своему персоналу, достигало 10 тыс. с общим числом занятых более 12 млн (свыше 10% всех занятых в стране). Нередко акции предоставлялись рабочим по коллективным договорам в качестве компенсации за сокращение или замораживание заработной платы. Однако абсолютное большинство владельцев «рабочих акций» являлись мелкими держателями и не оказывали реального влияния на дела фирм.

По данным английской консультативной фирмы «Оксфорд аналитика», в Англии программы распространения акций среди своих работников [9, Л. 162] рабочих и служащих имеют более 40% всех компаний, но при этом у 60% таких компаний доля «рабочих акций» в стоимости акционерного капитала не превышает 1%.

В Швеции так называемые фонды трудящихся (коллективная форма участия в собственности компаний) контролируют 2,6% всего акционерного капитала компаний, зарегистрированных на фондовой бирже, а средняя доля указанных фондов в акционерном капитале компаний составляет 6–8%. По свидетельству шведских профсоюзных деятелей, роль фондов трудящихся в усилении трудовой мотивации крайне

незначительна, тем более что выплата дивидендов откладывается на будущее в виде прибавки к пенсии.

По мнению абсолютного большинства западных специалистов, ключевым фактором обеспечения высокой эффективности хозяйственной деятельности в условиях современной рыночной экономики является компетентное управление, высокий уровень которого в свою очередь обуславливается профессиональной подготовкой управленческих кадров, жесткой конкуренцией и личной ответственностью управляющего любого ранга за принимаемые решения. Неэффективное управление, ведущее к снижению прибыли предприятия, неотвратимо влечет отставку менеджера.

Как отмечают западные специалисты, принцип отделения функции управления от собственности, согласно которому практическое руководство деятельностью компаний осуществляют не их собственники, а специально подготовленные профессиональные менеджеры, стал за последние десятилетия одним из главных и универсальных принципов организации крупного производства в условиях рыночной экономики.

[9, Л. 163] Важнейшей функцией эффективного управления является, как утверждают английские экономисты, создание трудовой мотивации на каждом рабочем месте с использованием всего арсенала средств материального и морального стимулирования. При этом если на производственных участках с преобладанием физического труда в основе трудовой мотивации лежит главным образом материальное стимулирование, то мотивация труда инженерно-технического персонала все больше опирается на такие факторы, как профессиональная удовлетворенность, возможность самореализации, самостоятельность и ответственность, которые, в свою очередь, во многом обеспечиваются участием работников в принятии решений.

О необоснованности распространившихся в последнее время в СССР и восточноевропейских странах ожиданий, что приватизация государственной собственности сама по себе повысит мотивацию трудовых коллективов и эффективность деятельности предприятий, предупреждают эксперты консультативного совета при Федерации экономических организаций Японии («Кэйданрэн»). Они подчеркивают, что приватизация «ничего не гарантирует и не страхует от вырождения, если не работают рыночные рычаги и отсутствует конкуренция». Как заявляют японские специалисты, «успех фирмы зависит не столько от формы собственности, сколько от компетентности управляющего, которому наступает на пятки конкурент».

Приватизация и проблемы демонополизации экономики

Западные специалисты, оценивая перспективы перехода СССР от командно-плановой экономической модели к рыночной, неизменно подчеркивают, что одним из наиболее труднопреодолимых препятствий [9, Л. 164] в процессе этого перехода будет сверхмонополизм в советской экономике, полное отсутствие конкурентной экономической среды, в то время как именно конкуренция является главным

стержнем рыночного механизма саморегулирования. Отсюда, по мнению экспертов, вытекает необходимость дополнения приватизации крупномасштабными мерами по демонополизации как в первую очередь приватизируемых предприятий, так и экономики в целом. В противном случае, предупреждают эксперты, приватизация приведет лишь к усилению диктата предприятий-монополистов, вышедших из-под контроля административных структур.

Эксперты консультативной фирмы «Оксфорд аналитика» считают, что в СССР ввиду полного развала потребительского рынка и острой дефицитности всех видов материальных ресурсов в ходе приватизации потребуются серьезные меры по преодолению диктата производителей не только в отношении крупных, но и мелких предприятий. С учетом опыта проведения антимонопольной политики в западных странах эти меры должны, в частности, включать решительное пресечение любых форм сговора о ценах, о разделе рынков сбыта или «сфер влияния», о коллективном отказе от поставок или дискриминации при поставках, о любых других сговорах, препятствующих конкуренции. В отдельных случаях целесообразно в качестве условия приватизации устанавливать запрет на изменение профиля предприятия в течение определенного времени и даже минимальные объемы выпуска продукции. Неприятие подобных мер, указывают эксперты, приведет к тому, что владельцы приватизированных предприятий, используя свое монопольное положение, пойдут по пути увеличения прибыли не за счет снижения издержек и наращивания произ- [9, Л. 165] водства, а за счет поддержания искусственного дефицита и вздувания цен.

Анализируя особенности перехода к рыночной экономике в различных странах, специалисты Стокгольмского института по изучению экономики СССР и восточноевропейских стран обращают внимание на то, что в Советском Союзе негативные последствия монополизма в таких сферах, как розничная торговля и бытовое обслуживание, могут резко усилиться, если перевод этого сектора экономики на новые формы собственности будет осуществляться только за счет распродажи уже имеющихся государственных предприятий без создания возможно большего числа новых хозяйственных объектов, обеспечивающих расширение базы для развития конкуренции. Негативные последствия такого развития ситуации, указывают шведские специалисты, очевидны на примере «новой советской кооперации» в сфере общественного питания, где массовая передача государственных предприятий в руки кооператоров, проведенная «при содействии коррумпированной бюрократии», практически повсеместно привела к обострению дефицита услуг при одновременном повышении цен. Во многих случаях кооперативные «точки» стали фактически недоступны для широкого потребителя из-за монополизации их «элитарной клиентурой» и преступными группировками. Шведские специалисты высказывают опасение, что повторение подобного сценария развития событий в сфере торговли и бытового обслуживания чревато окончательной дискредитацией идеи рынка среди населения и ростом социальной напряженности с непредсказуемыми последствиями.

По мнению ряда зарубежных специалистов, в Советском Союзе преобладают упрощенные представления о способах и средствах демонополизации экономики, которые в значительной мере связаны [9, Л. 166] с необоснованными надеждами на возможность прямого копирования западного опыта в области антимонопольного законодательства. Эксперты министерства внешней торговли и промышленности Японии считают, что в СССР проблема демонополизации не может быть решена посредством введения антистретовских законов, аналогичных действующим в промышленно развитых странах. По мнению японских специалистов, принципиальным отличием западных стран от СССР является то, что в странах с рыночной экономикой антистретовское законодательство носит преимущественно превентивный характер, оно в настоящее время направлено главным образом на предотвращение образования монополий (путем сговора, слияний, поглощений и т.д.), тогда как в СССР монополизм не только фактически существует, но и является всеобъемлющим.

Другая сторона проблемы, отмечают японские эксперты, состоит в том, что на Западе применение антистретовского законодательства относится преимущественно к судебной деятельности. При этом само определение монополии является объектом судебного толкования, поскольку законы, как правило, не содержат сколько-нибудь четких критериев на этот счет. В СССР же судебные органы совершенно не подготовлены к выполнению подобных функций. Поэтому, по мнению японских экспертов, остается неясным, каким образом будет действовать в СССР механизм реализации антимонопольного законодательства. В этих условиях попытка покончить с монополизмом традиционными директивными мерами, по всей вероятности, закончится в лучшем случае принятием еще одного «неработающего» закона, а в худшем случае – очередной кампанией по разукрупнению и реорганизации производственных и управленческих структур, что может иметь разрушительные последствия, по- [9, Л. 167] скольку разукрупнение зачастую противоречит технологической целесообразности.

Эксперты министерства внешней торговли и промышленности Японии утверждают, что процесс стихийного становления в СССР действительной конкуренции между производителями, составляющей основу рыночного саморегулирования, потребует многих лет. В то же время плановое управление народным хозяйством уже серьезно подорвано и продолжает быстро разрушаться. В этих условиях форсированная приватизация государственной собственности ускорит возникновение ситуации, когда экономика становится вообще нерегулируемой. Такая ситуация, утверждают японские специалисты, «ведет не к капитализму и не к социализму, а к хаосу и катастрофе».

Приватизация в условиях кризиса централизованного управления

В докладе о перспективах экономических реформ в восточноевропейских странах и СССР, подготовленном американской исследовательской корпорацией «Плэнэкон» (PlanEcon, Inc.) для совета экономических консультантов бюджетного управления конгресс-

са, указывается, что успех реформ не может быть обеспечен сформированным переходом от тоталитарно-плановой системы управления экономикой к тотальной системе частного предпринимательства. Ключевое значение в переходный период приобретает взвешенный выбор темпов движения к рынку, в частности темпов приватизации, при сохранении элементов централизма. Необходимость сочетания принципов централизованного управления экономикой с формирующимися рыночными отношениями, считают американские эксперты, диктуется «не столько [9, Л. 168] инерцией идеологических стереотипов, сколько глубиной поразившего экономику кризиса».

Специалисты «Плэнэкон» отмечают, что, несмотря на обнаружившиеся в первой половине 80-х годов явные признаки стагнации, возрастающего технологического отставания от промышленно развитых стран и давно укоренившиеся структурные диспропорции в экономике, непосредственной угрозы скорого и разрушительного кризиса в СССР не было. Высокая степень централизации экономической системы гарантировала сохранение единого экономического пространства, устойчивость хозяйственных связей, поддержание достигнутого уровня производства и реализацию «намеченных в разумных пределах приоритетов».

Централизм прежде всего обеспечивал контроль над такими макроэкономическими факторами, как состояние денежно-финансовой сферы. В «доперестроечном» Советском Союзе, утверждают американские эксперты, всегда существовавший в этой сфере дисбаланс удерживался в определенных рамках и не представлял собой угрозы для государства, а теперь «он – его постоянная головная боль». Расстройством денежного обращения и государственных финансов со всеми вытекающими последствиями (усиление инфляции, развал потребительского рынка и натурализация обмена, рост социальной напряженности и т.д.) «является скорее результатом вышедшего из-под контроля процесса децентрализации, чем внутренним пороком системы централизованного управления».

Как указывается в докладе, именно обладающая достаточным запасом устойчивости централизованная система планирования и контроля обеспечивает возможность проведения радикальных реформ «без шахрааний в крайности», тогда как драматические меры типа [9, Л. 169] «шоковой терапии» являются скорее вынужденной реакцией на кризис системы, не оставляющий времени для раздумий и разработки тщательно взвешенной программы реформ.

В настоящее время централизованный государственный контроль над экономикой СССР, считают эксперты «Плэнэкон», не может быть таким всеобъемлющим, как в дореформенный период. Однако он должен безусловно обеспечивать возможность уверенной коррекции таких макроэкономических параметров, как дефицит государственного бюджета (через налоговую политику), динамика цен и доходов, объем и направления использования иностранных кредитов, объем инвестиций на приоритетных направлениях. Опасность ущерба, связанного с поспешной ликвидацией элементов централизованного управления, подчеркивается в докладе, особенно воз-

растает в свете настоящей необходимости модернизации и структурной перестройки советской экономики, которая потребует беспрецедентного по масштабам маневра ресурсами в рамках общенациональных программ. В условиях развивающегося сейчас в СССР неуправляемого, «дикого» рынка такой маневр невозможен, он требует сохранения сильных централизованных структур.

Американские специалисты обращают внимание на то, что, как показал опыт экономических реформ в восточноевропейских странах, поспешная и не подкрепленная солидными прогнозами децентрализация управления, осуществляемая в надежде на скорый выигрыш в динамике и эффективности производства, повсеместно дала результаты, обратные ожидаемым. По мнению американских экспертов, это обстоятельство наводит на мысль, что «централизм, возможно, не представляет собой нечто порочное по своей природе, равно как не является панацеей процесс децентрализации вопреки ожиданиям [9, Л. 170] “опьяненных свободой” восточноевропейских и советских экономистов».

Причины, тормозящие развитие экономики в рамках плановых централизованных систем, считают специалисты «Плэнэкон», связаны, по-видимому, не столько с централизмом как таковым, сколько с бюрократизацией структур управления, препятствующим «свободному движению идей, развитию передовых форм и методов хозяйствования». Среди факторов, обуславливающих такое положение, по мнению экспертов, выделяются следующие:

- чрезмерная идеологизация экономики, недостаток здравого прагматизма, игнорирование назревших проблем мотивации эффективной деятельности на всех уровнях – от высших звеньев управления до рабочих мест в заводских цехах;

- отсутствие конкуренции между субъектами хозяйствования внутри государственного сектора;

- отсутствие (по соображениям сохранения гарантированной занятости) института банкротства или иного механизма ликвидации неэффективно работающих предприятий, что порождает атмосферу всеобщей безответственности;

- преобладание номенклатурных принципов в системе отбора руководящих кадров, отсутствие в ней элементов соревновательности и механизма объективной оценки и немедленной замены некомпетентных руководителей;

- «закрытость» советской экономики, преобладание в ней автаркических тенденций в сочетании с иждивенческим подходом к использованию передовых западных технологий.

Преодоление указанных негативных тенденций в рамках централизованных систем, считают эксперты «Плэнэкон», не только возможно [9, Л. 171] можно, но и дает быстрые, впечатляющие результаты. Подтверждением этого тезиса может служить успех первого этапа экономической реформы в КНР, которая по существу, не затронув основ планово-централизованной системы, за счет большей открытости и поощрения жестко контролируемого развития частного сектора позволила в сжатые сроки достичь значительного прогресса в экономическом развитии, включая резкое

ускорение динамики промышленного производства, самообеспеченность сельскохозяйственной продукцией, повышение конкурентоспособности товаров на внешних рынках.

С другой стороны, по мнению экспертов Федерального института по изучению восточноевропейских и международных проблем в Кельне (ФРГ), крупномасштабная приватизация государственной собственности в условиях кризиса централизованной системы управления экономикой, тотального дефицита и нарастающей социально-политической напряженности может стать серьезным фактором дальнейшей дестабилизации обстановки.

Получившие независимость от государственных органов приватизированные предприятия будут ориентированы прежде всего на удовлетворение личных имущественных интересов собственников и узкогрупповых интересов трудовых коллективов, что в свою очередь будет означать раскручивание инфляционной спирали, стагнацию производства и консервацию технологической отсталости. При этом становится неизбежным значительное снижение жизненного уровня большинства населения. В результате неизбежного имущественного расслоения, сопровождающего процесс приватизации, характерное для СССР психологическое неприятие частной собственности может, по мнению западногерманских экспертов, уси- [9, Л. 172] литься до такой степени, что при отсутствии сильной центральной власти социальный взрыв станет неизбежным.

Важным фактором дестабилизации социально-политической обстановки в стране, как отмечают немецкие специалисты, становится экономическая преступность, которая по мере развития приватизации будет постоянно возрастать. Наиболее распространенными видами нарушений будут рэкет и другие корыстные преступления против собственников, создание фиктивных предприятий, служащих прикрытием для противоправной деятельности и «отмывания» криминальных доходов, коррупция в системе распределения дефицитных ресурсов (особенно на «стыках» частного и государственного секторов) и т.д. Как подчеркивают немецкие специалисты, надежды на то, что легализация «теневого» экономики в ходе приватизации автоматически приведет к искоренению большинства видов экономической преступности, лишены серьезных оснований, о чем свидетельствует, в частности, опыт резкого ухудшения криминогенной обстановки в СССР с развитием «новой кооперации». Дезинтеграция Союза и вызванное этим ослабление централизма в работе правоохранительных органов будет, по мнению экспертов, существенно осложнять борьбу с экономической преступностью в период становления рыночных отношений.

Западные специалисты о перспективах акционирования крупной государственной собственности в СССР

Участники Всемирного конгресса по проблемам изучения СССР и восточноевропейских стран, состоявшегося летом 1990 г. в Англии, отмечали, что процесс преобразования крупной государственной собственности и формирования многоукладной экономики

в этих [9, Л. 173] странах осложняется отсутствием значительных свободных средств у населения. В частности, сбережения, которые реально сможет израсходовать на приобретение государственного имущества население СССР, составляют менее 3% от общей балансовой стоимости основных фондов в экономике (около 3 триллионов рублей).

Серьезным препятствием на пути приватизации и создания крупного рыночного сектора в советской экономике станет, по мнению ряда специалистов, техническая отсталость «подлежащих приватизации» предприятий, моральный и физический износ основных фондов. Эксперты американской банковско-инвестиционной корпорации «Морган Стэнли» утверждают, что, поскольку значительная часть советских предприятий оснащена физически изношенным и морально устаревшим оборудованием, в случае успеха экономической реформы эти предприятия окажутся в условиях рынка низкорентабельными, а в ходе предстоящей структурной перестройки экономики многие из них будут, по-видимому, просто закрыты. С учетом укоровившихся структурных диспропорций и технической отсталости советской промышленности ставка на быстрое формирование в СССР рыночного сектора главным образом за счет приватизации государственного [имущества] является, по мнению специалистов корпорации «Морган Стэнли», неоправданной, «речь должна идти, по существу, о создании новой экономики».

Эксперты Вашингтонского института инвестиционных компаний, анализируя опыт преобразований рыночной ориентации в Польше, Венгрии и Чехословакии, выделяют ряд дополнительных моментов, затрудняющих процесс приватизации крупной собственности в этих странах:

[9, Л. 174] - практически полное отсутствие специалистов, владеющих методиками финансовой экспертизы и определения хотя бы приблизительной рыночной стоимости приватизируемых объектов;

- отсутствие инфраструктуры рынка капиталов (информационные системы, брокерские фирмы, инвестиционные банки и т.п.), что в обозримом будущем практически исключает структурное перераспределение приватизированных основных фондов в соответствии с потребностями рынка;

- неразработанность вопроса относительно социальных групп, имеющих право на первоочередное приобретение государственного имущества на льготных условиях и конкретном содержании этих льгот.

В свете указанных обстоятельств, отмечают западные специалисты, легко объяснимы крайне низкие темпы процесса приватизации государственной промышленности в Польше, несмотря на провозглашенную руководством страны приоритетность проблемы преобразования собственности госсектора в рамках программы экономической реформы. Из более чем 7,5 тыс. промышленных предприятий, составляющих государственный сектор, в 1990 г. удалось приватизировать не более десяти, а программой на 1991 г. намечено приватизировать порядка сорока предприятий.

Показательным является также опыт приватизации на территории бывшей ГДР. По данным ведомства по управлению и опеке народной собственности, из

8 тыс. предприятий общей стоимостью около 600 млрд марок за полгода работы ведомства было приватизировано не более 400 предприятий стоимостью менее 0,5 млрд марок. Главная проблема в данном случае заключается в технической отсталости промышленных предприятий по сравнению с аналогичными предприятиями в западной части объединенной Германии.

В этой связи в английских правительственных и деловых кругах, связанных с приватизацией крупных государственных компаний (таких как «Бритиш петролеум», «Бритиш гэс», «Бритиш аэроспейс» и др.), идеи форсированной приватизации по жесткому графику, получившие распространение в СССР (основанные, в частности, на программе «500 дней»), вызвали недоумение. По утверждению английских специалистов, даже в условиях развитого рынка с соответствующей инфраструктурой (информационной, кредитно-банковской, биржевой и т.д.), при наличии достаточного количества высококвалифицированных специалистов и психологически подготовленного населения нормальный срок приватизации одной государственной компании составляет не менее 2–3 лет.

Учитывая сложность и противоречивость процесса приватизации, как с точки зрения ее осуществления, так и с точки зрения последствий, многие зарубежные эксперты приходят к выводу, что на начальном этапе переходного периода СССР к рыночной экономике наиболее реальным и наименее болезненным способом преобразования собственности крупных и средних предприятий станет, по-видимому, перевод их в акционерную собственность. При этом подчеркивается, что важна не столько смена формы собственности, сколько смена принципов управления и контроля, для чего по мере стабилизации экономики следует осуществлять передачу предприятий из рук бюрократических монополизированных структур в лице отраслевых министерств и главков в руки новых «владельцев», ориентированных на рынок и заинтересованных в эффективном управлении производством и его развитии. Этот процесс будет означать преодоление диктатуры министерств, отмену жесткого фондирования ресурсов и прикрепления потребителя к поставщику, более обоснованную либерализацию ценообразования.

Одновременно акционирование, как указывают специалисты, будет означать освобождение предприятий от ведомственной опеки, принятие ими полной экономической ответственности за результаты своей деятельности. В частности, отказ от внутриотраслевого уравнительного перераспределения ресурсов между эффективно работающими и нерентабельными предприятиями создаст предпосылки для включения механизма, выводящего из хозяйственного оборота безнадежно убыточные предприятия (через институт банкротства).

Эксперты английской консультативной группы «Юнайтед рисорч» считают, что ввиду полного отсутствия в СССР инфраструктуры рынка капиталов на первом этапе акционирования целесообразно передавать предприятия под контроль государственных холдинговых компаний, специально создаваемых для этих целей. По мнению западных специалистов, во многих стра-

нах акционерная форма организации государственных предприятий обеспечивает их эффективное функционирование. В частности, в Западной Европе широкое распространение наряду с частными портфельными инвестициями получили различные формы государственного контроля над акционерным капиталом. Так, доля государственных акционерных предприятий в производстве автомобилей составляет: во Франции – 50%, в Великобритании и ФРГ – по 25%; в судостроении на государственном секторе приходится 75% выпускаемой продукции в Италии, 50% – в Великобритании, 30% – в ФРГ. Со временем, по мере формирования рынка ценных бумаг холдинговые компании будут осуществлять продажу акций институциональным (предприятия, организации, банки и т.д.) и индивидуальным инвесторам.

Комментируя обсуждавшиеся в СССР программы перехода к рынку, западные специалисты указывают на недопустимость превращения процессов приватизации в очередную компанию. Как подчеркивают эксперты английской фирмы «Оксфорд аналитика», темпы и масштабы преобразования форм собственности должны зависеть только от того, в какой мере новые формы собственности и организации производства реально докажут более высокую эффективность по сравнению со старыми. Во всяком случае, полагают английские специалисты, создание в СССР многоукладной модели экономики, в которой стержнем нового экономического уклада должна стать система крупных акционерных предприятий, потребует, по-видимому, не менее 15–20 лет.

Представители правительственных и деловых кругов западных стран обращают внимание на то, что в СССР в обстановке огульной критики Центра и административно-командной системы произошла своеобразная «абберрация понятий», в результате чего было полностью утрачено понимание позитивной и абсолютно необходимой роли государственных структур в демократизации экономической жизни и становлении цивилизованных рыночных отношений. В деловых кругах Японии, например, имеет место широкое признание того факта, что «японское экономическое чудо» объяснялось не просто стихийным возрождением свободного предпринимательства в послевоенный период, но и в огромной степени – подвижнической работой высококвалифицированных и патриотически настроенных чиновников. Через государственные инвестиции и налоговую политику они обеспечивали развитие приоритетных отраслей, содействовали научно-техническому прогрессу, ускорению структурной перестройки и модернизации всей экономики. Важной заслугой японской бюрократии признается содействие здоровой конкуренции посредством разработки и осуществления антимонопольной политики. Наконец, сотрудничество государственных структур с предпринимателями и профсоюзами содействовало смягчению социальных конфликтов, гармонизации интересов и поддержанию необходимой для экономического прогресса политической стабильности.

Оценивая ближайшие перспективы развития экономической ситуации в СССР как крайне тревожные, эксперты Совета экономических консультантов бюд-

жетного бюро Конгресса США указывают, что осуществление каких-либо программ реформирования экономики, и в том числе любых планов приватизации, невозможно без скорейшего решения главного политического вопроса в СССР – подписания нового Союзного договора, который четко бы разграничил сферы компетенции между Центром и субъектами федерации и приостановил дальнейший развал народного хозяйства. По мнению американских специалистов, промедление с подписанием Союзного договора будет вести к «прогрессивному параличу» исполнительной власти, политическому хаосу и к созданию ситуации, в которой использование чрезвычайных полномочий для «наведения порядка любой ценой» станет неизбежным.

Начальник Главного управления
Комитета государственной безопасности СССР
[подпись] Л. Шебаршин
№ 185/P-793

Литература

1. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: статистический ежегодник. – Москва : Росинформцентр, 1991. – С. 70.
2. Народное хозяйство Российской Федерации. 1992: Статистический ежегодник / Госкомстат России. – Москва : Республиканский информационно-издательский центр, 1992. – С. 72.
3. Российская Федерация в цифрах в 1993 году: Краткий статистический сборник. – Москва : Росинформцентр Госкомстата России, 1994. – 382 с.
4. Российский статистический ежегодник: статистический сборник / Госкомстат России. – Москва : Логос, 1996. – 1202 с.
5. Приватизация по-российски / под редакцией А. Б. Чубайса. – Москва : ВАГРИУС, 1999. – 365 с.
6. Гайдар, Е. Развилки новейшей истории России / Е. Гайдар, А. Чубайс. – Санкт-Петербург : Норма, 2011. – 165 с.
7. Мухачев, В. В. Приватизация России, или Игра без правил: К дискуссии о прошлом в преддверии будущего / В. В. Мухачев. – Москва : КРАСАНД, 2014. – 272 с.
8. Котц, Д. М. Путь России от Горбачева к Путину: Гибель советской системы и новая Россия : перевод с английского / под редакцией И. Ю. Готлиба, Д. М. Котц, Ф. Вир. – Москва : Едиториал УРСС, 2013. – 448 с.
9. Российский государственный архив экономики. – Ф. 694. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 154–178.
10. Шебаршин, Л. В. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки / Л. В. Шебаршин. – Москва : Центр-100, 1992. – 349 с.

K.A. Gulin

FOREIGN EXPERTS' ASSESSMENT OF THE PROBLEMS AND PROSPECTS OF PRIVATIZATION IN THE USSR

The article introduces into scientific use the analytical note prepared by the Main Directorate of the USSR State Security Committee in the first half of 1991. The document was found in the Russian State Archive of Economics, among the materials of the USSR State Property Fund. The basis of the note is the reports of the leading expert and analytical structures from foreign countries, considering the problems and prospects of transformation of ownership in the USSR under conditions of transition to the market economy. They come to the conclusion about the need for a gradual and balanced rate of privatization, a combination of principles of centralized management of the economy with emerging market relations. This approach clearly contradicted the scenario of forced reforms implemented in Russia in the 1990s.

Denationalization, property, privatization, decentralization, market reforms

Т.Е. Каратеева
Москва

АБРАМ НАУМОВИЧ БАМ

Состоявшаяся в 2011 году беседа московского независимого исследователя с легендарным вологодским фотографом А.Н. Бамом о фотографической истории города и о тонкостях мастерства.

Абрам Бам, Вологда, фотограф-художник, почетный гражданин города Вологды.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что Абрама Наумовича Бама в Вологде знают все. Я сама ощутила это в полной мере, когда однажды мне повезло прогуляться с этим интереснейшим человеком по улицам его родного города. Буквально через каждые десять шагов нас останавливали: «Абрам Наумович, здравствуйте!» – «Абрам Наумович, как приятно вас увидеть!» – «Абрам Наумович, как ваше здоровье?». И Бам отвечал на все вопросы и счастливо улыбался каждому встречному, а люди широко улыбались в ответ, потому что такому солнечному и веселому человеку невозможно не ответить улыбкой.

Здание бывшего фотоателье на Каменном мосту, где работал А.Н. Бам

Все в городе прекрасно знали фотоателье на Каменном мосту, где работал Бам. Знали и очень ценили мастерство этого фотографа: ходили сниматься к нему семьями, именно у него заказывали съемки торжеств, именно ему доверяли снимать себя в жанре ню.

1 февраля 2008 года, когда Баму исполнилось 85, в областной общественно-политической газете «Премьер» упоминали, что он сделал фотографии более 800 тысяч вологжан [2] – впереди было еще 5 лет. А когда и как он начинал?

Н.М. Дьяконицына, научный сотрудник Вологодской картинной галереи, вспоминала, что фотографией он увлекся еще в детстве: «Отец купил ему фотоаппараты Фотокор и Турист, а будущему мастеру

нравилось фотографировать своих знакомых, а затем в темной комнатке, превращенной в лабораторию, опускать в ванночки с проявителем листочки бумаги и ждать появления чуда – фотоизображения» [1].

Вот что рассказывал о себе сам Абрам Наумович.

«Начинал я в 38-м году на Старом рынке. У церкви был фотопавильон, вокруг – ряды деревянного рынка: навесы, прилавки; а напротив, через дорогу – толкучка, где люди продавали свои старые вещи. Фотопавильон был маленький, деревянный. Крыша в нем была стеклянная, дневной свет. Следующий павильон, тоже деревянный, но побольше, поставили чуть позже за углом, там, где сейчас ничего нет, только забор. И он тоже был со стеклянной крышей и с дневным светом».

А.Н. Бам. Снимок из архива фотографа

После Старого рынка Абрам Наумович поступил на службу в ателье Гончарука: до войны работал ретушером, а вернувшись с фронта, – уже фотографом. Двухэтажный деревянный дом, где работало фотоателье этого известного вологодского мастера, до сих пор стоит во дворе на углу Галкинской улицы и Советского проспекта. Гончарук начинал еще в конце XIX века. После революции его мастерская была включена в общий реестр вологодских фотографий и получила официальное название «Фотоателье № 3». Оно просуществовало до 80-х годов XX века. Сам мастер умер после войны, но его дело продолжили два его сына. Борис Гончарук учился у Наппельбаума и остался работать в Ленинграде. «Хороший фото-

граф был, в журналах работал», – рассказывал Абрам Наумович. Второй сын (увы, Абрам Наумович не вспомнил его имя) работал в Вологде, в фотоателье на улице Мира.

Неизвестные. Фотография ателье В. Гончарука

А.Н. Бам. Фотография Т. Каратеевой

Через дорогу от мастерской Гончарука, на месте современного вологодского Драмтеатра, располагалась фотография Петухова (или «Фотоателье № 1»). Начиная как фотограф, Бам поработал в обоих ателье: и у Гончарука, и у Петухова.

«У Гончарука было три фона, – вспоминал Абрам Наумович. – Один и до сих пор, говорят, лежит где-то там. Фотография в том же доме и сейчас работает, но только они сидят внизу, а Гончарук работал наверху, под крышей: был дневной свет, ламп тогда не было. Каждая секция окон в потолке была покрыта полотном. И когда где-то нужно было подсветить – поднималась одна или другая штора. От естественного освещения рисунок мягче, фотографии красивее».

«Фон – это холст. Его не убирали, не сворачивали – он висел всегда. Несколько фонов висели на разных стенках. Основной – на фронтальной (на нем было что-то природное), а два вспомогательных – на боковых. На одном из них было изображено окно в комна-

те». Что было нарисовано на третьем, Абрам Наумович не помнил.

Сам Гончарук предпочитал природный фон: чаще всего снимал проходящих именно на нем. Баму же нравилось окно. Причем он делал не просто стандартные портреты сидящих у окна людей, а предлагал позирующему разыграть сценку: кто-то открывал нарисованное окно, кто-то выглядывал в него, кто-то поливал стоящий на нарисованном окне цветок. – «Я не жалел времени – всегда придумывал что-нибудь интересное».

Снимок, сделанный А. Бамом в ателье Гончарука. На снимке – сестра фотографа

Следующим адресом Абрама Наумовича была улица Ленина. Здесь, в «Фотоателье № 2», работал один из известнейших вологодских фотографов С.И. Цейтлин. Это была первая в Вологде фотография с электрическим освещением, пришедшим на смену традиционному дневному. В сохранившемся до наших дней здании бывшего ателье, под крышей, теперь работает магазин спорттоваров. Мы с Абрамом Наумовичем даже поднимались наверх, и он показывал, где находился приемный зал, а где – темная комната для проявки и печати. Но от самого ателье остались только стены.

С.И. Цейтлин

Здесь же, совсем рядом, на улице Ленина (тогда – Кирилловской), когда-то работала другая известная мастерская – фотография Ксенофонта Баранеева. Правда, здание этого известнейшего вологодского ателье конца XIX – начала XX века не сохранилось, сейчас место его пустует: как ни странно, ничего нового после сноса здесь построено не было.

Неизвестные. Фотография ателье К. Баранеева

А вот здание фотографии коллеги и конкурента Баранеева – Ливерия Раевского сохранилось до наших дней. И Абрам Бам был, пожалуй, один из очень немногих людей, которые еще могли привести к нему и указать «то самое место».

Неизвестные. Фотография ателье Л. Раевского

Здание бывшего ателье Л. Раевского (ул. Пушкинская, 7) сохранилось до нашего времени

Одно время Абрам Наумович работал вместе с дочерью Раевского, Александрой Ливерьевной. «Она уже в преклонных годах была, лет 70 наверное ей было, когда я пришел работать в фотографию в 1938 году». В ателье Гончарука Бам занимался негативной ретушью, а Раевская – позитивной.

«Позитивная ретушь – более легкая работа, – объяснял Абрам Наумович. – Позитивный ретушер сидит на открытом воздухе и кисточкой заделывает пятнышки, неловкости, бровки поправляет. А основная работа, конечно, у негативного ретушера. Он должен соблюдать лепку лица. А что значит соблюдать лепку? Значит, должен быть художником. На негативного работника всегда брали человека, который умел рисовать». А нужно сказать, что «Абрам Наумович еще в школе очень любил рисовать, особенно людей, точно схватывая выражения лица, расположение рук» [1].

О ретуши

«Для ретуши делался станок. Это основание, а на нем рама под углом. На нее накладывался негатив, а с обратной стороны его подсвечивали дневным светом и еще подкладывали снизу зеркало, чтобы свет усиливался».

«Карандаш затачивался очень тонко – как игла. Графит нужно было сильно открыть, сантиметра на два. Он зачищался шкуркой, до тонкости».

Рабочий пенал А.Н. Бама с инструментами для ретуши. Фотография Т. Каратеевой

«Правильно класть ретушь – не сгибаясь над негативом, а на расстоянии вытянутой руки, издали. Сидеть нужно прямо, прижавшись к спинке стула. Тогда видно, что надо делать. Я всегда, когда после уже заходил в ретушерный цех, таких, склоняющихся, отдергивал назад: вот так сиди! Когда ретушер сидит близко – “клюет носом”, – он мельчит-мельчит – и всё заделывает, всю фотографию зарисовывает своим карандашом».

«Эмульсия с изображением намазывалась маталейном. Маталейн – это скипидар, смешанный с канифолью. Специальный лак, чтобы карандаш приставал к изображению. Накладываешь его, а потом ваткой растираешь по всей эмульсии и после приступаешь к ретуши».

«Ретушь – это смягчение, “сборка” лица. Негатив должен быть проработанным. Без ретуши лицо “раз-

битое”. Свет, бывает, складки на лице делает резкими, углубленными – вот их-то и надо смягчать».

Отретушированный негатив из архива А.Н. Бама

«Как долго делается ретушь одной фотографии? – По способности. Опытный ретушер минут за 20–25 сделает».

Об освещении

«Я всегда использовал две лампы: с одной и с другой стороны – спереди и сбоку. А освещение делал по характеру человека. И еще – по асимметричности лица. Человек всегда асимметричен. И глаза у него: один больше – другой меньше, и рот кривой, и нос кривой. У неграмотного фотографа свет это всё только подчеркнет».

«Свет должен быть так называемым скользящим: он создает объем».

«Неверно ставить лампы низко. Лампа должна быть, как солнце, – светить сверху».

А.Н. Бам за работой

О позировании

У слова «позирование» в отношении процесса фотографирования есть два значения. С одной стороны, фотографу позировать модель, собственно герой снимка. С другой – фотограф может позировать модель, то есть располагать человека перед камерой в наиболее выгодном – или нужном фотографу – ракурсе.

Вопрос о степени вмешательства фотографа в поведение модели – сложный. Предоставить человека самому себе? Будет это естественность или ее иллюзия? – потому что пришедший на съемку вряд ли будет чувствовать себя естественно перед чужим человеком – фотографом и под искусственным освещением. Или сделать ряд волшебных пассов, отработанных годами съемок, сказать нужные слова, успокоить, поговорить на личные темы – и заставить человека почувствовать то, что нужно фотографу? Что в результате будет естественнее выглядеть на снимке? От чего человек откроется – или закроется? У Абрама Наумовича были свои секреты.

«Обратите внимание, – говорил он, – у меня нигде нет человека, который смотрел бы в объектив. Потому что когда человек смотрит в аппарат – он застывает и выходит неестественно».

В отношении позирования он был непреклонен: «Позы снимающихся нужно создавать, и делать это должен фотограф». В ателье на Каменном мосту это делалось так: «У меня от фотоаппарата шел длинный трос со спусковой кнопкой. И я его всегда прятал за спину. А с людьми всегда разговаривал. Говорю, говорю – и подхожу близко. Человек успокаивается, не думает о съемке, уже смеется... И вот когда человек раскрылся – я его и снимаю. Так же и детей снимал. Ребенок расстроен, а я – на голову себе мячик – и он уже смеется, а я для него незаметно снимаю».

Или вот, извечный вопрос: что делать с руками? Как расположить их в кадре, чтобы все выглядело естественно? У меня была одна хитрость: я всегда сам брал руку человека и проводил ей по его лицу, а потом отпускал. Человек, когда сам руки кладет, он крепко схватит и застынет. А я руку встряхну – и вот она уже расслабляется и ложится естественно».

И был еще один секрет – общаясь с Бамом, понимаешь – главный: «Фотограф должен быть веселым, радостным человеком. Потому что его настроение всегда передается снимающимся».

Литература

1. Дьянкицына, Н. М. Почетный гражданин города Вологды / Н. М. Дьянкицына. – Текст : электронный. – URL: <https://web.archive.org/web/20061221170128/http://www.jew.spb.ru/ami/A368/A368-081.html> (дата обращения: 29.09.2020).

2. Щербакова, И. 85 лет как один кадр / Ирина Щербакова // Премьер. – № 5 (540). – 5 февраля 2008. – URL: <https://premier.region35.ru/gazeta/np540/s18.html?print> (дата обращения: 29.09.2020). – Текст : электронный.

Т.Ye. Karateeva

ABRAM NAUMOVICH BAM

The article presents a 2011 conversation between a Moscow independent researcher and the legendary Vologda photographer Abram Bam about the photographic history of the city and the subtleties of photography.

Abram Bam, Vologda, photographer-artist, honorary citizen of Vologda.

Давлатали Хайдар Назризода
Таджикский национальный университет

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ (1992–1997 ГГ.)

В статье рассматривается важнейший вопрос новейшей истории на территории СНГ – периодизация гражданской войны в Таджикистане 1992–1997 гг. На основе источников проанализирован ход гражданской войны, приведены факты о том, каким образом выбраны исторические даты для обозначения начала и конца этих периодов.

Таджикистан, гражданская война, оппозиция, партия Исламского возрождения Таджикистана, вооруженные группы.

Одним из важных вопросов исследования гражданской войны в Таджикистане 1992–1997 гг. является ее периодизация исходя из характера масштаба и других факторов вооруженного конфликта.

Следует отметить, что многочисленные исследования по данному вооруженному конфликту начали выходить уже в ходе гражданской войны. Вся литературу по истории гражданской войны можно разделить на две группы. В первую группу входят работы исследователей-участников и свидетелей самой гражданской войны, которые были в гуще всех политических событий и давали не только ценные сведения, но зачастую субъективные мнения о той или иной стороне определенной ситуации. К этой группе относятся такие авторы, как С. Кенджаев, Н. Дустов, А. Сохибназаров, Ш. Юсуф, Д. Усмон, Ш. Имом, И. Ибрагимов, А.С. Достиев, С. Камолов, Д. Назриев, И.К. Усмонов, К. Абдулов, Х. Насретдинов, Х. Табаров, Н. Назаров, Е.В. Белов и т.д. Ко второй группе относятся исследования ученых, которые не были очевидцами этой войны, даже некоторые из них жили в другом регионе и никогда не были в Таджикистане, они опирались на газетные статьи, архивные материалы. Однако, несмотря на обилие материала по истории гражданской войны в Таджикистане, очень мало исследований, которые затрагивали тему периодизации гражданской войны. Те исследования, которые содержат материал, нередко не аргументированы и не подкреплены фактами, и до сих пор у исследователей гражданской войны нет единого мнения по вопросу периодизации гражданской войны в Таджикистане. В данной статье делается попытка сделать детальную периодизацию на основе достоверных фактов.

Относительно вопросов о периодизации гражданской войны в Таджикистане хотелось бы отметить следующее. О.Х. Шарафиева в своей диссертации «Гражданская война в Таджикистане 1992–1997 гг.» вооруженную фазу конфликта разделяет на три этапа: первый – с апреля по 11 мая 1992 г., второй – с 11 мая 1992 г. по 11 декабря 1992 г. и третий – с января 1993 г. по апрель 1994 г. Последующие 1994–1997 гг. обозначены как процесс межтаджикского мирного урегулирования, и заодно как заключительный этап граждан-

данской войны [15, с. 22–23]. На наш взгляд, мнение, что период с апреля по 11 мая 1992 г. является первым этапом войны, не соответствует действительности, поскольку в апреле 1992 г., несмотря на накал страстей на площадях, продолжались митинги, и только 5 мая на территории Ленинского района (ныне Рудаки) и в Душанбе появились первые убитые, и именно данное обстоятельство вынудило митингующих на площади Озоди покинуть город. Период с апреля 1994 г. до 27 июня 1997 г. так же можно определить как этап войны, поскольку между правительственными войсками и вооруженными формированиями оппозиции происходили боестолкновения.

Р.С. Бобохонов в своей монографии «Вопросы новой и новейшей истории Таджикистана» посвящает специальную главу истории гражданской войны в Таджикистане, однако не определяет конкретные этапы этого вооруженного конфликта, хотя при освещении темы пишет об «основных этапах войны» [2, с. 183–235].

В книге «“Таджикская революция” и гражданская война (1989–1994 гг.)» исследователи В.И. Бушков и Д.В. Микульский определили следующую периодизацию для «таджикской революции» и гражданской войны: первый этап – 9 сентября 1991 г. – апрель 1992 г.; второй этап – апрель – 10 декабря 1992 г.; третий этап – 10 декабря 1992 г. – 1994 г. [3, с. 21–35]. Поскольку данная книга написана в 1994 г., естественно, периодизация авторов этим и завершается.

М.Г. Ганджакова в своем научном исследовании гражданскую войну разделяет на два этапа: первый этап – с майских событий 1992 г. до января 1993 г. и второй этап – с января 1992 г. по июнь 1997 г. [4, с. 18].

М. Равшанзод гражданскую войну разделяет на три этапа: первый – с 5 мая по декабрь 1992 г., второй – с 2 декабря 1992 до апреля 1994 г. и третий – с 5 апреля 1994 г. по 27 июня 1997 г. [13, с. 18]. Периодизация в исследованиях последних двух авторов близка к нашей позиции. Мы солидарны с М. Равшанзодом по вопросу определения даты начала гражданской войны – 5 мая, поскольку из-за событий, которые происходили в тот день, начинается новая черная полоса в общественно-политической жизни республики. По другим датам также есть некоторое совпаде-

ние взглядов, например, 5 апреля 1994 г. – начало межтаджикских переговоров – значимое событие в ходе гражданской войны, 27 июня 1997 г. вооруженный конфликт завершается подписанием мирного договора.

Детально анализируя события и факты, мы предлагаем такую позицию по периодизации гражданской войны в Таджикистане: первая фаза охватывает период с 5 мая по 10 декабря 1992 г., вторая фаза – с 10 декабря 1992 г. по 27 июня 1997 г., в свою очередь она делится на два этапа – до 5 апреля 1994 г. и после. Далее для обоснования данной периодизации приводим свою аргументацию.

Первая фаза – с 5 мая по 10 декабря 1992 г. Начало таких событий, как война, необходимо обозначить конкретной датой и значимым событием. 5 мая 1992 г. на территории поселка Олий Совет Ленинского района (ныне район Рудаки) было совершено вооруженное нападение на колонну автобусов, в которой люди из Кулябской области следовали через Яванский район в Душанбе для участия в многодневном митинге на площади Озоди¹, в результате несколько человек были убиты и ранены [11, с. 205]. В этот же день в г. Душанбе был убит народный депутат республики, главный редактор газеты «Садои мардум» М. Шерализода и один из участников митинга на площади Озоди. Бывший вице-президент Республики Н. Дустов в своих мемуарах писал, что вечером того же дня к митингующим на площади Озоди подъехала машина «Скорой помощи», из которой в митингующих была брошена граната, погибли и получили ранения несколько человек [6, с. 239–240]. Ситуация в городе полностью вышла из-под контроля властей, политическое противостояние приобрело характер вооруженного конфликта. Вооруженные группы оппозиции взяли под свою контроль аэропорт, авто- и железнодорожный вокзалы и другие важные пункты, закрыли все подступы к столице, контролировали движение транспортных средств. Они с помощью криминальных групп захватили здания республиканского телевидения, теперь ведущими стали оппозиционные журналисты. В аэропорту г. Душанбе перед вылетом в Худжанд вооруженные люди оппозиции задержали группу депутатов Верховного Совета республики из Ленинабадской области и привели в кадиат республики, откуда в тюрьму оппозиции – в подвал театра Лахути [8, с. 72].

Вечером Президент Республики Таджикистан Рахмон Набиев издал указ об объявлении чрезвычайного положения и введения комендантского часа на территории Душанбе. Также Р. Набиев имел телефонный разговор с Президентом Российской Федерации Б. Ельциным и главнокомандующим Вооруженными Силами СНГ Е. Шапошниковым об использовании 201-й МСД в целях защиты государственных учреждений и важных объектов города Душанбе. Однако Е. Шапошников отказался от идеи использования

201-й дивизии в этих целях [11, с. 206]. Примерно в 23 часа ночи Б. Рахронов, Государственный советник Президента РТ по вопросам обороны, национальной безопасности и правоохранительных органов, генерал-майор, выступая на митинге на площади «Шахидон», заявил о своем переходе на сторону оппозиции. Одновременно личный состав Бригады особого назначения (командир подполковник Л.И. Миллер), который находился в резиденции Президента и Правительства, самораспустился, а боевая техника, оружие и боеприпасы (4 БТР, 450 автомата Калашникова и 26 000 боевых патронов к ним) достались оппозиции [11, с. 206].

7 мая на территории Кофарниганского района (ныне Вахдат) сторонниками оппозиции было совершено нападение на колонну автобусов и других машин с сопровождением милиции, направленную для возвращения митингующих с площади Озоди из Душанбе в Кулябскую область. Нападавшие, разбив стекла в автобусах и угнав несколько из них, избili милиционеров, один милиционер был убит [7, с. 53].

В тот же день Президент Республики Таджикистан Р. Набиев издал указ об объявлении 8 мая 1992 г. днем национального траура в республике в связи с трагическими событиями, происшедшими в период с 5 по 7 мая 1992 г. в г. Душанбе и повлекшими человеческие жертвы [11, с. 214]. 10 мая группа людей из числа митингующих на площади Шахидон во главе с «народным генералом» Кори Мухаммаджоном, вооруженная автоматами, ружьями и дубинками, в сопровождении БТР отправилась к зданию Комитета национальной безопасности республики. Примерно в ста пятидесяти метрах от здания ГКНБ по ним был открыт огонь, в результате чего 9 человек погибли, 24 получили ранения, 2 БТР вышли из строя [11, с. 218]. 13 мая было опубликовано постановление Президиума Верховного Совета Республики Таджикистан о создании комиссии по расследованию фактов, приведших к трагическим событиям 5–7 и 10 мая 1992 года в городе Душанбе. Как видим, с 5 мая следовала вереница событий с использованием огнестрельного оружия, были погибшие и раненные из числа мирных граждан.

11 мая под давлением оппозиции президент Республики Таджикистан Рахмон Набиев издал указ об образовании правительства национального примирения – Кабинета Министров республики, куда вошли и 9 представителей оппозиции. В частности, заместитель председателя партии Исламского возрождения Таджикистана Д. Усмон был назначен заместителем премьер-министра республики и курировал силовые структуры. Одновременно негодные для оппозиции должностные лица освобождались от своих должностей. Однако областные советы народных депутатов Ленинабадской и Кулябской областей указ президента республики о создании правительства национального примирения посчитали антиконституционным и заявили, что постановления этого правительства не имеют законной силы и не признаются на территории данных областей.

Сторонниками конституционного строя² и оппозиции на местах создаются вооруженные группы для

¹ Участники данного митинга выступили против оппозиции, требовали восстановления на должность Председателя Верховного Совета Республики Таджикистан Сафарали Кенджаева, которого в результате многодневных митингов и давления на депутатов и членов правительства (21 апреля участниками митинга оппозиции взяли в заложники 17 народных депутатов республики и заместителей Премьер-министра РТ) парламент отправил в отставку.

² Представители силы, которые боролись с оппозицией, считали себя «сторонниками конституционного строя», поскольку в мае

ведения борьбы с противоположной стороной; город Душанбе, Кофарниганский район переходят под влияние вооруженных групп оппозиции. В июне – июле 1992 г. политическое противостояние в Курган-Тюбинской области достигает фазы вооруженного конфликта. Оппозиционные силы для мобилизации и объединения своих сил создают штаб «Спасение Отечества», который должен был координировать вооруженные группы оппозиции. В Душанбе в результате террористического акта был убит генеральный прокурор республики Н. Хувайдуллоев, силами оппозиции были взяты в заложники члены правительства, народные депутаты, был убит первый заместитель председателя Кулябского облисполкома С. Сангов [14, с. 16]. Был взят в заложники и под давлением оппозиции подал в отставку президент Республики Рахмон Набиев [10, с. 26]. Очаги вооруженного конфликта переносятся на западные границы Кулябской области, город Нурек, появляются точки напряжения на территории Турсунзадевского, Гиссарского, Шахринавского, Ленинского районов. Сафарали Кенджаев с единомышленниками создает Народный фронт Таджикистана, который 24 октября входит в город Душанбе, были захвачены основные здания в центре города, через день они были разбиты и оставшаяся часть покинула город. С 16 ноября по 3 декабря в городе Худжанде проходила XVI сессия Верховного Совета Республики Таджикистан, где обсуждалась ситуация в республике и было избрано новое руководство республики, которое 10 декабря прибывает в г. Душанбе. В тот же день правительственные силы во главе с новым министром внутренних дел вошли в Душанбе и взяли город под свой контроль. Вооруженные группировки оппозиции были отброшены в сторону Каратегинской долины. Одновременно силы сторонников конституционного строя стали притеснять вооруженные группы оппозиции в сторону таджикско-афганской государственной границы, которые с частью местного населения, в основном выходцев из Каратегинской долины и районов Припамирья, перешли в сторону Афганистана. Почти все лидеры оппозиции покинули республику.

Характерные черты этой фазы гражданской войны заключаются в следующем:

1) Продолжительная митинговая компания оппозиции, непримиримая позиция оппозиционных сил по отношению к оппонентам привели к вооруженному конфликту. В дальнейшем они продолжили эту линию уже с использованием боевого оружия, создавая многочисленные вооруженные группы и штабы для дальнейшего укрепления своих позиций. В противовес сторонники конституционного строя также создают такие же вооруженные группы для восстановления законности и порядка.

2) В это время представители оппозиции были в составе правительства и частично поддерживали действия вооруженных групп оппозиции, руководство оппозиции непосредственно координировало действия своих вооруженных формирований. Даже в мини-

стерство обороны республики, которое было образовано 17 сентября указом и.о. президента А. Искандаровым, в ноябре вошло пять штабов вооруженных формирований оппозиции в городах Душанбе и Курган-Тюбе и Кофарниганском районе с общей численностью 1753 человек [9, с. 272]. Гейдар Джемаль³ в 1992 г., посвящая статью событиям в Таджикистане, писал следующее: «Главная причина этой почти глобальной вовлеченности в том, что Таджикистан оказался одним из центров мирового кризиса. Во-первых, это уникальное в бывшем СССР место, где мусульманская политическая организация, пусть номинально и в составе коалиции, пришла к государственной власти. Во-вторых, это опять-таки единственное (пожалуй, во всем мире) место, где мусульмане ведут вооруженную борьбу с коммунистами... Наконец, именно сегодня в Таджикистане решается судьба посткоммунистических диктатур всей Средней Азии» [5, с. 3]. Как видим, идейный сторонник партии Исламского возрождения Таджикистана считает, что в Таджикистане исламисты находятся у власти и возлагает на них большие надежды.

3) Вооруженные конфликты происходили на территории Курган-Тюбинской, на западных границах Кулябской областей, в городе Нуреке, в Кофарниганском, Ленинском, Варзобском, Гиссарском, Шахринавском, Турсунзадевском районах и в Душанбе.

4) Вооруженные противостояния происходили между группировками оппозиции и сторонниками конституционного строя, силы милиции сохраняли нейтралитет, попытки со стороны руководства республики, отдельных миротворцев достичь мирного урегулирования конфликта не имели успеха.

5) Оппозиция имела сильную поддержку со стороны СМИ – республиканского радио и телевидения, оппозиционных печатных изданий. В противовес этому в регионах были организованы радио и телеканалы, которые вели сильную пропаганду против оппозиции, в Кулябской и Ленинабадской областях государственные периодические издания также поддерживали принимаемые меры против оппозиции.

Вторая фаза – с 10 декабря 1992 г. по 27 июня 1997 г. – разделяется на два этапа: первый – с 10 декабря 1992 г. по 5 апреля 1994 г. и второй – с 5 апреля 1994 г. по 27 июня 1997 г.

Первый этап второй фазы гражданской войны начинается со вступления правительственных сил в город Душанбе 10 декабря 1992 г. В этот день Председатель Верховного Совета республики Эмомали Рахмонов и другие руководители республики прибыли в Душанбе и занялись вопросами стабилизации общественно-политической обстановки в республике. Вместе с ними вооруженные формирования, поддерживающие новое правительство, вошли в столицу. Город Душанбе и прилегающие к нему районы были взяты под контроль объединенными силами мини-

1992 г. решение кадровых вопросов и создание «правительства национального примирения» происходило под давлением оппозиции неконституционным путем.

³ Гейдар Джемаль в 1990 г. был одним из активных участников учредительной конференции партии Исламского возрождения Таджикистана в Астрахани, где был избран заместителем председателя этой партии. Вместе с председателем партии Исламского возрождения А. Ахтаевым в октябре 1991 г. в Душанбе принял участие в работе первого съезда партии Исламского возрождения Таджикистана.

стерства внутренних дел, Комитета национальной безопасности и Народного фронта Таджикистана [11, с. 647]. Начиная с этого дня Душанбе перестал быть оплотом оппозиции и с осени 1991 г. превратился в арену митинговых кампаний и политической борьбы, а с 5 мая 1992 г. город находился под полным контролем вооруженных групп и штабов оппозиции.

В ходе работы XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан двенадцатого созыва между конфликтующими сторонами была достигнута устная договоренность о перемирии. Ради реализации данной цели 25 ноября сессия приняла Закон об освобождении от уголовной, дисциплинарной и административной ответственности лиц, совершивших преступления и проступки в период с 27 марта по 25 ноября 1992 г. в зонах вооруженных конфликтов, были приняты заявления Верховного Совета по поводу ситуации в республике и обращение Верховного Совета к политическим партиям, движениям и объединениям, ко всем гражданам республики. Верховный Совет, обращаясь к политическим партиям, движениям и объединениям и всем гражданам республики, призывал объединить свои усилия для немедленного прекращения и исключения из жизни общества продолжающийся братоубийственной войны. 26 ноября 1992 г. объявлен днем мира и национального согласия [1, с. 326]. Несмотря на выдвинутые условия в этих документах, вооруженные группы оппозиции в Душанбе продолжили свои действия. При присутствии вооруженных штабов оппозиции, которые практически контролировали город, новое правительство не могло работать эффективно, более того, оно должно было утвердиться как защитник Конституции, законности и правопорядка, обеспечить нормальное функционирование всех ветвей власти, содействовать развитию экономики, росту благосостояния народа. Правительственные силы для исключения боевых действий в городе Душанбе провели операцию, которая заключалась в следующем. Вооруженные формирования под командованием Ф. Саидова двинулись в город со стороны Ленинского района, куда на их встречу стягивались вооруженные группы оппозиции из города Душанбе. В это время правительственные силы во главе с министром внутренних дел Я. Салимовым со стороны Гиссара входят в город и занимают ключевые позиции. В результате этой операции вооруженные группы оппозиции потеряли свои позиции в столице, были отодвинуты в сторону восточных от Душанбе районов. В дальнейшем они продолжили вести борьбу с правительственными силами в Каратегинской долине и районах Припамирья. Правительственные войска стали освобождать эти территории от бандформирований оппозиции, завязались ожесточенные бои. В ходе освобождения районных центров, восстанавливали работу государственных органов, взяли под свою контроль основные дороги. Бандформирования оппозиции в далеких горных деревнях, в пещерах вели партизанскую войну против правительственных сил. Каждая вооруженная группа контролировала определенную территорию исходя из своей численности и возможности. Территории определялись в основном по месту рождения или жительства командиров этих групп. Они часто меняли места дислокации, оружие

приобретали различными путями, привозили контрабандным способом из Афганистана, продукты питания брали у местного населения. В 1993–1997 гг. бандформирования оппозиции были сосредоточены в основном в двух зонах – Каратегинской (от Кафирниганского до Таджикабадского районов) и в районах Припамирья (Тавильдарьинский район – долина реки Хингоб и Сагирдашт), а также часть районов, входящих в ГБАО. Бои шли в основном в Каратегинской зоне и на территории Тавильдарьинского района. Вооруженные группы оппозиции в районах ГБАО вдоль реки Пяндж (Дарвазский, Ванчский и т.д.) занимались незаконным переходом госграницы, контрабандой наркотиков и боевого оружия [10, с. 36] (правительственные войска не вступили на территорию области), помогали другим группам оппозиции при пересечении государственной таджикско-афганской границы. В 1993 г. часть вооруженных групп из территории Афганистана организовала нападение на приграничные районы Кулябской области (Шуроабадское направление), было нападение на 12-ю российскую погранзаставу [12, с. 348].

5 апреля 1994 г. – начало межтаджикских переговоров между правительством Таджикистана и Объединенной таджикской оппозицией – выделено в качестве разделяющей даты первого и второго этапов второй фазы гражданской войны. Руководство республики и лидеры оппозиции долго готовились к этому событию, были решены многочисленные вопросы подготовительного и организационного характера, были определены государства-гаранты, наблюдатели, составы делегаций (по 9 человек из каждой стороны) и затем под эгидой Организации Объединенных Наций и при посредничестве специального посланника Генерального секретаря ООН начался переговорный процесс по мирному урегулированию конфликта. Период после 5 апреля 1994 г. не выделен как отдельная фаза гражданской войны, потому как военные действия продолжались, а те механизмы, которые постепенно создавались в ходе мирных переговоров, начали действовать в 1995 г. Мы солидарны с авторами монографии «Основа новейшей государственности», которые пишут, что потепление отношений правительства и оппозиции начало наблюдаться с апреля 1995 года [1, с. 341].

Характерные особенности первого этапа второй фазы гражданской войны заключаются в следующем:

1) В государственных структурах восстановлено единовластие, парализованные государственные органы стали восстанавливаться, было создано министерство обороны.

2) Претерпела изменения одна из сторон конфликта – с бандформированиями оппозиции воевали правительственные войска, к которым примкнули основные силы сторонников конституционного строя – народного фронта Таджикистана, которые вошли в состав силовых структур республики, т.е. изменился состав противоборствующих сторон. Если в первой фазе воевали между собой сторонники конституционного строя и оппозиции, то во второй фазе бандформирования оппозиции воевали с правительственными войсками.

3) Оппозиция уже не имела своих представителей в правительстве, более того, многие политические

лидеры оппозиции в силу сложной ситуации в целях обеспечения своей безопасности в конце 1992 – начале 1993 гг. различными путями покинули территорию республики. Часть руководства исламской оппозиции во главе с реальным руководителем партии Исламского возрождения Таджикистана Саид Абдулло Нури перебирается в Афганистан, где в г. Талукан формирует структуру для координации деятельности оппозиции, взаимодействия с беженцами, подготовки боевиков с целью их дальнейшей переправки в Таджикистан для участия в боевых действиях против правительственных войск. Поскольку на территории Афганистана было непозволительно создать политическую партию, С.А. Нури создает Движение исламского возрождения Таджикистана, занимается привлечением финансовой и другой помощи из других государств, прежде всего исламских. Другие сторонники оппозиции, оказавшись в других странах, через средства массовой информации вели борьбу против правительства Таджикистана.

4) География зоны конфликта, по сравнению с первой фазой войны, изменяется – в нее входят Каратегинская зона и районы Припамирья. Многие из полевых командиров оппозиции со своими вооруженными группами заняли позиции в разных горных районах Каратегинской зоны и Припамирья, меняя места своей дислокации, воевали с правительственными войсками.

5) Информационную поддержку деятельности оппозиции оказали в основном оппозиционные журналисты, которые покинув республику, устроились на работу в зарубежных средствах массовой информации. В Афганистане оппозицией также было организовано радио с небольшим охватом, выпускались листовки.

Второй этап второй фазы, сохраняя основные характерные особенности первого этапа, отличается тем, что в этот период проходят межтаджикские переговоры делегаций правительства Таджикистана и Объединенной таджикской оппозиции по мирному урегулированию конфликта. Благодаря переговорному процессу и созданным механизмам со стороны ООН, вооруженный конфликт начиная с 1995 г. до определенной степени стал «регулируемым». После подписания Соглашения о временном прекращении огня и других враждебных действий на таджикско-афганской границе и внутри страны от 17 сентября 1994 г. Совет Безопасности ООН в декабре 1994 г. учредил Миссию наблюдателей ООН в Таджикистане для наблюдения за прекращением огня между силами правительства Таджикистана и Объединенной таджикской оппозиции. Вскоре в Таджикистане начинает работу совместная комиссия по осуществлению Соглашения о временном прекращении огня и других враждебных действий на таджикско-афганской границе и внутри страны с участием представителей правительства и оппозиции. Ход межтаджикских переговоров, особенно встречи Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмонова с руководителем ОТО⁴ С.А. Нури, приближают обе стороны к миру и согласию. 17 августа 1995 г. ими был подписан Про-

токол об основных принципах установления мира и национального согласия в Таджикистане. 15–16 сентября 1996 г. в Гарме состоялась встреча представителей силовых структур республики и командиров оппозиции Каратегинской зоны, где был подписан протокол, который свидетельствовал о желании полевых командиров оппозиции скорейшего мирного решения конфликта. Подписанием Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане 27 июня 1997 г. гражданская война прекращается. Создается Комиссия по национальному примирению для реализации Общего соглашения, которая функционирует до 2000 г. [14, с. 80]. Второй этап второй фазы также отличается тем, что в 1996–1997 гг. происходили мятежи бывших полевых командиров народного фронта Таджикистана, занимавших большие командные должности в силовых структурах республики.

Таким образом, предлагаемая периодизация гражданской войны в Таджикистане, в которой для конкретизации каждой фазы использованы конкретные исторической даты и события, вполне соответствует ходу и характеру данного вооруженного конфликта. От удачной периодизации гражданской войны во многом зависит ее последовательное исследование.

Литература

1. Алиев, З. М. Основа новейшей государственности / З. М. Алиев, М. Диноршоев [и др.] ; под общей редакцией М. Убайдуллаева. – Москва : Радуница, 2002. – 416 с.
2. Бобохонов, Р. С. Вопросы новой и новейшей истории Таджикистана : монография / Р. С. Бобохонов. – Москва : Научные технологии, 2016. – 540 с.
3. Бушков, В. И. «Таджикская революция» и гражданская война (1989–1994 гг.) : монография / В. И. Бушков, В. Д. Миккульский. – Москва, 1994. – 310 с.
4. Ганджакова, М. Г. Политическая история Таджикистана 90-х годов XX века : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Матлуба Ганджаковна Ганджакова. – Душанбе, 2015. – 26 с.
5. Джемаль, Г. Таджикистан: агония посткоммунизма / Г. Демаль // Аль-Кудс. – № 42 (6). – С. 3.
6. Дустов, Н. Захм бар чисми Ватан : хотира ва андешаҳо («Рана в теле Родины: воспоминания и размышления») : монография (на тадж. яз.) / Н. Дустов. – Душанбе : Ирфон, 1994. – 336 с.
7. Камолов, С. Противостояние / С. Камолов. – Душанбе : Ватанпарвар, 2008. – 92 с.
8. Кенджаев, С. Переворот в Таджикистане. Книга первая : монография / С. Кенджаев. – Душанбе, 1996. – 272 с.
9. Кенчаев, С. Табадуллои Тоҷикистон («Переворот в Таджикистане»). Книга третья : монография (на тадж. яз.) / С. Кенчаев. – Душанбе, фонд Кенджаева. – Ташкент : Узбекистан, 1995. – 512 с.
10. Мухиддинов, Э. Чанги шахрвандии Тоҷикистон: сабаб, омил ва оқибатҳои он (Нақши мақомоти амниятӣ чумхури дар барқарор, хифз ва мустаҳкам намудани соҳти конститусионӣ дар солҳои 80–90-уми асри XX) («Гражданская война в Таджикистане: причины, факторы и последствия (Роль органов безопасности республики в восстановлении, защите и укреплении конституционного строя в 80–90-е годы XX в.»)) : монография (на тадж. яз.) / Э. Мухиддинов. – Душанбе, 2019. – 64 с.
11. Назриев, Д. Республика Таджикистан: история независимости (хроника событий). Том 2. Год 1992-й : монография / Д. Назриев, И. Сагтаров. – Душанбе, 2005. – 732 с.

⁴ Объединенная таджикская оппозиция

12. Назриев, Д. Республика Таджикистан: история независимости (хроника событий). Том 3. Год 1993-й : монография / Д. Назриев, И. Саттаров. – Душанбе, 2006. – 903 с.

13. Равшанзод, М. Гражданское противостояние и миротворческий процесс в Республике Таджикистан в 90-е годы XX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Равшанзод Маликфаридуни. – Душанбе, 2018. – 27 с.

14. Усмонов, И. К. Миростроительство в Таджикистане : монография / И. К. Усмонов. – Душанбе : Деваштич, 2006. – 160 с.

15. Шарафиева, О. Х. Гражданская война в Таджикистане 1992–1997 гг. : специальность 07.00.03 «Всеобщая история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Шарафиева Оксана Халиловна. – Томск, 2010. – 28 с.

D.Kh. Nazrizoda

PERIODIZATION OF THE CIVIL WAR IN TAJIKISTAN (1992–1997) REVISITED

The article deals with the most important issue in the CIS in contemporary history – the periodization of the civil war in Tajikistan in 1992-1997. The author analyses the course of the civil war and presents the facts concerning the choice of the historical dates to mark the beginning and end of these periods.

Tajikistan, civil war, opposition, Islamic Renaissance party of Tajikistan, armed groups.

В.П. Николаев

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

ПОЛОЖЕНИЕ ХУТОРЯН И ОТРУБНИКОВ ЧЕРНОЗЕМНОЙ ДЕРЕВНИ В УСЛОВИЯХ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1917–1918 ГГ.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РФФИ,
проект № 19-09-00061 А «Поземельные конфликты начального советского периода
как индикатор трансформации крестьянской идентичности (1917–1920 гг.)»*

В статье изучается проблематика изменения положения хуторских и отрубных хозяйств в ходе осуществления аграрных преобразований Советской властью в 1917–1918 гг. Тяжелое экономическое положение крестьянства, вызванное острым малоземельем, застарелые противоречия внутри деревни и ряд других факторов приводили к росту конфликтности в черноземном селе. «Наследники» столыпинской аграрной реформы оказались после революционных событий 1917 г. в сложном положении. Они не пользовались поддержкой власти, а на их земли стали претендовать общины.

Земельный конфликт, крестьянство, социализация земли, черноземная деревня, аграрная реформа.

Осенью 1917 – весной 1918 гг. община черноземной деревни вступила в борьбу с ее вчерашними хозяевами – помещиками, церквями и монастырями, а также «детьми» столыпинской реформы – отрубниками и хуторянами. Противоречия в поземельных отношениях, накапливавшиеся в течение нескольких десятилетий пореформенного периода, в новых реалиях породили конфликты. Значительное демографическое давление на сельскохозяйственные ресурсы, дефицит плодородных угодий углубляли социальное напряжение в деревне.

Зачастую в ходе «черного передела» хутора, отруба, земли бывших помещиков и крупных арендаторов подвергались нападению со стороны крестьян-общинников. Как отмечает О.А. Сухова, «игры крестьянского разума, следуя традиционной логике увязывания “нового строя” с возможностью реализации веками выстраданной идеи “черного передела”, вызвали к жизни установку на незамедлительное осуществление социального идеала, чем спровоцировали войну крестьянства со всем, что могло воспрепятствовать этому – помещиками, хуторянами, отрубщиками, другими обществами, с государством и городом» [9, с. 441].

Захват крестьянами сельскохозяйственных угодий, не входивших в сферу землепользования общины, был обусловлен как тяжелым положением крестьянства, так и системой социально-экономических отношений, сложившихся в деревне накануне революционных событий 1917 г. Так, П.Н. Черменский, характеризуя послефевральский период, в работе «Из истории борьбы тамбовских крестьян за землю в 1917 году» отмечал, что в деревне «по-старому крестьянин-собственник и кулак-отрубщик эксплуатировали труд сельского пролетариата» [2].

Еще одной причиной конфликтности в крестьянской среде были застарелые обиды и противоречия, оставшиеся после аграрных преобразований прошлых

лет. О.А. Сухова выделяет, что «посягательство на базовые ценности “общинного” сознания: нарушение принципа уравнительного землепользования в период столыпинщины; коммерциализация социальных связей ...; и, наконец, разрыв в системе патерналистского восприятия власти, все это способствовало воспроизводству социально-утопического идеала в качестве предназначенной к незамедлительной реализации программы конкретных действий» [9, с. 485]. Изменения, произошедшие в системе землеустройства и землепользования деревни в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина, не были забыты общиной. Черноземное крестьянство ожидало удобного момента, чтобы вновь земли отрубников и хуторян включить в общинную запашку.

В начальный период советских аграрных преобразований поступательно из аграрно-производственной структуры села были вытеснены помещичьи имения, хозяйства при монастырях. На следующем этапе крестьяне продолжили расширять свою запашку за счет сельскохозяйственных угодий других социальных групп деревни, которые не входили в общину. В ходе уравнительного распределения земли они стремились не допускать передачи угодий представителям соседних волостей и общин, беженцам, выходцам из города. Также увеличивать собственное землепользование они старались не только в ходе борьбы с соседями, но и забирая, перераспределяя по уравнительной норме наделы хуторян и отрубников.

Одним из первых столкновений в черноземной деревне общин с «наследниками» столыпинской аграрной реформы стали сентябрьские события 1917 г. в Козловском уезде Тамбовской губернии, которые, по сути, дали начало крестьянской революции в России. Здесь практически одновременно с помещичьими имениями были разгромлены и хозяйства крепких крестьян. 8 сентября 1917 г. местная газета «Народное

слово» писала, что 80 хуторян, проживавших близ сел Малые и Средние Пупки Козловского уезда были разорены в результате «черного передела». У них отобрали 1200 десятин земли. Кроме того, 27 сентября командир одного из карательных отрядов, действовавших в уезде, «телефонировал начальнику козловского гарнизона, что в уезде широкий размах приняла борьба с отрубниками, которых крестьяне-общинники «выселяют». Если мы объединим число разгромленных кулацких усадеб и лишенных земли пупковских хуторян, то получим преобладание случаев второй социальной войны в Козловском уезде в сентябре 1917 г.» [7, с. 337–338]. П.Н. Черменский, описывая сентябрьские события 1917 г. в Козловском уезде, уточнял, что «около трети пострадавших крестьян оказались мелкими собственниками и хуторянами-отрубниками» [2].

В 1918 г. поземельные конфликты в черноземной деревне имели широкий охват в силу ряда причин. Во-первых, из-за неотлаженного механизма уравнительного распределения земли, который в различных общинах, волостях и уездах имел местные черты и особенности. Землю распределяли то «по едокам», то «по работникам и едокам», то по «трудовой норме». Во-вторых, периодически появлялись спорные участки земли, на которые претендовали как общины, так и крестьяне-единоличники. Например, съезд земельных отделов Орловской губернии в марте 1918 г. постановил оставить неприкосновенными купчие, наделные, хуторские и отрубные земли. Здесь важно отметить, что чем больше проживало в волости помещиков, хуторян и отрубников, тем менее охотно ее жители шли на передел земли. В-третьих, конфликты возникали при определении права граждан на получение надела. Многие из тех, кто на протяжении ряда лет даже не появлялся в родной деревне и успел отвыкнуть от труда на земле, вернулись и заявили свои права на обещанную земельную норму. Таким образом, в ходе уравнительного распределения земли важно было учитывать противоречия, накопившиеся в дореволюционный период. И положение выделившихся из общины крестьянских хозяйств играло важную роль в общественно-политической стабильности деревни.

Беженцы, батраки, в ряде случаев служители культа и арендаторы, а также отрубники и хуторяне стали основными конкурентами крестьян-общинников за землю после вытеснения с наделов крупных собственников. И общины активно включились в борьбу с конкурентами за земельные ресурсы. Так, в апреле 1918 г. в своем дневнике М.М. Пришвин выделял факты выселения хуторян и отрубников из Никольской, Дмитриевской, Пушкарской, Никитовской волостей Елецкого уезда Орловской губернии [8]. В 1918 г. в Сужданском уезде Курской губернии местные крестьяне не позволили отрубнику сохранить 12 десятин земли, так как надел превышал среднедушевую норму в расчете на число душ в его семье. Как отмечал в протоколе местный агроном В.С. Сергеев, на данном участке пар был не вспахан. Хозяин объяснял это тем, что «граждане д. В. Гридиной не разрешают пахать 1/3 часть пара, т.к. готовились к зеленому удобрению гречихой» [1]. Ранее на данном наделе велся четырех-

польный севооборот. Ввиду этого отрубник просил сохранить за ним данный надел. Но община уже перевела его на трехполье и данный участок, наряду с другими полями, был изъят. В.С. Сергеев записал в докладе: «В данном случае я, как агроном, заявил, что сие положение крайне ненормально и... следует обратить на это внимание, так как на будущий год очень многим гражданам в д. В. Гридиной не дается пара, а придется производить посевы озими» [1]. В ответ член Сужданского уездного земельного комиссариата П.Г. Костин заявил, что «согласно постановлению уездного земельного съезда, все отруба уничтожаются, переходят к общинному землепользованию с трехпольным севооборотом. Член Московского Ц.И.К. С.Р.С. и К.Д. И.Г. Горохов заявил, что он ничего показательного в данном поле не находит, а посему не видит также причин к охранению и оставлению в целостности» [1]. В данном случае в интересах общины было включено в общинную запашку более продуктивное, чем трехполье, четырехпольное земельное угодье, которому не дали статус образцового агрономического участка.

В ходе советских аграрных преобразований в черноземной деревне отрубники при уравнительном распределении земли рассматривались в соответствии с законодательными нормами наравне с другими крестьянскими хозяйствами и не пользовались привилегиями. Так, 3 июля 1918 г. в Царевский волостной Совет крестьянских депутатов Кирсановский комиссариат земледелия Тамбовской губернии сделал предписание о том, чтобы местные отрубники «наделялись на равных и общих основаниях с прочими гражданами. Никаких исключений по отношению к ним и выделения их в особые группы не допускались» [5]. Уездные власти потребовали 14 местных отрубников, а также отрубников из других поселков «сгонять с ближайшей к ним и обрабатываемой ими земли и посылать в другое место» [5]. В противном случае виновные должны были подвергаться наказанию.

Бывшие хуторяне, несмотря даже на случаи противоречия с крестьянами-общинниками, находили возможность в новых реалиях защищать свои экономические права. Такие возможности они реализовывали, если опирались на советское аграрное законодательство. 23 июня 1919 г. на рассмотрение Коллегии Тамбовского уездного отдела Тамбовской губернии поступило прошение гражданина села Большой Лазовки Больше-Лазовской волости Тамбовского уезда Селиверста Ивановича Туголукова по постановлению Больше-Лазовского волостного земельного отдела о спорной усадьбе с односельчанином Никитой Сергеевичем Струковым. Причинами конфликта стало то, что в 1914 г. гражданин Туголуков из-за материальных затруднений сдал в аренду на 36 лет свою усадьбную землю в селе Большой Лазовке Струкову со всеми имеющимися постройками и переехал. После революционных событий 1917 г., отмены частной собственности на землю, «ввиду отрицательного отношения населения вообще ко всем хуторянам гражданин Туголуков переехал на жительство со своим сыном опять в село Большую Лазовку и поселился в своем доме на своей усадьбе, сданной ранее в аренду Струкову. От общества получил землю и стал вести

трудовое хозяйство. На хуторе же остались отделенные, согласно раздельному акту от 14 марта 1918 г., двое старших сыновей Туголукова с наделом земли по норме» [4, л. 42]. Спустя год, в 1919 г., Струков обратился в сельский совет с просьбой о сохранении за ним по арендному договору усадебной земли и получил поддержку. Сельсовет протоколом № 15 от 15 июня 1919 г. постановил признать право пользования землей Струковым. Аналогичное решение 20 июня 1919 г. вынес волостной земельный отдел, а также уездный землеустроительный подотдел [4, л. 42 об.].

Наиболее рельефно динамика борьбы общин с хуторянами и отрубниками в 1917 г. представлена на локальном примере Ново-Мезинецкой волости Козловского уезда Тамбовской губернии. Эти события нашли отражение в воспоминаниях И. Фомина «Борьба за советы в 1917 году». До 1917 г. в данной волости были представлены все формы землевладения. Здесь проживали как безземельные крестьяне, так и помещики. Среди них были бедняки-безземельники и безлошадники, не имевшие наделной земли. Особенно широко данная социальная группа была представлена в Никольском обществе села Мезинца, где «по сведениям Тамбовского земства на 1913 г. проживало 59,8% всех хозяйств данной категории, 38,1% от хозяйств волости были середняки и хуторяне-отрубщики (организовывавшие свое хозяйство по “кулацко-помещичьему принципу”)» [11, с. 36]. Как отмечает И. Фомин, в волости сложилась тяжелая экономическая обстановка, из-за чего «борьба за землю носила особенно сложный характер. Здесь нельзя было разрешить вопрос просто: “крестьянин – против помещика”, – у помещика был заслон – отрубщики, поселковцы. И этот заслон присутствовал: середняки-общинники были против середняков-поселковых, а последние держали нейтралитет по отношению к помещикам» [11, с. 36].

На начальном периоде противостояния полярных социальных групп волости организованного центра, который руководил бы борьбой, не было. Когда И. Фомин в мае 1917 г. прибыл из армии в Ново-Мезинецкую волость, крестьяне «вели разговоры о том, что как быть с теми, у кого нет земли, откуда наделить их. Некоторые при этом указывали на помещиков и кулаков, но... вопроса об отобрании земли не разрешали и дальше разговоров о том, что “надо всех поравнять” не шли...» [11, с. 37]. Но вскоре в центре волости, в с. Мезинце, находившемся в трех верстах от помещичьего имения, разгорелась борьба между бедняками и середняками, с одной стороны, и зажиточными крестьянами – с другой. Это противостояние стало разворачиваться на сходах, а затем перешло в преследование бедняков и середняков, их избиения, обезоруживание «кулацкой группой» «по вдохновению помещиков и хуторян-отрубщиков» [11, с. 37]. Также зажиточные крестьяне проводили тайные собрания, на которых присутствовали помещики. Постепенно борьба за землю в Ново-Мезинецкой волости приобрела ожесточенную форму. Начались столкновения между двумя полюсами деревни. «Борьба также велась и с хуторянами, а так как они находились далеко от села верст 5 и загорожены были стеною поселков, то удары обрушились, главным об-

разом, на жителей поселков, державшихся в большинстве нейтральными» [11, с. 37].

Наиболее крупным стало столкновение крестьян в одном из поселков близ села Ольшанка, где местные жители «избили до полусмерти милиционера, ярого сторонника большевиков; после этого группа жителей Мезинца жестоко расправилась с поселковцами, что на второй же день этот поселок почти целиком выехал в свои общины» [11, с. 37]. После этого события отрубники и хуторяне, в том числе из соседних селений, начали активно уезжать. Попытки крестьян-общинников, по аналогии с помещиками, полностью выселить или перераспределить землю хуторян и отрубников в 1917–1918 гг. реализовались лишь отчасти. Несмотря на ряд активных выступлений против «наследников» столыпинской аграрной реформы, многие из отрубников и хуторян не только в 1917 г., но и в 1918 г. продолжали прежнюю хозяйственную деятельность. Об этом можно найти косвенные сведения в «Известиях Тамбовского губернского Совета, рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Так, в августе 1918 г. агрономическая помощь, которую стало получать крестьянство от советских служащих, «сильнее всего обнаружилась и принесла пользу только среди хозяев отрубщиков и среди мелких собственников, но на хозяйства общинников она ничуть не отразилась, поэтому общинники продолжали вести свое хозяйство по старой трехпольной системе...» [6].

В 1918 г. в рамках практической реализации «Основного закона о социализации земли» предполагалось силами государственных органов произвести размежевание всего земельного фонда с таким расчетом, чтобы в конце концов и для индивидуальных хозяйств оказались бы уничтожены все вредные стороны исторически сложившейся конфигурации землепользования. В ряде уездов черноземных губерний хуторяне и отрубники получили некоторые льготы и тем самым продолжили свою хозяйственную деятельность. Так, в Елецком уезде Орловской губернии в трудовых хозяйствах общинников, отрубников, хуторян, частновладельцев, имевших до 10 десятин земли, излишки не подлежали распределению, а только облагались уравнительным налогом [3]. Хозяйства, которые вели многопольный севооборот, в том числе хуторян и отрубников, должны были сохранить всю площадь земли.

Революционные события 1917 г. продемонстрировали неоднородность крестьянского мира. Ключевым ресурсом, который приводил к социальной дифференциации в деревне, была земля. Именно поэтому крестьяне-общинники в большинстве случаев были против разрушения общины и роста числа хуторов и отрубков. По данному вопросу Л.Д. Троцкий в работе «История русской революции» отмечал, что каждая деревенская страта по-своему оценивала справедливое распределение земли. «Кулаки понимали уравнительность только в смысле своего равенства с помещиками, но никак не в смысле своего равенства с батраками» [10]. Но отрубники и хуторяне также имели свое видение и, зачастую, оно отличалось от мнения соседних общин.

Революционные события в черноземной деревне дали старт борьбе за землю между крестьянскими

общинами, органами власти и «птенцами» столыпинских преобразований – отрубниками и хуторянами. Запутанность поземельных отношений стала одной из причин роста конфликтов между ними. Община в отношении наделов хуторян, отрубников, бывших помещиков, крупных арендаторов, монастырей стала применять «захватное право». Те волости и уезды, где концентрировалось значительное количество таких наделов, стали местом наибольшего числа поземельных конфликтов.

Литература

1. ГАКуО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 3. Л. 101 а.
2. ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. П-382. Оп. 1. Д. 87.
3. ГАЛО (Государственный архив Липецкой области). Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 31. Л. 4 об.
4. ГАТО. (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 102.

5. ГАТО Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 61. Л. 30.
6. Известия Тамбовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. – 14 августа.
7. Малявский, А. Д. Крестьянское движение в России в 1917 г., март – октябрь / А. Д. Малявский. – Москва : Наука, 1981. – 400 с.
8. Пришвин, М. М. Дневники. 1918–1919 / М. М. Пришвин. – Текст : электронный. – URL: www.prishvin.ru (дата обращения: 30.03.2019)
9. Сухова, О. А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам среднего Поволжья / О. А. Сухова. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 679 с.
10. Троцкий, Л. Д. К истории русской революции / Л. Д. Троцкий. – Текст : электронный. – URL: https://royallib.com/book/trotsky_lev/istoriya_russkoy_revolyutsii_t_1.html (дата обращения: 27.01.2020).
11. Фомин, И. Борьба за советы в 1917 году / И. Фомин // Коммунист. Журнал Тамбовского губкома ВКП(б). – 1927. – № 20–21. – С. 36–37.

V.P. Nikolashin

POSITION OF INDIVIDUAL FARMERS AND SOLE PLOT OWNERS IN CHERNOZEM VILLAGES UNDER THE CONDITIONS OF AGRARIAN TRANSFORMATIONS IN 1917-1918

The article studies the problems individual farms and sole households faced in the process of agrarian transformations made by the Soviet government in 1917-1918. Various factors contributed to conflict in chernozem villages: difficult economic situation of the peasantry caused by an acute land shortage; long-standing contradictions within the village and others. The heirs of the Stolypin land reform found themselves in a difficult situation after the revolutionary events of 1917. They did not enjoy the support of the authorities, and communities began to claim their plots.

Land conflict, peasantry, land socialization, chernozem village, land reform.

Н.Р. Славитский

Государственный музей истории Санкт-Петербурга

СЪЕЗД ССЫЛЬНЫХ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ 1907 Г.: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ И СОВРЕМЕННОКОВ

Работа посвящена съезду политических ссыльных, который состоялся в Вологде в конце 1907 г. по инициативе губернатора А.Н. Хвостова. При этом параллельно с ним там же проходили нелегальные собрания делегатов съезда. Однако обстоятельства сложились так, что особого значения этому съезду сами его участники не придавали.

Политическая ссылка, Вологодская губерния, Революция 1905–1907 гг.

Осенью 1907 г. в Вологде состоялся съезд политических ссыльных, проходивший в присутствии вологодского губернатора А.Н. Хвостова. Сохранились воспоминания некоторых его участников, и эти мемуары позволяют нам реконструировать события хотя бы в общих чертах.

Практически все воспоминания относятся к началу 1930-х годов. Мемуары П. Кочетова были опубликованы в 1932 г. в одном из номеров журнала «Каторга и ссылка» [2], а записки других очевидцев сохранились в фонде Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан Центрального государственного архива Санкт-Петербурга в виде стенограмм докладов. Дело в том, что в этом отделении в то время функционировали «архангельское землячество»¹, позже «северная подсекция»², в состав которых входили люди, отбывавшие ссылку в северных губерниях. Некоторые из них выступали с докладами о своем пребывании в ссылке, и в 1933 г. Н. Мельников [3] и Н.Я. Барабанов [1] рассказывали о жизни ссыльных в Вологодской губернии. Эти стенограммы являются очень ценным источником, в том числе и по причине того, что в них включены ответы докладчиков на вопросы слушателей. И тот, и другой упоминали о съезде в Вологде, и на их воспоминаниях мы подробнее остановимся ниже.

Очень кратко об этом съезде упомянул В.Н. Трапезников, писавший в 1925 г.: «С отношением к политическим ссыльным в Вологде – с точки зрения нижегородского полицейского – дело обстояло действительно “слабо”; это обуславливалось тем, что ссыльных были тысячи, что они были спаяны между собой единством положения и организационной связью. Администрация официально признавала представительство ссыльной колонии, официально считалась со старостами ссыльных и их кассой взаимопомощи. Доходило до того, что губернатор А.Н. Хвостов даже разрешил съезд представителей уездных колоний ссылки, которые и действительно съехались в Вологду, и если съезд не состоялся, то лишь из-за того, что губернатор

настаивал на участии в съезде уездных исправников, а ссыльные на это не согласились. Все эти “вольности” обуславливались в значительной степени тем, что Хвостов смертельно боялся ссыльных, ожидая их стороны покушения на свою жизнь: “вольностями” он хотел задобрить ссыльных...” [4, с. 214]. То есть о самом съезде всего два слова, при этом он указал, что таковой не состоялся.

Более подробно на нем остановился П. Кочетов, писавший о губернаторе: «В своей “игре” он дошел до того, что осенью 1907 г. созвал съезд ссыльных по два от каждого уезда для совместного, как он выражался, обсуждения вопросов ссылки и выработки мер к улучшению положения ссыльных. На этот съезд не были забыты приглашением и местные исправники. Съезд собрался. Председателем был назначен начальник жандармского управления. Были зачитаны “Положения о ссыльных” и каждому делегату предложено было сообщить об отступлениях местной власти от этих положений.

Усматривая в этом приеме не больше, как провокацию, ссыльные заявили, что они в этом совещании участвовать не будут, предложили устроить совещание одних ссыльных с губернатором и ушли.

Где-то на частной квартире устроили нелегальное совещание, в разгар которого к ним явился, кажется, околоточный и сообщил, что жандармами установлено место их совещания, и они идут для производства ареста. Ссыльные разошлись, частью были переловлены, а частью сами разъехались по местам высылки» [2, с. 79].

Н.Я. Барабанов упомянул о съезде очень кратко, поскольку он не был его участником, просто оказался в то время в Вологде: «Я прибыл туда как раз в тот момент, когда там проходил съезд всех ссыльных Вологодского края. Это был очень интересный съезд по отзывам участников, но я особых воспоминаний о нем не сохранил, так как в нем не участвовал. На нем участвовали делегаты от ссыльных и этот съезд происходил с разрешения губернатора Хвостова, который об нем хорошо знал» [1, л. 15]. После доклада слушатели стали ему задавать вопросы, ему пришлось еще раз

¹ ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 324. Л. 3

² ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 397. Л. 6.

вернуться к этому съезду, и он добавил к сказанному, что на этом съезде обсуждались бытовые вопросы и отношения с администрацией, при этом с администрацией было решено «продолжать приличные отношения». Далее он сказал: «если бы на этом съезде было что-нибудь выдающееся, то оно кем-нибудь запечатлелось бы, очевидно, все были довольно мелкие вопросы бытового порядка, не носившие политического характера» [1, л. 38].

Н. Мельников в своем докладе также кратко остановился на этом событии, однако при этом сообщил ряд интересных деталей. Во-первых, он отметил, что на легальном съезде, проходившем в кабинете губернатора А.Н. Хвостова, «крупную скрипку играли Якоби и Слуцкий, старосты колонии ссыльных Вологды». По вечерам ссыльные, по его словам, «рассыпались по отдельным квартирам», где и проходили нелегальные собрания. На одном из таких заседаний обсуждали вопрос, как относиться к легальному съезду. Во время этого (или другого) заседания появился городской, который предупредил, что о собрании ссыльных знает не только полиция, но и жандармы, после чего ссыльные аккуратно покинули ту квартиру [3, л. 18–19]. Кроме того, Н. Мельников дал характеристику губернатору, который, по его мнению, лавировал и организацией съезда пытался сделать так, «чтобы козы были сыты, а главное, чтобы он был цел, капуста цела». К этому он также добавил, что «в то время Хвостов нас ужасно боялся» [3, л. 18, 21].

По его словам, «этот съезд был началом и дальнейших разгромов ссылки. Этим съездом кончились дни расцвета организации ссылки, но в то же время кончилась и спайка на ссылке...» [3, л. 21]. Связано это было, скорее, с общей ситуацией – революция заглохла, началось время реакции, и действительно, уже в начале следующего года полиция стала принимать меры по разгону колоний политических ссыльных (об этом довольно подробно писал упоминавшийся выше П. Кочетов). Н. Мельников, развивая свою мысль, много внимания уделил отношению губернатора к ссыльным, а также тому, что правительство в то время старалось «разбавить политическую ссылку уголовным элементом» [3, л. 22–23].

Отвечая на вопросы слушателей, он кое-что добавил. Во-первых, сказал, что инициаторами съезда были сами ссыльные. По просьбе А.Н. Алешковского, Н. Мельников постарался описать заседания съезда, перечислил уезды, из которых были делегаты: «Ссыльные сидели по одну сторону. Обычно все товарищи сидели друг возле друга, а делегации сидели по отдельности. От Грязовцев был я и как будто Красильников. Мы сидели делегациями по уездам: Грязовском, Никольском, Соль-Вычегодском, Вознесенском, Кадниковском, Вологодским и т.д. Каждая делегация сидела группочкой от 2 до 5 человек, не больше» [3, л. 29]. Далее он сообщил, что «съезд представлял из себя все-таки два враждебных лагеря», и ссыльные все время опасались арестов [3, л. 30]. Упомянул также одного из ссыльных, представителя Великого Устюга, который оказался племянником иркутского генерал-губернатора А.Н. Селиванова [3, л. 33].

Съезд, по его словам, продолжался два или три дня, председателем съезда был губернатор А.Н. Хвостов,

жандармов официально на нем не было, а исправники чувствовали себя неуютно. Прервался же он по инициативе ссыльных, которые посчитали, что «то положение, которое мы хотели, мы его использовали достаточно», и перестали приходить на собрания [3, л. 33–34].

Таким образом, из известных нам на сегодняшний день мемуаров наиболее информативными являются воспоминания Н. Мельникова. Он оказался единственным из мемуаристов участником съезда, остальные ссыльные, писавшие о нем, лишь слышали об этом событии от других. Любопытно с этой точки зрения воспоминания Н.Я. Барабанова, который запомнил, что обсуждали бытовые вопросы (это происходило, скорее всего, на легальном съезде) и отношение к администрации (это, вероятно, было на конспиративных собраниях). Н.Я. Барабанов в то время находился в Вологде, и ему сообщили основную суть того, что обсуждалось в те дни, о том, что нелегальные собрания проходили параллельно с легальными, по всей видимости, сообщать не стали. Остальные же мемуаристы узнали о том, что происходило в Вологде, от делегатов, когда те вернулись в места ссылки, и у них в памяти отложились лишь самые общие сведения.

Самый интересный вопрос, конечно, о том, кто же все-таки был инициатором съезда. У Н. Мельникова сложилось впечатление, что это были ссыльные, однако все остальные ссыльные считали инициатором губернатора. Скорее всего, этот съезд действительно был задуман А.Н. Хвостовым. К тому же на нем были полицейские исправники из уездов, и приехать в Вологду без ведома своего начальства они не могли, а такое согласование могло быть только по инициативе губернатора. Отметим попутно, что те ссыльные, которые упоминали А.Н. Хвостова, считали, что он очень боялся ссыльных.

Второй момент – количество делегатов. Все мемуаристы отмечают, что было по два представителя от каждого уезда, по словам Н. Мельникова таковых было больше – «от двух до пяти». Вполне возможно, что из каких-то уездов приехало больше людей, а пять человек могли быть непосредственно из Вологды.

При этом все, кто отбывал в то время ссылку в Вологодской губернии, отмечали, что этот съезд не имел никакого практического значения, причем это относилось как к официальной части, так и к нелегальным собраниям. Поэтому можно констатировать, что особого значения этому съезду сами его участники не придавали, и подробности вспоминали лишь тогда, когда им задавали вопросы о нем.

Связано это, на наш взгляд, с тем, что состав ссылки в то время сильно менялся. Во-первых, в тот период в Вологодскую губернию прибывало очень много новых ссыльных. Н.Я. Барабанов, к примеру, отмечал, что в Усть-Сысольске оказалось до 1000 человек, и в городе начались проблемы с продовольствием [1, л. 16]. Важно и то, что менялся социальный состав ссыльных. Если раньше большинство составляли рабочие и представители интеллигенции, то в рассматриваемый период большинство уже составляли крестьяне-аграрники [1, л. 13, 15]. Соответственно, все договоренности, которые, возможно, были достигнуты на съездах (в том числе и на нелегальном), потеряли всякий смысл – «новичков», особенно кре-

стьян, мало интересовало то, о чем договаривались до их приезда. Поэтому съезд, который действительно мог стать важной вехой в жизни ссыльных Вологодской губернии, оказался лишь незначительным эпизодом. По этой причине и в воспоминаниях ссыльных он почти не отложился.

Литература

1. Доклад тов. Барабанова «Усть-Сысольская ссылка в 1907–1909 гг.» / Н. Я. Барабанов // Центральный государ-

ственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. 506. – Оп. 1. – Д. 471.

2. Кочетов, П. Вологодская ссылка 1907–1910 гг. / П. Кочетов // Каторга и ссылка. – 1932. – № 4. – С. 77–101.

3. Мельников, Н. Стенограмма воспоминаний о колонии политических ссыльных в Грязовце и Вологде / Н. Мельников // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. 506. – Оп. 1. – Д. 486.

4. Трапезников, В. Н. В стране неволи / В. Н. Трапезников // Каторга и ссылка. – 1925. – № 2. – С. 196–221.

N.R. Slavitsky

**CONGRESS OF EXILES IN THE VOLOGDA PROVINCE IN THE LATE 1907:
THE PARTICIPANTS' MEMOIRS**

The work is dedicated to the congress of political exiles, which was held in Vologda in the late 1907 on governor A.N. Khvostov's initiative. Illegal meetings of the congress delegates were also held there. However, the participants themselves did not attach much importance to this congress.

Political exile, the Vologda province, the Russian Revolution of 1905-07.

А.С. Столетова
Вологодский государственный университет

**«ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛИСТА» А.И. СЕРЕГИНА:
КРИТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ТАМБОВСКОГО
ОБКОМА КПСС В.И. ЧЕРНОГО**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ,
проект № 19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.:
классовый генезис и эволюция экономического устройства»*

В статье на примере рассмотрения опыта деятельности Тамбовского обкома КПСС исследуется недостаточно освещенная в исторической науке проблема трансформации российского общества второй половины XX в. В тексте находят отражение реакция и отклик бывшего журналиста А.И. Серегина по поводу выполнения ответственных обязательств первого секретаря Тамбовского обкома КПСС В.И. Черного. Транслируется авторское мировоззрение, самосознание и самовидение ситуации, связанной с процессом сложения системы привилегий и обуржуазиванием региональной номенклатуры.

Тамбовский обком, исторический источник, В.И. Черный, критика, «Тамбовская правда», трансформация российского общества.

Первый секретарь Тамбовского обкома КПСС В.И. Черный (6 августа 1913 – 19 декабря 1997) руководил областью на протяжении 1966–1978 гг. За этот период было многое сделано для того, чтобы областной центр превратился в современный индустриальный центр. Был возведен Мемориальный комплекс «Вечный огонь», появился Концертный зал, аэропорт. Было построена областная библиотека имени А.С. Пушкина. Сданы в эксплуатацию учебные корпуса и общежития институтов, здания гостиниц, поликлиник. В 2001 г. за выдающиеся заслуги в экономическом и социально-культурном развитии города городская Дума присвоила В.И. Черному звание Почетного гражданина города Тамбова (посмертно) [5; 10]. Как писал Г.И. Сельцер, были в деятельности Василия Ильича и просчеты, встречались люди, которым не нравился стиль его работы. Достаточно вспомнить увлеченность крупными животноводческими комплексами, критическую статью на эту тему в газете «Правда» [5]. Тем не менее, партийная характеристика первого секретаря, утвержденная на бюро обкома КПСС 6 апреля 1970 г., демонстрирует заслуги (ордена Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, различные медали [7]) и установившийся среди трудящихся авторитет должностного лица [3]. В 1971 г. за заслуги в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию промышленности, строительства, транспорта и связи первый секретарь Тамбовского обкома КПСС Черный Василий Ильич был награжден орденом Ленина [8].

Однако портрет В.И. Черного будет не полным, если в контексте рассмотрения его деятельности не упомянуть известное постановление ЦК КПСС «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации» от 12 февраля

1975 г., после которого вскоре, а именно в 1978 г., первый секретарь покинул свой пост. В документе подтверждались успехи Тамбовской областной партийной организации в выполнении решений XXIV съезда и Пленумов ЦК КПСС, в работе по улучшению руководства хозяйственным и культурным строительством, коммунистическим воспитанием трудящихся. Между тем отмечалось, что обком, горкомы и райкомы КПСС недостаточно использовали метод критики и самокритики. Устанавливалось, что достаточно высокими были потери, связанные с безхозяйственностью, текучестью кадров, нарушениями трудовой дисциплины, хищениями социалистической собственности. Обозначалось, что обком КПСС не подавал примера самокритичного анализа своей работы и положения дел, мало учил этому горкомы и райкомы партии, первичные парторганизации [2]. Таким образом, в аппарате ЦК КПСС давалась отрицательная оценка деятельности главы Тамбовской области. Среди общественности также бытовали негативные оценки. К примеру, в редакцию газеты «Правда» в 1975 г. было направлено письмо группы врачей [4, л. 85–86], фиксирующее сведения о незаконной реализации прав собственности и характеризующее процесс обуржуазивания верхушки власти. В данной связи можно поспорить с утверждением Д.Г. Сельцера о том, что снятие прежде успешного руководителя области В.И. Черного не связано с личным разложением, а исключительно обосновывалось упущениями в сельском хозяйстве [6]. Предположение о том, что частнособственнические интересы в среде руководящей элиты в середине 1970-х гг. возобладали над народными интересами и устремлениями, подтверждается материалами фонда Российского государственного архива новейшей истории. В настоящей статье

рассматривается письмо А.И. Серегина из г. Тамбова, полученное редакционной коллегией «Правды» и направленное 4 декабря 1975 г. главным редактором газеты М. Зимяниным в ЦК КПСС (см. документ № 1). Публикуются так называемые материалы «Из записной книжки журналиста» (см. документы № 2, № 3), а также информации отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС (см. документы № 4, 5). Данные документы были извлечены из материала фонда № 5 – Аппарат ЦК КПСС (1949–1991) РГАНИ, опись № 68, дело № 267 – «Сводки писем читателей газеты “Правда”, справки отдела по письмам о фактах злоупотреблений служебным положением отдельными партийными, советскими и хозяйственными руководителями» [4].

Мотивы осуждения В.И. Черного связывались с тенденцией упрочения психологии индивидуализма, традиций нецелевого расходования денежных средств, стремления к значительным материальным накоплениям и роскошной жизни в менталитете советских руководящих лиц. Довольно открыто осуждались стремления членов аппарата управления к особым привилегиям при выделении жилой площади [9, с. 406]. Начиная с 1950-х гг. критиковалось бытующее социальное неравенство [1]. Злободневность данных вопросов с особой остротой поднята в рассуждениях бывшего журналиста А.И. Серегина. Примечателен авторский анализ инициатив органа Тамбовского обкома партии – общественно-политической газеты «Тамбовская правда».

На наш взгляд, рассмотрение нижеприведенных документов – это определенный шаг к складыванию концепции о трансформациях российского общества 1950–1990-х гг., а также к пониманию уровней самосознания и общественного мнения о материальном благополучии советских граждан.

Документ публикуется полностью, номера страниц архивного дела приведены в квадратных скобках. В публикуемый источник внесены орфографические и пунктуационные правки, косые скобки заменены круглыми.

№ 1

Редакционной коллегии

Уважаемые товарищи!

[Л. 168] Направляю материал «Из записной книжки журналиста» не по почте, а с нарочным...

Если не найдете целесообразным напечатать, хотя бы отдельные фрагменты рукописи, прошу поставить в известность членов политбюро ЦК КПСС о том, о чем я пишу. В особенности об этом необходимо довести до сведения секретариат ЦК КПСС, именем которого здесь спекулируют...

Пишу вам откровенно с болью в сердце: в деятельности героев моих записок практикуется ими еще более недозволенное, кроме упомянутого мною. Наблюдаются такие явления, о которых страшно писать, тем более говорить. Не знаю – заметили ли их, эти тамбовские явления, члены комиссии ЦК КПСС, готовившие материал для постановления «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации».

Коротко о себе читайте в конце основного материала.

А. Серегин.
25. 11. 1975 г.

Источник: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 5. – Оп. 68. – Д. 267. – Л. 168.

№ 2

Из записной книжки журналиста

УСЕРДИЕ КО ДВОРУ,
НО НЕ КО ВРЕМЕНИ И НЕ ... ОТ РАЗУМА!

I. Разговор не по душам

[Л. 169] Состоялся он на второй день выхода газеты «Тамбовская правда». Беседовали с глаза на глаз: автор этих строк и заместитель редактора областной газеты Борис Артемов. Встретились в его кабинете. Речь шла о корреспонденции «Встреча товарища В.И. Черного с избирателями», опубликованной в номере от 7 октября. Знаем друг друга много лет. Были приятелями. Спрашиваю:

- Борис Петрович, здорово тебе попало?

- От кого?

- От первого секретаря обкома партии.

- За что? – перепугался он.

- Как «за что»? За угодничество.

Поняв иронию, он вспылил:

- Ну, знаешь!

Я старше его по возрасту и практической работе. Имею моральное право упрекнуть младшего товарища по профессии. Есть за что: описывая активность участников собрания избирателей, автор корреспонденции избрал явно выраженный тон лъстивости. Первого секретаря партии он представил в роли апеллирующего к массам... «Смотрите, мол: верхи нас раскритиковали, а низы превозносят» (Имеется ввиду Постановление ЦК КПСС «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации»).

«В минувшую субботу, – повествует автор корреспонденции, состоялось [Л. 170] собрание избирателей Сампурского и Ржаксинского районов, посвященное встрече с депутатом Верховного Совета СССР по Уваровскому избирательному округу № 327, первым секретарем Тамбовского областного комитета КПСС Василием Ильичем Черным».

Перечислив хозяйственные «успехи» названных районов, Борис Петрович спешит выразить похвалу в адрес Первого секретаря: «Об активной деятельности товарища Черного как депутата Верховного Совета СССР свидетельствует его работа». Начав с восхваления, автор и закончил тем же: «В принятой резолюции участники собрания единодушно одобрили деятельность товарища Черного по выполнению высоких и ответственных обязательств, выразили уверенность в том, что он и впредь будет активно работать над выполнением данных ему наказов, постоянно проявлять заботу о нуждах людей». То, что газета сообщила о встрече товарища Черного с избирателями, нет ничего предосудительного. Однако факты, преподнесенные в корреспонденции, если они даже и не наду-

маны, наводят на грустные размышления. Восхваление на страницах «Тамбовской правды» Первого секретаря обкома партии, обкома, чьим органом является газета, – есть не что иное, как использование местной печати в целях саморекламы. Незадачливый мой друг – журналист выполнил указание Второго секретаря обкома КПСС товарища Макарова. Оказывается, это его воля и желание.

Уходя от Бориса Петровича, я вспомнил когда-то услышанный рассказ об абхазском кузнеце, который, одушевляя [Л. 171] выдавшие виды инструменты – наковальню, щипцы, молот, философски и показательно поучал потомство – детей и внуков: «Если любишь своего друга, то люби его по-настоящему, не давай ему ржаветь, протирай после работы, да получше...». Шел я к Борису Петровичу с добрым намерением – «протереть». Увы! Бесполезно. Заржавела душа зам. редактора. Покрылась коррозией. И не у него одного. Члены редколлегии «Тамбовской правды» во главе с редактором В.Ф. Задохиным, проявляя ложную заботу о престиже руководителей области, утратили чувство меры. Угодничество, ярко выраженное подхалимство превалируют над здравым смыслом, партийной принципиальностью – неотъемлемыми качествами журналиста.

Уподобляясь древним грекам, каждодневно исполнявшим торжественный гимн в честь бога Диониса, газета поступает точно также, внося разнообразие в форму прославления начальства. Чаше, чем нужно, публикуются в разных позах портреты товарища Черного. Нередко сверхмерная популяризация достигает апогея. Вот две его фотографии в разных вариантах, опубликованных в одном номере на первой странице «Тамбовской правды», датированной 27 июня 1974 г.: вверху одиночное, занимающее две колонки фото, внизу на той же странице Василий Ильич изображен в позе Наполеона. Стоит он с поднятой рукой и указующим перстом что-то изрекает. Под снимком многострочный текст. Описывая встречу гостей колхоза «Правда» Тамбовского района, журналисты показывают, как им [Л. 172] на помощь приходит В.И. Черный. Ведь комплекс по направленному выращиванию коров его детище... Ценные советы Первого секретаря обкома КПСС помогли колхозу ввести в эксплуатацию комплекс в сжатые сроки.

На второй день пребывания гостей в городе «Тамбовская правда» малость «поскромничала»: вместо двух портретов товарища Черного опубликовала один. На фото Василий Ильич изображен внимательно осматривающим картины в мастерской заслуженного художника РСФСР А.П. Краснова. В репортаже не упущена и такая деталь, как наименование места отдыха гостей. «Ночевали они в филиале гостиницы “Тамбов”», – сообщал автор репортажа, заведующий отделом редакции А.Д. Терехов. Как выяснилось, безобидная концовка репортажа «приделана» под диктовку свыше. Сообщение газетой о существовании филиала гостиницы сделано с целью приглушения реакции населения, которое не без основания возмущено возведением двухэтажного дворца, многоквартирного особняка, во дворе, где проживала семья товарища Черного. Раньше, до избрания его Первым секретарем, в доме со всеми удобствами, к тому же с

плодоносящим садом десятинного размера, свободно размещались две-три семьи. Заняв высокий пост, Василий Ильич не захотел жить под одной крышей с семьей председателя облисполкома. Малочисленная семья Первого секретаря предпочла довольствоваться усадьбой и домом в одиночестве. Неизвестно из каких побуждений товарищ Черный распорядился выстроить двухэтажное здание на приусадебном участке дома. Но огромный дворец возведен. Причем объем его полтора-два [Л. 173] десятка комнат с внутренней отделкой по типу старинных чертогов. Не ведомо и то, как малочисленная семья товарища Черного осваивает жилплощадь, которая вместила бы десяток больших семей. Жители областного центра, на виду которых вырос дворец, не без основания возмущаются барскими замашками руководителя области. Ведь многие трудовые семьи все еще ютятся в полуподвальных помещениях... Создалось общественное мнение не в пользу советских и партийных органов. С целью его развеивания и был придуман миф с «филиалом гостиницы». «Тамбовская правда» широко афишировала этот миф. По-видимому, это вполне устраивает редактора «Тамбовской правды», не говоря о первом секретаре обкома.

* * *

Тенденциозность прославления отдельной личности очевидна. И что характерно: не только печать, а и местные радиопередачи, короткометражные фильмы, словом, все формы пропаганды на службе у товарища Черного. Старые ветераны труда – комсомольцы и коммунисты двадцатых – тридцатых годов утверждают: «Ни одна большевистская газета за первое десятилетие советской власти, т.е. 1917–1927 гг. не опубликовала столько портретов того или другого государственного деятеля из числа первых строителей Советского государства, сколько раз “Тамбовская правда” рекламировала за истекшее десятилетие, т.е. за 1966–1976 гг. товарища Черного».

[Л. 174] Не есть ли это рецидив культа личности, осужденный и выкорчеванный нашей ленинской партией и ее ленинским Центральным Комитетом.

II. А как теперь критикуют в Тамбове?

В апрельском номере «Журналиста» опубликована передовая под заголовком «Как в Тамбове критиковали». Автор ее – инструктор Отдела пропаганды ЦК КПСС Лев Ягодин. Излагая содержание постановления «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской парторганизации», он объективно рассказал о порочном стиле областной газеты. Справедливости ради процитируем отдельные места «Передовой» в авторском изложении:

«Областная, городские, районные газеты редко выступают с критикой по вопросам развития производства, воспитания людей, обходят стороной слабые места горкомов и райкомов партии, советских и хозяйственных органов, ведущих трудовых коллективов. Журналисты не всегда за частными случаями видят серьезные проблемы. Очень узок диапазон критики. Как правило, критикуются рядовые работники, второстепенные администраторы».

* * *

Прошло около десяти месяцев со дня опубликования Постановления ЦК КПСС. Много ли изменилось в лучшую сторону? С первых дней опубликования документа взят не тот настрой. Оберегая честь мундира, «Тамбовская правда» даже не нашла нужным перепечатать вышеупомянутую журнальную статью «Как в Тамбове критиковали». Не перепечатала она и корреспонденцию сборка «Правды» И. Титова «Урок взыскательности», опубликованную в «Правде» в номере от 9 марта. А ведь автор подверг критике не только [Л. 175] деятельность секретарей обкомов партии, но и стиль работы его органа «Тамбовской правды». Теперь журналисты областной газеты отговариваются: «Это дело прошлое». Но вот более свежие факты, не делающие им чести. В номере от 20 сентября 1975 г. в Центральной «Правде» опубликована корреспонденция «Где пусто, а где густо». Автор ее – штатный сотрудник «Тамбовской правды» Е. Голошумов. Изобличив руководителей Инжавинского района, злоупотреблявших служебным положением, он назвал их имена. Читатели недоумевают – от доброй ли жизни местный журналист предпочел выступать в центральной прессе, минуя родную газету? Выступать с критикой по Инжавинскому району «у себя» ему воспрещено. Что же было делать принципиальному журналисту, владеющему острым пером? В кулуарах редакции открыто не бранят Е. Голошумова, но глухой ропот дал о себе знать: тот же зам. редактора Борис Петрович категорически отказался перепечатать на страницах областной газеты опубликованную в «Правде» корреспонденцию сборка. Является загадкой: чем и чьим указанием редколлегия руководствуется в своей деятельности. «Тамбовская правда» почему-то умолчала о решении бюро обкома, обсуждавшего корреспонденцию Голошумова. То ли потому, что решение принято либеральное (ведь инжавинские правонарушители отделались легким испугом), то ли еще почему... Что касается решения, строгим-то оно не могло быть: инжавинское шкурничество – типичное явление в условиях Тамбовщины. Оно берет свое начало из недалекого прошлого. Бывший секретарь Петровского РК КПСС, ныне второй секретарь обкома партии В.И. Макаров, позволил себе нечто похожее в целях создания личного благополучия. О чем свидетельствуют не только его [Л. 176] современники, но и сохранившиеся документы, хранящиеся в надежных руках...

Областная печать продолжает преподносить факты, якобы свидетельствующие о теперешнем благополучии в части развертывания критики и самокритики. В сентябре здесь проходил 6-й Пленум обкома КПСС, заслушавший доклад товарища Черного «О дальнейшем развитии критики и самокритики». В самом начале его речи проявлена вопиющая нескромность: «Обком партии, – говорил он, – постоянно стремится обеспечить, чтобы была проверка исполнения директив партии и правительства». Словом, тон был задан. В прениях чуть ли не каждый руководитель той или иной ведущей партийной организации начинал свое выступление с песнопения в честь вышестоящих. «В лучшую сторону меняется стиль работы обкома КПСС. Секретари и заведующие отделами

обкома стали чаще приезжать в город, оказывать помощь на месте», – говорил первый секретарь Мичуринского горкома КПСС Е.М. Подшипов. Вслед за Подшиповым пропел дифирамб первый секретарь Жердевского райкома партии М.С. Ермилов, который, как сообщила «Тамбовская правда»: «... отметил возросшую деловитость в работе обкома партии, доверительное отношение к кадрам в сочетании с требовательностью и принципиальностью. Совершенствуется стиль райкома партии».

Вольно ораторам славить начальство, но так ли необходимо газете производить речи, насыщенные элементами угодничества? Настрой «верхов» областного масштаба оказывает дурное [Л. 177] влияние на партийное руководство районного звена, продолжающего акцентировать внимание на положительных сторонах своей деятельности. К чести низов, они более правильно восприняли Постановление ЦК КПСС о состоянии критики и самокритики, чем верхи, и подчас дают «бой» трубадурам «из верхов», восхваляющим отдельные личности, занимающие высокие посты областного и районного масштабов. Заслуживает внимания откровенный разговор рабочих – коммунистов завода «Полимермаш», участников недавно проходившего здесь собрания партийного актива Октябрьского района г. Тамбова. Участники собрания обсуждали ход выполнения решения ЦК КПСС о состоянии критики и самокритики. И на этот раз «Тамбовская правда» не воздержалась: «Выступать в прениях записалось 28 коммунистов, – сообщал автор отчета о собрании, – многие ораторы отмечали положительные перемены в стиле и методах работы обкома партии, его секретарей, заведующих отделами и аппарата. Руководящие партийные работники стали чаще бывать на местах, заниматься живой организаторской работой». Автор отчета почему-то не назвал имена «тех многих», которые сообщили о переменах «в стиле и методах работы обкома партии». По-видимому, имелась в виду речь первого секретаря райкома партии И.И. Говердовского, начавшего свое выступление с «гром победы раздавайся». Однако рядовые коммунисты отвергли знакомую нам дежурную формулировку – «стиль и метод работы обкома партии меняется в лучшую сторону». Люди от станка иных мнений, чем те, которым не по душе свежий ветерок критики. Характерно выступление токаря Н.Г. Ардатова и других членов партии. Он и его товарищи называли вещи своими именами.

РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 68. – Д. 267. – Л. 169–177.

№ 3

А ЭТО НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ. ЧЕМУ Я НЕ ВЕРЮ.

[Л. 186] Зажим критики и отсутствие самокритики на Тамбовщине достигли своего апогея. Представители старой гвардии – довоенные коммунисты, комсомольцы двадцатых и тридцатых годов (в том числе и автор этих строк), тяжело переживают произвол, гнездящийся в Тамбовском областном комитете партии.

Но когда мне говорят, что подобные пороки свойственны многим областным и краевым партийным организациям, я этому не верю! Если бы в иных об-

ластях, краях и республиках, так же помыкали кадрами, как их шерстят в Тамбове, если бы повсюду выдавали такую хозяйственную показуху за экономические успехи, как это делают в Тамбове, то в стране не было бы такого материального и морального благополучия. Кто может отрицать то, что советские люди достигли такого материального уровня, какой даже не снился представителям утопического социализма? Чего сейчас не достает в продуктовых магазинах? Может только красной икры да птичьего молока – не больше. А в отношении бытовых нужд? Поступи сегодня в продажу сто тысяч «Жигулей», их завтра же раскупят колхозники, рабочие и служащие совхозов Воронежской, Липецкой и Белгородской областей.

Когда мне говорят, что не только первый секретарь Тамбовского обкома партии больше печется о собственном благополучии, чем об увеличении общественного богатства области, и что такое явление можно встретить в других местах, где якобы «партийная элита строит себе коттеджи» и т.д., я и этому не верю! Будучи когда-то корреспондентом одной центральной газеты, побывав во многих областях, [Л. 197] видел, как там живут и работают руководители партийных организаций. В особенности у меня осталось неизгладимое впечатление о жизни и деятельности руководителей областей Казахстана. Откуда мне довелось корреспондировать в период освоения целины, когда Казахстанскую партийную организацию возглавлял Леонид Ильич Брежнев. В то время я не однажды встречался с руководителями областей республики, в том числе – с первыми секретарями обкомов партии. Все они были людьми ленинского типа. Их семьи жили в общих домах с семьями рядовых тружеников. Какой контраст между ними и теперешними руководителями Тамбовской области!

А. Серегин.

Источник: РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 68. – Д. 267. – Л. 196–197.

№ 4

ЦК КПСС

[Л. 201] В областной газете «Тамбовская правда» за 7 октября с.г. на первой странице был опубликован пространный отчет о встрече первого секретаря обкома партии, депутата Верховного Совета СССР В.И. Черного с избирателями 327 Уваровского избирательного округа. Обычно газета публикует о таких встречах краткие сообщения. Однако в данном случае обращает на себя внимание не столько объем информации, сколько ее содержание.

В указанной корреспонденции подчеркивается активная деятельность т. Черного как депутата, отмечается единодушная поддержка его личной работы со стороны трудящихся области. Например, перечислив выступивших на встрече, газета подчеркивает: «Все они с одобрением говорили о деятельности т. Черного как депутата».

Далее указывается: «В принятой резолюции участники собрания единодушно одобрили деятельность тов. Черного по выполнению высоких и ответственных

обязанностей депутата Верховного Совета СССР, выразили уверенность в том, что он и впредь будет активно работать над выполнением данных ему наказов, постоянно проявлять заботу о нуждах людей».

Отдел организационно-партийной работы обратил внимание т. Черного на то, что подобные публикации носят характер саморекламы, и что высокая оценка его личной деятельности на страницах областной газеты не соответствует той, которую дал ЦК КПСС в своем постановлении «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации».

Тов. Черный признал замечания правильными и заверил, что больше подобных явлений не допустит.

Сообщается в порядке информации.

Зам. зав. отделом

Организационно-партийной работы ЦК КПСС

Е. Разумов

23 декабря 1975 г.

РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 68. – Д. 267. – Л. 201.

№ 5

Секретно
ЦК КПСС

О письме тов. Серегина А.И.

[Л. 199] В поступившем в ЦК КПСС письме т. Серегин А.И. из города Тамбова сообщает о том, что на страницах областной газеты в адрес первого секретаря Тамбовского обкома партии т. Черного В.И. публикуются корреспонденции в хвалебном тоне. Автор письма указывает на нескромное поведение в быту т. Черного, считает, что он несамокритично оценивает положение дел в развитии сельского хозяйства области, допускает недостатки в работе с руководящими кадрами.

Как показало ознакомление, действительно в материале, опубликованном в газете «Тамбовская правда» от 7 октября с.г. о встрече первого секретаря обкома партии т. Черного с избирателями Уваровского избирательного округа подчеркивается активная деятельность т. Черного как депутата, отмечается «единодушная поддержка его личной работы» со стороны трудящихся области.

Отдел организационно-партийной работы обратил внимание т. Черного на то, что подобные публикации носят характер саморекламы, и что высокая оценка его личной деятельности на страницах областной газеты не соответствует той, которую дал ЦК КПСС в своем постановлении «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации».

Тов. Черный признал замечания правильными и заверил, что больше подобных явлений не допустит. На областной партконференции, состоявшейся в декабре с.г., он самокритично и принципиально оценил данный факт.

Что касается других сообщений, указанных в письме, то они ранее проверялись на месте. По результатам проверки с т. Черным состоялась беседа в

Отделе организационно-партийной работы ЦК КПСС.
Об этом докладывалось ЦК КПСС.

С автором письма переговорено.

Зав. сектором Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС Г. Лапчинский
Инструктор В. Бабкин
31 декабря 1975 г.

РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 68. – Д. 267. – Л. 199.

Литература

1. Безнин, М. А. Общественное мнение середины 1950-х гг. о социальном расслоении в советском обществе / М. А. Безнин, Т. М. Димони // История социальных процессов в России (XX век) : сборник научных статей / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет ; [главный редактор Т. М. Димони]. – Вологда : ВоГУ, 2019. – С. 102–120.

2. В Центральном Комитете КПСС // Правда. – 1975. – 28 февраля. – С. 1.

3. Партийная характеристика первого секретаря Тамбовского обкома КПСС В. И. Черного. 6 апреля 1970 г. // Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). – Ф. П-1045. – Оп. 22. – Д. 110. – Л. 29, 30. – URL: <http://gaspito.ru/materials/exposition/259-grazhdanin-chernyi?showall=1> (дата обращения: 18.04. 2020). – Текст : электронный.

4. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 5. – Оп. 68. – Д. 267.

5. Сельцер, Г. И. Сын своего века / Г. И. Сельцер // Тамбовская жизнь. – 2003. – 6 августа.

6. Сельцер, Д. Г. Региональная номенклатура КПСС: размышления о границах дозволенного / Д. Г. Сельцер // Центр элитологических исследований при Академии политической науки. ЭлИс-Центр. Пермский национальный исследовательский политехнический университет. – URL: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=33&pod3_id=209 (дата обращения: 18.04. 2020). – Текст : электронный.

7. Список правительственных наград первого секретаря обкома КПСС В. И. Черного // ГАСПИТО. – Ф. П-1045. – Оп. 22. – Д. 110. – Л. 43. – URL: <http://gaspito.ru/materials/exposition/259-grazhdanin-chernyi?showall=1> (дата обращения: 18.04. 2020). – Текст : электронный.

8. Справка о награждении В. И. Черного орденом Ленина // ГАСПИТО. – Ф. П-1045. – Оп. 22. – Д. 110. – Л. 35. – URL: <http://gaspito.ru/materials/exposition/259-grazhdanin-chernyi?showall=1> (дата обращения: 18.04. 2020). – Текст : электронный.

9. Столетова, А. С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960–1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) / А. С. Столетова. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422 // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 402–422.

10. Чёрный Василий Ильич, 1-й секретарь Тамбовского обкома КПСС в 1966–1978 // Тамбовский-край РФ. – URL: <https://xn---7sbbcf0bhcedpz6aij.xn--p1ai/wiki/ch/3145/> (дата обращения: 18.04. 2020). – Текст : электронный.

A.S. Stoletova

«FROM A JOURNALIST'S NOTEBOOK» BY A.I. SEREGIN: CRITICISM OF V.I. CHERNY, THE SECRETARY OF THE TAMBOV REGIONAL COMMITTEE OF THE CPSU

The article examines the problem of transformation of Russian society in the second half of the 20th century using the activities of the Tambov Regional Committee of the CPSU as an example. A.S. Stoletova remarks that the issue is still insufficiently studied in History. The text under consideration reflects the reaction and response of the former journalist A.I. Seregin regarding the fulfillment of the responsibilities by V.I. Cherny as the Secretary of the Tambov Regional Committee of the CPSU. A.S. Stoletova reveals A.I. Seregin's world view, his awareness and vision of the situation related to the processes of forming the system of privileges and embourgeoisement of the local Establishment.

The Tambov Regional Committee, historical source, V.I. Cherny, criticism, “Tambovskaya Pravda”/“Tambov Truth”, transformation of Russian society.

*А.Б. Федоров, А.В. Панфилец, А.Л. Бредихин
Санкт-Петербургский университет МВД России*

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ ОРГАНОВ И ВОЙСК НКВД СССР С НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ СТРАНЫ (1945–1950 ГГ.)

В статье исследуется зарождение, развитие и ликвидация националистических организаций Западной Украины и советской Прибалтики. Рассматривается роль некоторых руководителей ОУН-УПА, сотрудничество националистических формирований с немецко-фашистскими захватчиками. Показана роль органов и войск НКВД-НКГБ СССР, а также ответственных лиц наркоматов в ликвидации националистического бандитского подполья в западных областях Советского Союза после освобождения от оккупации.

Великая Отечественная война, органы и войска СССР, госбезопасность, националистические организации Западной Украины и Прибалтики.

В информационную войну, ведущуюся с давних времен Западом против России, сегодня торопятся внести свою лепту националистические круги современной Украины и стран Балтии. Излюбленной темой как киевских официальных властей, так и прибалтийских русофобов является тема оправдания и героизации деятельности националистических организаций и их вооруженных формирований в этих странах в годы Второй мировой войны. Несмотря на то, что на Нюрнбергском процессе пособники германских нацистов были признаны коллаборационистами, их в настоящее время превращают в героев (С. Бандера, Р. Шухевич и др.), переписывая и фальсифицируя нашу общую историю.

Игнорируя исторические факты, документы архивов и многочисленные свидетельства жертв и очевидцев карательных акций националистических банд и их прямого сотрудничества со спецслужбами гитлеровцев в годы войны (СД, СС, Абвер), сегодняшние национал-радикалы добиваются реабилитации бывших карателей-полицаяв и легионеров СС, провозглашают их «самоотверженными борцами» как против немецкого, так и против советского «оккупационного режима».

Все это требует уделять особое внимание разоблачению подобных козунственных фальсификаций и показу истинной сущности пронацистского бандподполья времен Второй мировой и Великой Отечественной войны.

В разгром бандформирований и ликвидацию их остатков на Украине и в Прибалтике органы и войска НКВД-МВД внесли решающий вклад, а потому сами стали объектами нападков как со стороны наших зарубежных недоброжелателей, так и доморощенных «критиков» советского периода российской истории.

Националистические организации на территории Западной Украины и в республиках Прибалтики были созданы еще в 1920–1930 гг. под флагом борьбы за независимость и противодействия «большевистской угрозе». На Западной Украине это была «Организация

украинских националистов» (ОУН), в Латвии – националистическая организация «Айзсарги» («Самозащита»), в Эстонии – «Омакайтсе» («Самооборона»). В Литве, где местные националисты находились у власти почти 20 лет, ими была создана своя политическая партия – «Таутининку Сайюнга» (Союз националистов») [1, с. 122–123].

Со второй половины 30-х годов националисты Западной Украины и республик Прибалтики стали все более активно сотрудничать с гитлеровской Германией. Нацисты целенаправленно использовали их «потенциал» для агентурно-разведывательной деятельности и осуществления диверсионных актов в интересах реализации своих агрессивных замыслов, в том числе и в отношении самих этих стран.

В 1939–1940 гг. Западная Украина, Латвия, Литва и Эстония вошли в состав Советского Союза. Именно тогда органам и войскам НКВД СССР впервые пришлось приступить к борьбе с националистическим подпольем в весьма значительных масштабах, нарабатывать и апробировать первый опыт оперативной и служебно-боевой деятельности по ликвидации выступлений «пятой колонны» и их профилактики в районах, которым в скором времени предстояло стать театром военных действий [2; 3].

Продолжилось это противостояние и после вооруженного нападения Германии на Советский Союз. В приказах начальников Управления НКВД по Ленинградской области старшего майора госбезопасности Лагунова от 19 августа 1941 г. за № 00253 и комиссара госбезопасности 3 ранга Кубаткина от 3 декабря 1941 года за № 00400 «Об активизации агентурно-оперативной работы по украинским националистам» констатировалось следующее. После начала войны украинские националисты активизировали контрреволюционную деятельность. Немцы не только используют «оуновцев» на оккупированных территориях, организуя из них карательные, шпионские, диверсионные и террористические группы и отряды, но и активно используют их формирования для сколачи-

вания «пятой колонны» в восточных областях Украины и прифронтовой полосе, подрыва политико-морального состояния бойцов Красной Армии. Своей деятельностью украинские националисты понижают боеспособность наших частей, ведут подготовку организованных переходов бойцов с оружием в руках на сторону врага и вербуют агентов для шпионской работы. Агентурными и следственными материалами установлено, что ОУН, как и ряд других националистических организаций: УНДО (Украинская национально-демократическая организация), УВО (Украинская военная организация), УНО (Украинское националистическое объединение) – являются филиалами немецко-фашистской партии и немецких разведывательных органов. Деятельность украинских националистических контрреволюционных организаций сугубо законспирирована. Кандидаты, вступающие в ряды националистов, дают присягу из десяти заповедей. В первой же заповеди было прямое требование добиваться украинского государства или погибнуть в борьбе за него. В приказах определялись конкретные методы борьбы: активной агентурной работой вскрывать контрреволюционное подполье украинских националистов, а подпадающих под подозрение брать немедленно в разработку. Также предлагалось разработку украинских националистов обеспечить «... такой агентурой, которая была бы способна проникнуть во вражеское контрреволюционное подполье и своевременно вскрывать, и сигнализировать о преступных замыслах и намерениях врага». Разработку требовалось вести «накоротке, не затягивая таковую, решительно нанося своевременно оперативные удары по ним». Эти приказы УНКВД ЛО свидетельствуют о серьезном противостоянии националистическому бандподполью даже вдали от Западной Украины [4].

В период оккупации Украины и республик Прибалтики гитлеровской Германией их националистические организации не только стали более тесно сотрудничать с ее спецслужбами и оккупационными властями, но и, с разрешения и под контролем последних, приступили к формированию собственных «армий». Боевые подразделения националистов вошли в полицейские части и эсэсовские соединения, воевали против войск Красной Армии, боролись с партизанами, участвовали в карательных операциях против мирного населения. Немцы, как правило, поручали им самую грязную «работу» [5, с. 24].

По мере того, как поражение Германии в войне и неизбежность ее ухода с оккупированных территорий становились очевидными и для националистов, их расправы и глумление над собственным народом приобретали все более жестокий характер. Они понимали, что за сотрудничество с нацистами и совершенные во время войны преступления пощады от советской власти им не ждать. С другой стороны, с помощью все тех же гитлеровцев националисты по-прежнему готовились к встрече с Красной Армией и борьбе с советской властью в условиях подполья, рассчитывая продержаться до тех пор, пока против Советского Союза начнут войну ее союзники по антигитлеровской коалиции. Для этого пособники нацистов и псевдоборцы за независимость своих республик располагали значительными силами и средствами.

Из всех националистических организаций и вооруженных формирований самыми массовыми и многочисленными были созданная еще в 1929 г. Евгением Коновальцем «Организация украинских националистов» и ее «Украинская повстанческая армия» (УПА). Высшим руководящим органом оуновцев были головной (центральный) провод (штаб), в состав которого наряду с несколькими отделами (дипломатический, военный, политический и др.) входила служба безопасности (СБ). Нижестоящими органами ОУН были краевые, окружные, надрайонные, районные, кустовые и станичные проводы. Руководство ОУН тесно сотрудничало с нацистами и открыто заявляло о своей готовности совместно с ними бороться против Красной Армии и СССР.

В УПА состояло значительное число немецких военнослужащих, так как она формировалась и вооружалась с помощью германской армии. В 1944 г. отряды УПА пополнили остатки полицейских подразделений и разгромленной Красной Армией под Бродами украинской дивизией СС «Галичина». На вооружении УПА немцы только с августа 1943 г. по сентябрь 1944 г. передали более 700 орудий и минометов, 10 000 пулеметов, 26 000 автоматов, 72 тысячи винтовок, 22 тысячи пистолетов и большое количество боеприпасов, а также 300 полевых радиостанций и около 100 портативных типографий [6, с. 135].

К началу 1944 г. УПА насчитывала до 100 тысяч активных боевиков, которые организационно были разделены на три группы: УПА – «Запад», УПА – «Север», УПА – «Юг». С четвертой группой – УПА – «Восток» у бандеровцев вышла промашка, поскольку они не нашли поддержки среди населения восточных областей Украины. Возглавлял УПА Главнокомандующий со своим штабом, а основной ее административно-тактической единицей был курень (500–800 чел.), который в свою очередь подразделялся на сотни трехзвенного (четы) состава.

Объединенная служба безопасности ОУН-УПА занимались контрразведывательной деятельностью и агентурной работой, чиня суд и расправу над теми жителями Западной Украины, которые не поддерживали националистов. Основной контингент УПА составляли галичане, но в ее рядах находились и представители центральных и даже восточных областей Украины, а также русские – предатели, дезертиры, бывшие военнопленные-красноармейцы. Как говорилось выше, были в УПА и немцы. Но когда в 1946–1947 гг. УПА оказалось в катастрофическом положении, ее служба безопасности тайно избавилась от них как от потенциальных свидетелей «освободительных» акций националистов [1, с. 123].

Что касается националистических воинских формирований в республиках Прибалтики, то их численность была не столь велика, как на Украине, но и они представляли серьезную угрозу для тылов Красной Армии и восстановления советской власти в освобожденных районах. Деятельность литовских «лесных братьев» возглавлял Верховный штаб созданной в 1942 г. «Литовской освободительной армии» (ЛЛА), насчитывавшей по разным подсчетам от 20 тысяч до 33 тысяч боевиков. ЛЛА делилась на округа, отряды, роты и взводы и придерживалась той же тактики, что

и УПА, и так же, как и УПА, взаимодействовала с нацистскими спецслужбами. ЛЛА была не единственной организацией литовских националистов. Готовясь к встрече с Красной Армией, они создали «Высший комитет освобождения Литвы», «Союз литовских партизан», «Комитет защиты Литвы» и ряд других организаций. Новый «Верховный комитет освобождения Литвы» националисты попытались было создать в сентябре 1945 г. на основе Сувалкийского окружного штаба националистической организации «Таурас», но уже в октябре того же года он был ликвидирован.

Ситуация с Литвой усугублялась тем обстоятельством, что на территории ее Виленской области, бывшей «под Польшей» в 1920–1939 гг., активно действовали польские националисты. Виленский округ их Армии Крайовой вместо борьбы с немецкими захватчиками до февраля 1945 г. выступал против Советской власти. В целом же, по данным НКВД СССР, на территории Литвы на 1 декабря 1944 г. действовало 84 литовских и польских хорошо вооруженных и возглавлявшихся бывшими офицерами вооруженных групп [1, с. 123, 127].

В Латвии и Эстонии немецкому командованию удалось в довольно значительных масштабах провести мобилизацию в эсэсовские легионы и использовать их для борьбы с Красной Армией и карательных акций. Кара за совершенные преступления настигла военнослужащих этих легионов с разгромом немецко-фашистских войск и капитуляцией Германии во Второй мировой войне. Однако проведенные в годы оккупации мобилизации в войска СС сказались на численности оставшихся на территории Латвии и Эстонии, к моменту их освобождения, националистических формирований и их тактике. Так, «лесные братья» Эстонии объединяло в свои «лучшие времена» лишь до 15 тысяч чел. Не более многочисленными были и боевые группы «Объединения защитников Отечества (партизан) Латвии» [7, с. 230–232].

Антинародным и преступным целям националистов Украины и стран Прибалтики соответствовали и применяемые ими методы их достижения. Когда в 1944 г. под ударами Красной Армии немцы вынуждены были все дальше отступать на запад, они еще более активно стали использовать вооруженные формирования националистов в своих интересах. В том же 1944 г. националисты перешли к ожесточенной борьбе с восстанавливаемой на освобожденных территориях советской властью. Действия бандитов отличались особой жестокостью и бесчеловечностью. «Наша власть должна быть страшной, – поучал своих подручных С. Бандера. – Если надо, мы уничтожим две трети населения Украины, но оставшаяся треть будет жить так, как нам надо» [1, с. 124]. Ему вторил Р. Шухевич, ставший руководителем подполья ОУН-УПА на территории Западной Украины и Юго-Восточной Польши с 1945 г.: «Не запугивать, а истреблять! Не надо бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пусть из сорока миллионов украинского населения останется половина – ничего ужасного в этом нет» [8, с. 242].

Руководствуясь этими и подобными им установками, бандформирования националистов развязали в

западных областях страны повсеместный террор как в отношении сторонников советской власти, так и всех тех, кто отказывал им в поддержке, укрывался от мобилизации в бандеровские банды, не желал пополнять ряды «лесных братьев».

После разгрома наиболее крупных формирований националистов бандподполье вынуждено было сменить тактику и перейти от открытых боестолкновений к действиям из засад и диверсиям. Бандиты нападали на небольшие воинские подразделения и отдельные группы военнослужащих Красной Армии и войск НКВД, организовывали убийства видных общественных деятелей, партийных и советских работников, часто и членов их семей. От их преступных рук погиб командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н.Ф. Ватулин (смертельно ранен 29 февраля 1944 г.). Во Львове 29 октября 1949 г. бандеровцами был убит в своей квартире украинский писатель и публицист Ярослав Галан [1, с. 124; 9, с. 98].

Оперативные сводки НКВД о действиях националистов в тот драматический период буквально переполнены сообщениями об их диких расправах над местными жителями. Пошады не было ни стариками, ни женщинами, ни детям. В подвергавшихся бандитским налетам местах компактного проживания поляков население уничтожалось поголовно («Волынская резня») [10, с. 15].

Борьба с националистическим подпольем и его боевыми группами в западных районах СССР в 1944–1945 гг. была трудной и напряженной, требовала конкретных мер, привлечения значительных сил и средств. Руководство этой борьбой осуществляли НКВД и НКГБ СССР (после министерской реформы 1946 г. – МВД-МГБ СССР), республиканские органы власти, областные управления НКВД и их отделы по борьбе с бандитизмом, органы госбезопасности, а также Главное управление внутренних войск НКВД СССР, окружные управления внутренних войск (Украинского, Белорусского, Прибалтийского округов), командиры и штабы подчиненных им соединений и частей [11, с. 382–383, 406–407].

Для координации действий привлекаемых сил, организации на местах необходимых мероприятий и чекистско-войсковых операций на Украину и в Прибалтику неоднократно выезжали заместители наркома внутренних дел С.Н. Круглов, И.А. Серов и начальник 4-го управления П.А. Судоплатов. В целях укрепления областных органов внутренних дел и государственной безопасности туда же периодически командировались имевшие опыт борьбы с бандподпольем другие руководящие сотрудники НКВД-НКГБ СССР [6, с. 157; 8, с. 240–243; 12, с. 401].

В борьбе с националистическим подпольем и его вооруженными формированиями участвовали некоторые части Красной Армии в районах боевых действий, войска по охране тыла действующей армии, пограничные войска в местах их дислокации. К проведению специальных операций привлекались и военные училища НКВД СССР, личный состав отдельной дивизии им. Ф.Э. Дзержинского, конвойные части и подразделения. Основная же тяжесть этой борьбы легла на оперативные соединения и части внутренних

войск, которые действовали в тесном взаимодействии с органами внутренних дел и государственной безопасности [6, с. 163].

В результате принятых мер националистам были нанесены серьезные поражения, их потери значительно увеличились. За первое полугодие 1945 г. было уничтожено свыше 78 тысяч бандитов. В феврале 1945 г. в ходе войсковой операции был убит командующий УПА Клим Савур, захвачен живым командующий ее западной группой, уничтожены главаря ряда крупных бандформирований. За I-й квартал 1945 г. было проведено более 1 300 спецопераций по ликвидации националистических группировок, по изъятию руководителей подразделений ОУН-УПА, а также лиц, уклонявшихся от призыва в Красную Армию, были разгромлены склады вооружения и базы продовольствия бандподполья [1, с. 125].

Активизация националистического подполья на освобожденной территории Западной Украины в первую очередь потребовала существенного увеличения численности действующих там внутренних войск.

Весной 1944 г. в целях усиления Управления внутренних войск НКВД Украинского округа (начальник – генерал-майор М.П. Марченков) и повышения надежности охраны тыла 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов с Северного Кавказа были передислоцированы четыре стрелковые бригады и кавалерийский полк, Орджоникидзевская и Сухумская дивизии, танковый и шесть отдельных стрелковых батальонов общей численностью около 30 тысяч человек. В Ровенскую область были дополнительно переведены три стрелковые бригады из восточных районов Украины. Опытными сотрудниками были усилены и местные органы внутренних дел [13, с. 62].

Помимо спецопераций органами советской власти, руководителями спецслужб и командирами войсковых подразделений активно проводилась массовая политико-разъяснительная работа по разложению националистических формирований. Боевикам предлагалось отказаться от борьбы с советской властью, сложить оружие и вернуться к мирной жизни. В результате этой работы только в Западных областях Украины в I-м квартале 1945 г. с повинной явилось 12 700 боевиков и более 3-х тысяч лиц, ранее уклонявшихся от призыва в армию [1, с. 125; 14, с. 262].

В ходе спецопераций против бандитов проводились карательные акции, а именно: заседания судов военных трибуналов, публичное исполнение приговоров, а также выселение семей боевиков. В борьбе с ними важное место принадлежало созданию из числа активистов вооруженных групп содействия органам и войскам НКВД. Руководство их деятельностью поручалось опытным сотрудникам-профессионалам.

Оперативная обстановка диктовала необходимость применения войсками различных тактических приемов, их служебно-боевая деятельность осуществлялась как путем проведения крупных операций, так и прочесыванием лесных массивов, сел и хуторов, выставлением засад и секретов.

Оперативные сводки внутренних войск НКВД Украинского округа содержат информацию о том, что только за 1945 г. войска уничтожили более 21-й тысячи бандитов, захватили – около 58 тысяч, задержали

35 тысяч бандпособников, 4 тысячи дезертиров и 43 тысячи уклонявшихся от призыва в армию. За это же время с повинной явилось 34 тысячи бандитов и было выселено свыше 6 тысяч их семей. Боевые потери округа за 1945 г. составили 497 убитых и 790 раненых солдат и офицеров [1, с. 127].

Не менее тяжелой и напряженной была борьба с «лесными братьями» на территории республик советской Прибалтики. Для руководства ею в 1944 г. были созданы окружные аппараты управления внутренними войсками, а также штаб главного руководства, координировавший деятельность войск НКВД СССР с командованием соединений и частей Красной Армии. В ходе проведения специальных мероприятий и чекистско-войсковых операций с сентября 1944 г. по октябрь 1945 г. внутренние войска и органы НКВД-НКГБ СССР на территории Эстонии ликвидировали 11 антисоветских националистических организаций и 359 бандгрупп. Было уничтожено 290 бандитов и задержано свыше 5 тысяч их пособников, изменников Родины, дезертиров и членов «Омакайтсе» [13, с. 63].

В первые месяцы 1944 г., когда основная часть территории Латвии еще оставалась оккупированной немцами, борьба с бандподпольем велась в основном в прифронтовой полосе. С июля 1944 г. по февраль 1945 г. органами внутренних дел и госбезопасности было арестовано более 5 тысяч участников бандформирований, предателей и изменников Родины, немецких агентов и пособников. После освобождения Латвийской ССР, вся ее территория была разделена на шесть оперативных секторов, в каждом из которых действовали соответствующие оперативные группы и подразделения внутренних войск. На конец 1945 г. ими было убито и захвачено более семи тысяч бандитов и их пособников.

В отличие от Латвии и Эстонии численность вооруженных националистических формирований на территории Литвы была весьма значительной. В конце 1944 г. в ее лесах скрывалось по различным источникам от 20 тыс. до 33 тыс. человек. В Виленской области активно действовали польские националистические отряды и подразделения польской Армии Крайовой [7, с. 231; 13, с. 63–64].

К борьбе с бандитами, помимо органов и войск НКВД, были привлечены и отряды местной самообороны («истребители»), сформированные во всех волостях Литовской ССР. За 1944–1945 гг. в результате активной служебно-боевой деятельности войск и органов НКВД и тесного взаимодействия с местными отрядами «истребителей» было ликвидировано 275 крупных националистических формирований и более 1 200 бандгрупп. Потери при проведении спецопераций составили 250 сотрудников милиции, военнослужащих и работников НКВД-НКГБ. Несмотря на высокую результативность проведенных в 1944–1945 гг. органами и войсками НКВД операций, деятельность националистического подполья на территории советской Прибалтики не удалось прекратить, и борьба с ними продолжалась и в послевоенное время. [13, с. 64].

Окончательный разгром националистического подполья в западных областях страны был завершён лишь в начале 1950-х годов. Так, только в начале мар-

та 1950 г. сотрудники МГБ во главе с П.А. Судоплатовым блокировали Р. Шухевича, на тот период руководителя УПА-ОУН, в кооперативной лавке села Белогорща, где он и был убит в завязавшейся перестрелке. Были предотвращены готовившиеся теракты в Киеве и Москве. В 1951 г. удалось нейтрализовать и его преемника М. Матвиенко, после чего сопротивление националистов в Западной Украине пошло на убыль [8, с. 241–243]. Борьба с ним потребовала значительных усилий, мужества и героизма сотрудников и военнослужащих НКВД СССР. Недаром их служба приравнивалась к фронтовой и засчитывалась по фронтовому – один год за три.

Многие из них в схватках с бандитами пали смертью храбрых, навечно зачислены в списки своих воинских частей. В этом противостоянии не на жизнь, а на смерть с националистическим повстанческим движением на территории Западной Украины и Прибалтики погибло по неполным подсчетам 6223 военнослужащих войск внутреннего назначения и Советской Армии и более 8 тысяч человек было ранено [15, с. 80]. Конечно, требуется кропотливая работа новых исследователей для уточнения и персоналий и статистики этой кровопролитной борьбы, тем более что в настоящее время в этих новообразованных государствах нацистских пособников и палачей выставляют героями, а наших доблестных солдат, освободивших Европу от коричневой чумы, – оккупантами.

Заключение

Созданные в 20–30-е годы прошлого века на территории Западной Украины и Прибалтики националистические организации по своим целям, методам и содержанию деятельности носили антинародный и явно профашистский характер.

В годы Великой Отечественной войны они активно сотрудничали с немецко-фашистскими оккупантами, а их военизированные формирования принимали участие в боевых действиях против войск Красной Армии. Они вели борьбу с партизанским движением и антифашистским подпольем, проводили многочисленные карательные акции в отношении мирного населения, устраивали расправы с теми, кто их не подерживал и оказывал сопротивление.

В первые послевоенные годы националистическое бандподполье активно противодействовало восстановлению в западных областях страны советской власти, осуществляло массовый террор в отношении советского и партийного актива и всех тех, кто способствовал налаживанию в этих областях нормальной мирной жизни.

Решающий вклад в ликвидацию националистического бандподполья на территории Западной Украины и республик советской Прибалтики внесли органы и войска НКВД-НКГБ (с 1946 г. – МВД-МГБ) СССР. С 1944 по 1952 гг. на борьбу с бандитами были направлены тысячи сотрудников органов внутренних дел и госбезопасности. За это же время войска выставили в этих целях 18 дивизий, 8 бригад, около 100 отдельных полков, 50 отдельных батальонов, 17 бронепоездов, подразделения трех военных училищ и шести школ сержантского состава. Борьба с бандподпольем потребовала от сотрудников правоохрани-

тельных органов и личного состава войск высокого профессионализма, мужества и самопожертвования и стоила немалых жертв. В боестолкновениях с бандами за названный выше период пало около шести с половиной тысяч военнослужащих.

Попытки реабилитировать националистов – пособников немецко-фашистского режима, превратить карателей в героев являются издевательством над памятью их многочисленных жертв. Эти попытки абсолютно безосновательны и обречены на провал.

Литература

1. Климов, А. А. Войска НКВД в борьбе с националистическими формированиями на территории западных районов СССР в третьем периоде Великой Отечественной войны / А. А. Климов // Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне) : сборник научных статей Всероссийской научной конференции 18–19 февраля 2015 года. Часть 1. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2015. – С. 122–129.
2. Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. – URL: <https://statehistoru.ru/4779> (дата обращения: 12.03.2019). – Текст : электронный.
3. Вхождение Прибалтийских государств в СССР в 1940 году. – URL: <http://gia.ru/20100721/256289067.html> (дата обращения: 12.03.2019). – Текст : электронный.
4. Отдел архивной информации Информационного центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 828–829, 1172–1175.
5. Марченко, С. М. Деятельность войск НКВД в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине / С. М. Марченко // Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне) : сборник научных статей Всероссийской научной конференции 18–19 февраля 2015 года. Часть 2. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2015. – С. 24–26.
6. Кокурин, А. И. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) / А. И. Кокурин. – Москва : Объединенная редакция МВД России, 2008. – 272 с.
7. Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР : сборник документов / составитель Н. И. Владимирцев, В. М. Комиссаров, В. Д. Кривец [и др.]. – Москва : Объединенная редакция МВД России, 2011. – 424 с.
8. Антонов, В. С. Павел Судоплатов / Владимир Антонов. – Москва : Молодая гвардия, 2018. – 332[4] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 1746).
9. Полководцы и военачальники Великой Отечественной / составитель и научный редактор – кандидат исторических наук полковник А. Н. Киселев. – Москва : Молодая гвардия, 1971. – 448 с. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 1 (482)).
10. Федоров, А. Б. Униаты: откуда и кто они / А. Б. Федоров // На страже закона. – 2018. – № 8 (202). – Октябрь. – С. 15.
11. Министерство внутренних дел России: 1802–2002. Исторический очерк. В 2 томах. Том II / под общей редакцией В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург : Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. – 528 с.
12. Млечин, Л. М. КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы / Л. М. Млечин. – 4-е изд. доп. – Москва : Центрполиграф, 2010. – 918 с.

13. Кривец, В. Д. Исторический опыт борьбы войск НКВД с националистическими формированиями в западных районах СССР / В. Д. Кривец // Академический вестник внутренних войск. Приложение к военно-публицистическому журналу «На боевом посту» внутренних войск МВД России. – 2015. – № 1 (26). – С. 61–64.

14. Некрасов, В. Ф. Внутренние войска Советского государства, 1917–1977 / В. Ф. Некрасов. – Москва : Академия МВД СССР, 1980. – 387 с.

15. Гузеев, Д. А. Участие Саратовского военного училища МВД-МГБ СССР в борьбе с националистическим бандподпольем в западных областях СССР / Д. А. Гузеев // Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войны) : сборник научных статей Всероссийской научной конференции 18–19 февраля 2015 года. Часть 1. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2015. – С. 80–86.

A.B. Fedorov, A.V. Panfilets, A.L. Bredikhin

CHARACTERISTICS OF THE STRUGGLE OF THE ORGANS AND TROOPS OF THE NKVD WITH THE NATIONALIST UNDERGROUND IN WESTERN REGIONS OF THE USSR (1945–1950)

The article deals with the emergence, development and eradication of nationalist organizations in Western Ukraine and the Soviet Baltic States. It examines the role of some leaders of OUN-UPA, the cooperation of nationalist organizations with the German fascist invaders. It reveals the role of organs and troops of the NKVD-NKGB of the USSR, as well as the officials from people's commissariats in eliminating nationalist bandit underground in the western regions of the Soviet Union after the liberation from the occupation.

The Great Patriotic War, organs and troops of the USSR, state security, nationalist organizations in Western Ukraine and the Baltic States

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЛОГДА СЕГОДНЯ

УДК 82

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

О МАРИИ СУВОРОВОЙ

Обзор сборников стихов вологодского поэта Марии Суворовой, публикаций и архивных материалов о ней и ее творчестве.

Мария Суворова, Вологда, современная поэзия.

Мария Суворова родилась 10 февраля 1988 года в Вологде. В 2010–2011 ее стихи вошли в лонг-листы российских поэтических премий «Дебют» и «Литературтурентген». Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Новая реальность», «Запасник». Автор трех книг стихотворений.

Мария Суворова – журналист телеканала «Русский Север»

«Потерянная книга» вышла в «самиздате» в 2009, дополненное и исправленное издание – в 2012 [8].

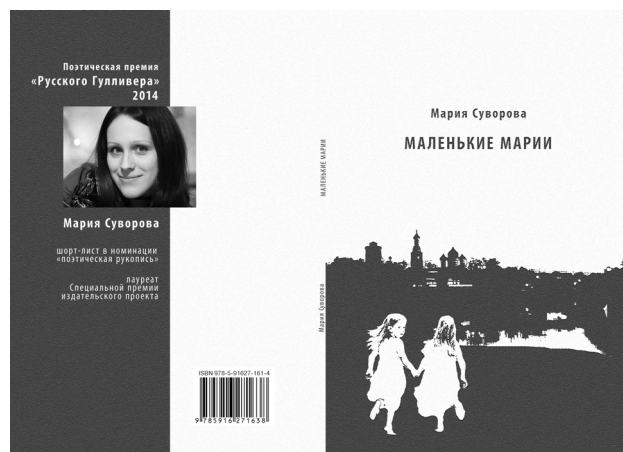
В 2012 опубликован второй сборник «Город об одном дне» [6].

Рекомендуя Марию Суворову в Союз российских писателей в 2013, Галина Щекина отмечала: «Ее слово давно уже переросло рамки лирического дневника, оно становится более масштабным, затрагивая вопросы памяти, веры, обретения себя и своей родины. Лирический герой Суворовой не желает быть Иваном-не-помнящим-родства, наоборот, герой обретает себя через сложные родственные и общественные связи.

На протяжении первых двух поэтических книг мы видим, как меняется сложный язык Суворовой <...> Иногда он напоминает прекрасный лепет, иногда плакатную резкость, иногда строки складываются мягко,

классично, иногда эмоциональный напор выплескивается через верлибры. В целом литературная состоятельность текстов Марии Суворовой не вызывает у меня никаких сомнений. Это сложный, необычно яркий автор» [из архива автора].

Мария стала самым молодым членом вологодского отделения СРП.

Летом 2014 она узнала о новой премии Русского Гулливера, учрежденной Центром современной литературы, издательским проектом «Русский Гулливер», мультимедийным журналом «Гвидеон», созвучными ей по духу и стилистике. В конкурсе было две номинации: «Поэтическая рукопись» и «Поэтическая книга». Мария подала заявку на рукопись и вошла в шорт-лист основной номинации. 9 ноября, в день рождения Хлебникова, объявлена лауреатом в номинации «Специальная премия издательского проекта». Наградой стало издание сборника стихов. «Маленькие Марины. Книга поименованных вещей» вышла в 2015 [7]. Название издательства («Русский Гулливер») видится знакомым – закрепившим принадлежность к этому роду.

Эпиграф – из А.Ф. Лосева: «Что значит именовать вещь? Что значит дать вещи соответствующее ей имя и когда это возможно? Наименовать вещь можно только тогда, когда вещь узнана. Узнать вещь значит сравнить ее с прочими вещами... Наименовать вещь значит, прежде всего, отличить ее от всего прочего, провести резкую границу между нею и всем окружающим...» [7, с. 5].

Предисловие к книге Ната Сучкова назвала «Адамов труд»: «В своем стремлении поименовать все видимые и невидимые глазу вещи поэт подобен Адаму, нарицающему сущее. Се – волк, а се – бык. Библейское и детское стремление одновременно. И, как львы, леопарды, ехидны, скорпионы, змеи приходили к Адаму, чтобы получить от него свои имена, так подчиняются поэтическому слову, со всей покорностью, стихии и сущности, обычному слову неподвластные» [10, с. 7].

Ната приветствовала первую московскую книгу Марии, проговаривая, почему в Вологде так сложно быть поэтом: «Знаете, сколько у нас поэтов? Хороших поэтов <...> Как найти себя, свой голос, свою интонацию, как не испугаться, что все ниши уже заняты до тебя? Мария Суворова – стойкий цветок, цветок-боец, из тех – самых хрупких, но самых сильных, что прорастают через асфальт каменных джунглей, джунглей городских и поселков городского типа...» [10, с. 8].

Весной 2015 большое интервью у Марии взяла Ирина Сорокина – для электронного журнала о культуре «Сфера» [5]. Обсудили и прояснили многое из биографии.

Свою семью Мария называет обычной рабочей, при этом подчеркивает творческую жилку. Отец трудится на заводе, в свободное время рисует, играет на гитаре. Именно он сделал первые записи 4-летней Марии на аудиокассеты – кое-что из запечатленного потом войдет в ее стихи (см. интервью далее). Мама многие годы шила, создавала оригинальные наряды. Бабушка – музыкант, окончила Вологодское музыкальное училище.

Мария с детства успевала многое: заниматься в школе традиционной народной культуры, в муниципальной школе танцев, в музыкальной.

В гуманитарном классе школы № 8, где в старших классах училась Мария (до того – в школе № 24), творчество поощряли. Учитель физики, например, предлагал классу раскрыть тему контрольной в стихах, и Мария зарифмовывала «интерференцию».

Сидела за одной партой с Ильей Щекиным, и он обратил внимание на то, что соседка записывает в блокнот стихи. В конечном итоге принес записку от мамы с приглашением прийти – принести стихи. Так Мария оказалась в литературной студии «Лист» у Галины Щекиной. Общение, включение в литературный процесс (сначала участие, а потом и организация «Плюсовой поэзии», «М-8») – всё было важно. Галина оценила и поэтические, и организаторские способности Марии. В заключение Рекомендации в СРП она подчеркнула, что «общественная активность Суворовой – это настоящая находка для любого литературного сообщества, будь то литературная студия “Лист” или оргкомитет фестиваля “Плюсовая поэзия”. Такие люди нужны и в Союзе писателей» [из архива автора].

Чтобы писать, Марии много не нужно: тишина и спокойствие для сосредоточения – ухода в себя. По окончании школы учителя рекомендовали филфак, но Мария выбрала отделение культурологии. В Вологодском государственном университете тогда готовился 1-й выпуск. Посмотрев Программы культурологии и оценив их широту, Мария не сомневалась: это – ее. Марию интересовали разные народы мира, их уникальные традиции, обычаи: «Сравнивать их, прочитав массу монографий, посмотрев массу фильмов, увидев в реальности благодаря поездкам – в студенческие годы это было большим счастьем для меня. Помогло увидеть мир шире и глубже и нашло отражение в моих стихах» [5].

Марию влекла наука, преподавание, и она поступила в аспирантуру, работала на родной для нее кафедре, писала диссертацию по специальности «этнология, этнография и антропология» под руководством Александра Васильевича Камкина. Широкий культурологический размах, вдумчивый компаративный подход, владение техниками сравнительного метода, анализа хорошо ощутимы и в ее творчестве, и в журналистике.

Переход от научной деятельности к журналистике не был простым. Марии во всем хотелось большей основательности, глубины: аспирантура, работа в государственном и коммерческом вузах задали высокую планку. Сейчас Мария – привлекающий к себе внимание профессионал. Любимые многими программы – «Во весь логос» (с осени 2017 сделано 6 выпусков), «К слову» (с 2020). Из динамичных передач Марии Суворовой узнаешь о литературной жизни Вологды и мира.

У Марии – «свои», взыскательные читатели. Цитирую отзывы с ее странички на «Cultinfo» (Культура в Вологодской области) [9]. Речь идет о книге «Город об одном дне».

Ната Сучкова, член Союза российских писателей: «Название сборника – “Город об одном дне” – не просто красиво, но и полисеманлично. Тема жизни города, его запахов и звуков, бодрствования и сна, бытие человека в городе и отношения между людьми – сфера интересов поэтессы, которую она, как культуролог и этнограф, успешно развивает и в своей научной работе. Изображенный в стихах город – скорее полис, чем мегаполис. Вся простая и одновременно сложная архитектура человеческих страстей интересуют автора не меньше, чем динамика и статика пространства, в котором проходит жизнь» [9].

Денис Романенко, основатель поэтического клуба «Новый Диоген»: «Книга Марии Суворовой – актуальная поэзия. Меня эти стихи очень тронули: в душе возник тот резонанс, который происходит только благодаря хорошим стихам. На мой взгляд, это дневник жителя города или самого города, состоящий из миниатюр. Здесь город представлен как живое существо: его душа, его одежда, его настроение, его реки и травы. У меня есть простое правило оценки стихов: если я их читаю и после этого мне хочется писать, значит, я прочитал что-то очень хорошее, стоящее. И после прочтения Машинной книги я сразу взялся за перо. Эти стихи – стихи вполголоса, исповедальные стихи, в которых много искренности, поэтому их и надо читать вполголоса» [9].

Екатерина Перченкова, поэт, журналист, редактор: «Пространство в стихах Марии Суворовой не только зафиксировано – оно пересоздано поэтической речью, связь его со временем утверждена и высказана <...> О поэте всегда спрашивают – “что он хотел сказать?”, – между тем есть вопрос более сложный: что он искал, когда говорил? Мария Суворова – поэт, который пытается найти способ сохранить тот момент, который дается в ощущениях на считанные секунды, о котором потом не ответишь – видел? – слышал? – чувствовал прикосновение? – что это было? Был город, и река была, и камень, и дерево, и занавеска в окне, и трава. Они соберутся в этот ускользящий момент, если сказать их заново» [9].

Мария – художественный директор и дизайнер проекта антологии новейшей вологодской литературы «Том писателей»

Мне стихи Марии Суворовой подчас напоминают поэзию Арсения Тарковского, видения Андрея Тарковского.

*Где я была в раю, там больше ничего
Не сохранилось, не осталось на земле
<...>
Где был тот рай, не вспомнить ни за что –
Приснился, возмнил, примечтался,
Но каждый вербный день, и старый светлячок,
И облако лиловое – остались.
И больше ничего – засушенных цветов,
Оторванных страниц, опавших листьев,
Не сохранилось отболевших снов,
Чтобы на ощупь с ними мне проститься.
Где я была в раю, там рая нет,
Не сохранилось, но земля осталась,
И небо оторвалось от неё, и оттого
То облако на вербный пух распалось.*

Когда договаривались об интервью, Мария, казалось, недоумевала: «Увы, ни ярких побед, ни насыщенной литературной биографии у меня нет» [из переписки]. Нет, она не отказывала – просто сомневалась, что, собственно, я смогу написать. И не то чтобы сомневалась во мне – она точно уловила, к чему я стремлюсь в готовящихся для «Вестника» писательских блоках (читала о Натэ Сучковой, Наталье Мелёхиной, Андрее Таюшеве): «Я считаю, что Вам удалось в материалах показать особенности и Наты, и Натальи, и Андрея. Статьи не подогнаны под одну линейку, а очень разные. Такие же, собственно, как и выбранные персонажи. Это, на мой взгляд, очень ценно. <...> Я им верю. Я в них больше вижу тех, о ком Вы пишете, нежели автора. Не в обиду автору – но для меня это и важнее. При этом позиция стороннего наблюдателя, интервьюера – отчетливо присутствует» [из переписки].

В написанном о Марии неудачного мало, хотя и проникновения, думаю, впереди. Мария направляет осознание поэтической речи на тонкие уровни бытия, и воспринимать их легче непосредственно.

...
*И август растревожит всю меня
До самого конца, до перевоплощенья,
До первых детских снов и до рожденья,
Когда заплакала, боясь самой себя.*
...

Авторы демонстрируют широкий спектр исследовательских интересов, стратегий, подходов, жанров: от скрупулезного исследования «Топонимия современной сетевой вологодской поэзии» Ирины Тарасовой из Череповца (2017) до вдохновенного литературного обзора «Здесь хочет быть музыка» уже упомянутой Екатерины Перченковой [4].

Жанр выпускной квалификационной работы определил беспристрастность исследовательского подхода И. Тарасовой: «Объектом настоящего исследования является топонимия современной сетевой вологодской поэзии (на материале текстов Натэ Сучковой, Леты Югай, Марии Суворовой). Цель работы – системный лингвосемиотический анализ топонимии современной сетевой поэзии...» [из архива автора]. Для заинтересованных я бы особо выделила 2 главу: «Имя собственное в структуре регионального поэтического пространства (на материале текстов Натэ Сучковой, Леты Югай, Марии Суворовой)». (Из напечатанного – см. [2].)

Экспрессивный ритм Марии подвиг Е. Перченкову на соответствующее высказывание в «Литературе»: «... всё в России, что не Москва, – немного Бронкс. Всякий, кто хочет просто поговорить, – немного диджей с Ямайки. Это вот к чему: сочетание стихов с музыкой вошло в моду уже несколько лет как. Стихи Марии Суворовой может сопровождать drum'n'bass – он будет чудовищно контрастировать с содержанием, но при этом великолепно совпадать с формой. То есть эффект получится сильный.

Зато из стихотворения, не ограниченного прилицием и частными рамками культуры (а пускай – Бронкс, и пускай – рэп!) может вырасти такое, что глаз не отвести» [4].

Желающим увидеть Марию Суворову в контексте «новой вологодской поэзии» рекомендую статью Андрея Пермякова «Другие взрослые. О книге Наталии Боевой и новой вологодской поэзии» [3]. Не находя чего-либо общего в поэтиках вологжан, Андрей отмечал характерную черту поэтов-вологжанок – реализованность в профессиональной сфере: Наталия Боева «исполняет обязанности директора вологодского музея кружев», Мария Суворова – «вполне успешный журналист», Лета Югай – «уже весьма известный этнограф» [3]. Оговаривая, что «инфантилизм давно легитимизирован в качестве стратегии», Пермяков подчеркивал взрослость/зрелость перечисленных индивидуальностей и сформированных ими поэтик [3].

Мария – ведущая литературных передач
«Во весь Логос» и «К слову»

Обратимся к первой книге.

*Обобщение мира –
В пару слов вложить
Суть,
Обнажить мысль.*

*Нет необходимости рушить
Здание воспоминаний –
Схематически проста нервная
Душа.*

*Обобщить самого себя
До крайности
восприятия*

«я».

*Нет необходимости слушать
Умного древнегреческого*

мужа,

Если не сумел взрастить собственные уши.

Ощущение, что в поэзию пришел свободный философ: философ не по образованию – по природе своей. Здесь много афоризмов:

...
Ждали

с детства

чуда.

Не знали, что детство – чудо.

Много незабываемых образов, например, «памяти швы»:

*Памяти швы – несжигаемые боли дневники.
Памяти швы – отбери у меня прошлое, а они
Остаются и не рвутся.
Памяти швы – потерянные мечты.*

и

*Если сегодня нет беды, то завтра неосторожные
Слова
Поранят
Памяти швы*

и

*Снова вернутся дни,
Полные
Не жизни, а мольбы,
Голосов, зовущих в темноту, чтобы укрыть*

но

...

Много формул-самохарактеристик:

*Ожиданием жить или борьбой наполнять
существование –
Пути разные, но мне так близкие...*

Пишет поэт-аналитик:

...

*я бы рада была объяснению механизма
словоплетения и слова творения ...*

Главными критериями оценки премии «Русский Гулливер» были «музыкальность» в широком смысле, наличие ярко выраженной индивидуальной поэтики автора. Награда поощряла смелость эксперимента, радикальность работы со словарем и словом. Поэтому, на приз могла бы претендовать уже первая книга. Мария Суворова с самого начала порождала пульсирующее, трепетное:

...

*я слышу часто как бьется внутри новое живое
то ли он*

то ли она

но не оно

*и уже не я и силы отданы за легкое
прикосновение
карандашом к листам еще не воспрявшим ото сна
румянцем на щеках рождается благоговейное
хрупкое*

слово

колыбельное

Цитировать можно любое из произведений, ибо в них – характерное для Марии отчетливое проговаривание тонко воспринимаемого вдумчиво переживаемого:

*зadolго до встречи к встрече подготовлена
временем приучена к ожиданию длительному
внутри себя вырастила огромное и целительное
живое сильное замершее знаком вопросительным*

*обычные будни расцвечены яркими красками
лишь от невидимого пыльного между запястьями
рядом идущих не взявших друг друга за руки
еще не столь смелых в движениях ласковых*

*еще не объятых объятьями мрака вечернего
не слитых в единый глубокий и долгий вдох
обычные будни расцвечены яркими красками
лишь от присутствия рядом от близости двух*

*чуткая к легкому тихому и осторожному
хмурилась встречному ветру улыбку храня
но по началу без меры тревожная темная
полям широким неволью раскрылась она*

*долго ли коротко это ненужное знание
мало ли много ли каждой минуте свое
лодка печальна когда одиноко качается
и на нее обреченно глядят с берегов*

*двери распахнуты в доме и окна не сомкнуты
лишних скорей за порог им не место здесь
тикают ровно и робко часы на запястьях
рядом идущих вдвоем но несмело врозь*

Я согласна с Натальей Мелёхиной, что при всей нежности, лиричности Марии, ее стихотворения – «словно воплощенная философия: что ни стих – то рефлексия, что ни строчка – то самопознание» [1]. И с удивлением читала «Суворовские “Маленькие Марии”» на Прозе.ру Галины Щекиной. Задумалась над ее броской формулой: «Литгероиня Суворовой – сумрачная водяная нимфа, Офелия вологодской литературы» [11]. Важность стихии воды для Марии очевидна даже при поверхностном чтении, а вот ощущение «сумрачности водяной нимфы» разделить трудно. Меня, скорее, поразила открытость, смелость говорения о любви с сохранением узнаваемых интонаций:

*Пригоревшая первая буква имени
С языка срывается там, где не нужно,
Трава любимая у тебя – подорожник,
Лист у нее упругий и влажный,
А голос с нежной поблажкой: «Машка...»
Кажется, ты произносишь слова,
Едва отрываясь губами от чаши,
В субботнее утро едва открывая
Глаза, срывая тонкие пестики
Кашки, бросая кубики сахара,
Забывая, что солоно, а что – сладко.
Ты со мной, как с ребенком полутора лет,
Говоришь: «Что за девочка у нас тут?
Что за диковинное растение
Корни пустило в моей постели?
Что за отчаянный у нее вид,
Лихо взъерошенный иконописный лик?»
...*

С Марией мы беседовали один раз. Мне показалось, она столь эмоциональна, что некогда чувства (для посторонних) были закрыты ею раз и навсегда. В начале разговора она, например, подарила улыбку вместо ответа на вопрос, почему начала писать в юно-

сти. Много позже сказала о смерти бабушки и возникшей потребности писать, но так пронзительно, что я предпочла увести разговор в другое русло: так это живо и больно – несмотря на все писания и прошедшие годы.

В поэзии Марии привлекают высокого уровня вибрации, и здесь хотелось бы процитировать из нового:

*Краем уха будешь улавливать тишину.
Наверно, еще долго.
Краем глаза выхватывать – пустоту.
<...>
Но чем тоньше – тело,
Тише – голос,
Медленнее – речь,
И суше – взгляд,
Тем быстрее хочется бежать
Назад.*

*Чтобы краем уха не слышать невыносимую тишину.
Чтобы краем глаза не видеть вместо тебя – пустоту.*

Меня восхищают Мариины техники словоплетения, плетения мотивов в сюжет. Она настолько умела в этом премудром ткачестве, что многое – после необходимого аналитического разбора Р. Красильникова – хочется обсудить в непосредственном диалоге с ней.

Литература

1. Мелёхина, Н. Игра в имена / Наталья Мелёхина. – Текст : электронный // Премьер. – 2015. – № 33 (930). – 25 августа. – URL: <https://premier.region35.ru/gazeta/np930/s9.html> (дата обращения: 29.09.2020).
2. Минец, Д. В. Топонимия современной сетевой вологодской поэзии / Д. В. Минец, И. В. Тарасова // Лучшая научная статья – 2017 : сборник статей X Международного научно-практического конкурса / под общей редакцией Г. Ю. Гуляева. – Пенза : Наука и Просвещение, 2017. – С. 152–157.
3. Пермяков, А. Другие взрослые. О книге Наталии Боевой и новой вологодской поэзии / Андрей Пермяков. – Текст : электронный // Литература. – 2016. – 19 апреля (№ 74). – URL: <http://literatura.org/criticism/1716-andrey-permyakov-drugie-vzroslye.html> (дата обращения: 29.09.2020).
4. Перченкова, Е. Здесь хочет быть музыка. О новых поэтических книгах издательства «Русский Гулли-

вер» / Екатерина Перченкова. – Текст : электронный // Литература. – 2015. – 12 августа 2015 (№ 58). – URL: <http://litteratura.org/criticism/1322-ekaterina-perchenkova-zdes-hochet-byt-muzyka.html> (дата обращения: 29.09.2020).

5. Сорокина, И. Мария Суворова: «Я не засыпаю с мыслью, что я поэт» / Мария Суворова, Ирина Сорокина. – Текст : электронный // Сфера. Весна 2015. – URL: <http://cultinfo.ru/sphere/index.php?id=176> (дата обращения: 29.09.2020).

6. Суворова, М. Город об одном дне / Мария Суворова. – Вологда, 2012. – 54 с.

7. Суворова, М. Маленькие Мари. Книга поименованных вещей / Мария Суворова. – Москва : Русский Гулливер ; Центр современной литературы, 2015. – 64 с.

8. Суворова, М. Потерянная книга : стихотворения / Мария Суворова. – Киев : Prostobook, 2012. – 64 с.

9. Суворова Мария Евгеньевна. – URL: <http://cultinfo.ru/literature/vologda-branch-of-the-union-of-russian-writers/suorova-maria-evgenievna.php> (дата обращения: 29.09.2020). – Текст : электронный.

10. Сучкова, Н. Адамов труд / Н. Сучкова // Суворова, Мария. Маленькие Мари. Книга поименованных вещей. – Москва : Русский Гулливер ; Центр современной литературы, 2015. – С. 6–8.

11. Шекина, Г. Суворовские «Маленькие Мари» / Галина Шекина. – URL: <https://www.proza.ru/2019/11/23/1940> (дата обращения: 29.09.2020). – Текст : электронный.

L. V. Yegorova

ON MARIYA SUVOROVA

Review of collections of poems by Mariya Suvorova, publications and archival materials about her and her works.

Mariya Suvorova, Vologda, contemporary poetry.

Р.Л. Красильников
Москва

«URBI ET ORBI» МАРИИ СУВОРОВОЙ

Статья посвящена аналитическому разбору поэтической книги Марии Суворовой «Город об одном дне», в том числе ключевым мотивам сборника и его формальным особенностям.

Современная поэзия, Мария Суворова, Вологда, «Город об одном дне».

Уже название книги Марии Суворовой заставило меня задуматься. «Город об одном дне»... Что это значит? Заговорит город? Будет гиперболическое олицетворение, что-то научно-фантастическое, подобно «Солярису» С. Лема?

Однако чтение первых же стихотворений благополучно вернуло меня в русло лирики. В названии, скорее, нужно видеть метонимический перенос: город есть люди, которые в нем живут, в частности лирическая героиня многих текстов, рассказывающая о днях и годах своей жизни.

Название не отпускало. Почему «об одном дне»? Какой это день – «некий» или «единственный»? Знакомство с книгой постепенно разворачивает смыслы, заложенные в названии. Вначале понимаю, что в заглавии есть еще и синекдоха: дней оказывается много, да и городов (Ханты-Мансийск, малые и большие, прошлые и настоящие). Затем возникает стихотворение, где упоминается Спас-Всеград, связанный с легендой о спасении Вологды от эпидемии, с постройкой церкви за один день. И становится понятно, что есть еще одна смысловая линия: в этом городе хочется найти отголоски того священного и счастливого дня.

Историческая тема занимает важнейшее место в книге Суворовой. Заметно, как ее лирическая героиня напряженно всматривается в предметы настоящего, чтобы найти там прошлое. Она не только исследует в современной повседневности отголоски истории города, но и размышляет о своих родственных корнях и связях.

Тема семьи становится еще одним ключевым мотивом лирики автора. Это сложные отношения, прописанные, по всей видимости, искренно и исповедально. В духе феноменологической литературы Суворова слой за слоем изучает свои воспоминания, в которых присутствуют различные чувства – от радости до сожаления. Она переживает по поводу ушедшего детского счастья, давней или недавней дружбы, неурядиц в семье, недосказанных своим близким слов точно так же, как по поводу утраченной религиозности Спас-Всеграда.

Эти темы – детства, дружбы, семьи – сегодня не кажутся устаревшими. Наоборот, современная лирика что-то утратила, не так часто обращаясь к данным

вопросам. История, городская и личная, оказываются опорой для героини Суворовой. Я вижу в ее книге поэзию модальности – прошлого и возможного (об этом говорит и часто используемое сослагательное наклонение с частицей «бы»).

В то же время в стихотворениях автора нет ненависти к современному городу. В нем также обнаруживаются точки опоры, вполне предметные, как правило связанные с природными объектами – рекой, водой, травами, камнями. И подобной масштабной лирической любви к Вологде я не встречал уже давно, возможно со времен поэзии Николая Рубцова.

Читая книгу Суворовой, я поймал себя на мысли, что в ней чего-то не хватает для молодой поэтессы. По-моему, нет эротической темы, нет экспрессивного крика, свойственного начинающим авторам. Это зрелая поэзия, которая выходит за рамки личного и склонна более к философичности и рефлексивности, к тютчевской традиции. Мне близок суворовский спокойный разговор с небольшими, но наполненными повышением голоса. Мне интересна концептуальность и образность стихотворений, меня привлекает гармоничность стиля многих текстов, авторское чувство слова. Иногда у меня складывалось впечатление просмотра киноленты – документальной, фиксирующей картины городской повседневности, экскурсов в прошлое, человеческих эмоций.

Человечность, безусловно, главное, что затронуло меня в этой книге. И в этом Суворова близка, на мой взгляд, к той тенденции, которая возникла в вологодской литературе в связи с именами Наты Сучковой, Леты Югай и других поэтов. Вместе с тем проблематика ее творчества самобытна и неповторима. Это касается прежде всего сочетания тем.

Со стилистической, формальной и структурной точки зрения, многие стихотворения тоже превосходны. Для себя отметил такие тексты, как «Что помню я? На подступах весны...», «Цветущий город превратится в сад...», «Искать на реке причины полета зеленых жуков...». Сильное и оригинальное оружие Суворовой – длинные размеры, идеально подходящие под ее повествовательную манеру.

Однако мне показалось, что книга выглядит неоднородной именно со стилистической точки зрения. Ей явно не помешала бы внутренняя структурирован-

ность, деление на более мелкие циклы, объединенные тематически и эстетически. Поиски своего стиля привели Суворову к резкому контрасту между классической и неклассической художественными парадигмами, которые в массиве текстов не дифференцированы, чередуясь друг с другом в свободном порядке.

Сразу скажу, что я не скрываю своих восторгов по поводу «классических» стихотворений, обладающих изысканными рифмами и ясностью образов, как мне кажется, разрабатывающих акмеистическую традицию. И мне показались не слишком удачными «неклассические» тексты с рваным ритмом, с отсутствием рифм (или редкими, как будто случайными рифмами), иногда больших букв и знаков препинания, со сложной, зачастую замутненной образностью, – они, на мой взгляд, имеют символистские и авангардные тенденции. Я понимаю, что произведения второго типа есть процесс художественных исканий и экспериментов, что они призваны приблизить читателя к

повседневной речи (отсюда использование «непоэтической лексики» – «R'n'B», «ОРВИ», «скомякай»), но, возможно, стоило разграничить две указанные традиции, выделив в книге две части.

Таким образом, мне понятна в целом концепция книги, но я не разгадал ее структурный замысел. Я вижу и ценю интеллектуальность автора, но не всегда рад использованию большого количества художественных приемов. Поэзия Суворовой зрелая, но неровная. Я согласен, что писатель имеет право на творческие эксперименты, но не хочу, чтобы экспериментировали со мной. Мне понравилась классическая сторона суворовского творчества, мне кажется, что это и есть «urbi et orbi» Марии, и я хочу наслаждаться только этим направлением в ее поэзии. Кто-то, наоборот, оценит ее неклассический талант. И хочется, чтобы автор ясно осознавал грани своей творческой личности и демонстрировал их тоже ясно.

Roman Krasilnikov

«URBI ET ORBI» OF MARIYA SUVOROVA

The article analyzes the poetical book by Mariya Suvorova “The City about One Day”, the key motives for the poetry collection and its formal features.

Contemporary poetry, Mariya Suvorova, Vologda, “The City about One Day”

М.Е. Суворова

Вологда

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

МАРИЯ СУВОРОВА: ЖИЗНЬ МЕЖДУ СТРОК

В беседе Марии Суворовой с редактором «Вестника ВоГУ» Л. Егоровой речь идет о жизненной и творческой биографии поэта, книгах, стихах, воспоминаниях.

Мария Суворова, Вологда, поэзия.

Л. Е. Давайте начнем с вопроса о социальных сетях. Они облегчают возможность обнародования текстов, встраивают написанное в коммуникативный контекст, дают возможность мгновенного отклика. Вроде бы нет необходимости печатания книг: у поэтических сборников нет и, боюсь, не предвидится таких тиражей, какой есть у стихотворения в «раскрученном» поэтическом пространстве Интернета. Так ли это?

М. С. Так сложилось случайно, что часть текстов я выкладываю ВКонтакте. И, кстати, «под замком», то есть только для друзей. Это, скорее, потребность личная – выложить, как избавиться. Пока лежит «в столе», на компьютере, айфоне, айпаде или в буллетжурнале – да где угодно, напрягает. И эта потребность появилась в последние годы. Я сейчас практически не участвую в ЛИТО, семинарах и не хожу на другие мероприятия, где стихи обсуждают. А значит, способов открепить от самой себя написанное остается не так много. Вот и все, никаких особых смыслов. Просто выложить текст и жить дальше, думать дальше, писать, если получится.

Так ли это, что нет необходимости в классических публикациях? Не думаю, что нет необходимости. Но так вышло, что я автор малоизвестный и, судя по всему, не очень интересный журналам – как толстым, так и тонким (грустно улыбается). Что я могла сделать, чтобы быть интересной, и могу ли что-то для этого сделать в будущем? Понятия не имею и даже не пытаюсь понять. Пространство литературное, как любое другое, строится на многих условностях. Вкусах. Разности поколений. Отличиях стилистических. Характерах склочных, стержневых. Или поэтах безусловных. Настоящих, честных. И так как я не люблю условности – даже чашка на столе у меня будет стоять на безусловно отведенном для нее месте – то и сама предпочитаю оставаться на отведенном мне месте. И пока на этом месте нет официальных публикаций. Но есть люди, которым близко то, что я пишу. И это ценно.

Обсуждения? Раньше их было много. наших вологодских. Потом я ушла от этого. Исключительно обстоятельства. Ну, может, еще немного наскучило – ведь интересно слушать разные мнения, а когда из раза в раз одни и те же люди, то уже знаешь, что они скажут. Вот это чувство меня постепенно и увело от

обсуждений на литобъединениях. Но та школа, которую я прошла под крылом у Галины Щекиной, – мое все. Мне было 15, когда я к ней пришла. И, наверно, 22–23, когда оторвалась... И вот именно тогда я отчетливо (как саму себя услышала со стороны) поняла, как и что я хочу писать. Услышать саму себя оказалось сложнее всего. Закрыть уши. Глаза. И как будто ты в вакууме. И точно чувствуешь, четко осознаешь: где ты и какие из этого получаются слова.

Сегодня понимаю, что со стороны я – скорее книга закрытая, чем доступная каждому. Но у меня есть уверенность – так надо.

Л. Е. ЛИТО способствовало раскрытию творческой индивидуальности? Я правильно понимаю, что важный момент – когда ты читаешь новое, и это тактично и бережно, доброжелательно обсуждают, так что хочется продолжать творить?

М. С. Ну, конечно. Это была моя жизнь. А жизнь способствует... Что касается критики, то не особо беспокоюсь по этому поводу. В целом. Иногда бывает обидно, особенно если за критикой усматривается стремление уколоть, специально сделать больно, но это случаи редкие, особенные. Избавиться от такого давления всегда помогал внутренний анализ: мысленно выкладывала на «весь» все придирки, претензии, доводы «за» и «против». Качели опускались в одну из сторон, и все – как рукой снимало. В опыте вологодских ЛИТО помню больше плодотворной работы. Да и надо понимать, что люди разные: одни говорят все «как есть» (по их мнению), другие стараются «найти подход» (как им кажется). Склоняюсь к первому варианту. Люблю прямоту. Дипломатические виляния хвостом не считаю образцом порядочности. Такой подход не вызывает доверия. Ни в жизни, ни в литературе.

Л. Е. Расскажите о тех временах.

М. С. Я ходила к Галине Александровне на «Лист» вместе с Аксаной Халвицкой, Надей Гомзиковой, Лизой Чегодаевой, Ксенией Аксеновой, Региной Соболевой, Ваней Раменским, Наташей Камановой и еще несколькими ребятами. Мария Маркова, Антон Черный, Ната Сучкова были тогда уже за его пределами – в том смысле, что самостоятельными. Они старше. Они прошли «школу Щекиной» раньше. Они уже покоряли литературную столицу, собирали все премии, какие только можно, а мы «учились».

Л. Е. А где Лета и Наталия Боева?

Н. С. Лета Югай – талантливая, интеллигентная, образованная, чуткая. Наталия Боева – яркая, глаз не оторвать, завораживающая. Они – прекрасны. Всегда немного завидовала по-человечески: ведь «нельзя быть на свете красивой такой». Да и поэтически тоже. Лета, например, на ЛИТО не ходила, но мне кажется, я с ней знакома всю жизнь. И свой мир поэтический она создала практически сразу, начиная с первых книг – вологодских, не «Воймеги». Как не завидовать, когда ты сам как на американских горках – и по жизни, и в стихах. Но я сейчас с большим уважением говорю, потому что понимаю, какой труд стоит за каждым написанным словом. Ничто не дается «так просто». Возможно, в творческой судьбе Леты эти «горки» еще более крутые... Но мы об этом не знаем. Как не знаю, откуда берется звукопись Наталии Боевой. По ощущениям помню ее стихи. По необычайно «вкусным» сочетаниям.

Л. Е. А поэзия Наты?

Н. С. У Наты – своя страна (пока, Людмила, мы с Вами общаемся, вышла «Страна» Сучковой, знаково, да?). Она ее сама создала. Неподражаемую. Мне не дотянуться. Но я могу работать иначе. И работаю.

Л. Е. У меня нет сомнений в Вашей творческой индивидуальности и оригинальности подхода. Мне понравилась уже Ваша первая книга. Вы прочли мое вступление к этому блоку. Мое видение Вам созвучно?

М. С. Прочитав то, что Вы написали про первую книгу, – вздрогнула. Вспомнила. Уже прошло много времени, и те строки совсем забылись. А когда стала читать в Вашем эскизе, вспомнила. И ощутила дистанцию. Между тем, что было тогда, и тем, что сейчас.

Л. Е. Сформулируйте.

М. С. Сложно писать про эту книгу. Уже подзабыла, что там. И считаю ее наименее удачной из трех. Когда была «Потерянная книга», мне все говорили: «Будь проще». Попробовала – все сказали: «О, как похоже на...». Сделала все, чтобы вернуться к собственному чувству слова. Решила не слушать никого. И постепенно родились «Марии». Потом с ними начала внутреннюю борьбу. Хотела двигаться дальше. И никак до сих пор не пойму, удалось или нет. Возможно, в этом движении точку должна поставить новая книга.

Л. Е. Мне кажется, это бесконечный процесс. И чувство слова у Вас было индивидуальным с самого начала. Во вступлении к третьей книге Ната прибегла – сначала мне показалось – к спорному слову, но потом я подумала о том, что она не права: «Марии Суворовой нравится запутывать, кружить вокруг да около, уводить в дебри» [3, с. 6]. Дебри как нечто малоисследованное, труднодоступное.

Давайте обратимся к одному из стихотворений. Мне представляется, характерному для Вас – негнотропливому, медитативному, культурнонасыщенному. От него – название Вашей второй книги: «Город об одном дне».

*В Ханты-Мансийске – городе на пяти холмах,
В городе, о котором никто не мечтает,*

*О котором у нас вовсе не говорят,
Проводишь серые дни и ночи, не так и мало,
Всё то, что осталось, всё то, что можно
Называть своими именами – отец да мама,
Называть своими словами после меня:
«Рассвет», «смотреть», «огонь» и «слава»,
Об остальном говорить осторожно,
Не договаривая главного и возможного,
Лишь бы не казалось затишье безвременьем,
Лишь бы не казалось время замедленным.*

*В Спасе-Всеграде – городе об одном дне,
Помню, гуляли по самой холодной воде,
По забелённым до блеска пологим речным берегам,
В поисках камушка с дырочкой – там, где росла трава,
Там, где стоял дом, и над домом текла река,
Там, где склонялись ветви, но ветви склонялись зря,
Там, где вели ступеньки в дом на второй этаж,
Нет больше первого вестника, дыма зимы,
Тоненькой струйкой взлетающего из трубы.
Нет больше Спаса-Всеграда – города об одном дне.
Дом мой дрожит под града жестоким боем.
Всё, что осталось мне – на дне – камушек из реки.*

Ханты-Мансийск не случаен? (Я понимаю важность контраста: «город на пяти холмах» и «город об одном дне».)

Спас-Всеград традиционно ассоциируется с уничтоженным в Вологде в 1972 году Спасо-Всеградским или Всеградским обыденным собором во имя Спаса Всемилоостивого. Правильно ли я буквально прочитываю строку «В Спасе-Всеграде – городе об одном дне» как: 1) о временном промежутке – от «день», 2) о дне как пределу погружения, глубины – от «дно». И, думая о последней строке, мы имеем в виду и «дно души»?

Для Вас звучали коннотации, связанные с историей? –

1) Собор был построен на месте построенной за один день – 18 (28) октября 1654 года – деревянной церкви Спаса Всемилоостивого, которую называли «Всеградской».

2) Спустя 4 года после постройки церкви также за один день была написана икона Всемилоостивого Спаса, ставшая главной святыней храма и города.

Прокомментируйте, что считаете нужным.

М. С. Строку про «Спас-Всеград» Вы трактуете абсолютно верно. Во всех смыслах. В принципе, основная линия здесь – вологодская, та самая история об обыденном храме. Но все остальные варианты прочтения допустимы. Вообще люблю, когда рождаются именно варианты. Когда читатель «читает». Собственно, какая разница, что конкретно стоит за тем или иным текстом, если читающий для себя найдет свои смыслы? Конечно, продумываю хотя бы два пласта содержания, а еще оставляю воздух, стараюсь оставлять. И этот воздух – неотъемлемая часть «поэтического». Как еще может работать стихотворение, если не за счет тайны – той, что не очевидна для всех, но исключительно подходит каждому отдельно взятому человеку?

Могу сказать еще, что очень любила эту историю про Вологду, про то, как жители построили часовню

«об одном дне», то есть за один день, чтобы спастись от моровой язвы, а потом на этом месте возвели уже каменный храм, и он долгие годы был главным в городе. Как будто сама там была! Очень ярко представляю картинку: площадь, людей, стройку... А звучит как! – «об одном дне». Эту историю раньше рассказывала на каждом выступлении, предваряя прочтение. Я была влюблена в Вологду. И так выражала любовь, вплетая город в свои истории, а мои истории рождались из того, что мне преподносил город, и так по кругу. И так до сих пор. Но сегодня город приносит боль.

В Ханты-Мансийске никогда не была. В Ханты-Мансийске после окончания университета оказалась дорогая мне подруга М. И она рассказывала о городе, о том, что он на пяти холмах, о том, как там все не так, как в Вологде. И как он далек. Расстояние, разность, разлука. Пожалуй, таков смысл. Но он не обаятелен.

Л. Е. Желателен. Спасибо.

М. С. Если продолжить рассуждать на тему – что лежит за тем или иным текстом. Думаю, сама не вспомню, что и за чем стоит. Личная судьба – все равно основа. А вот насколько она видна... Это зависит от многого. И в моем случае – скорее, недоговаривания больше, чем откровенности. Но недоговаривания по сюжетной линии. По части эмоций, проговаривания нюансов чувствования – с этим, думаю, у меня все в порядке.

Л. Е. Да, согласна. В плане проговаривания нюансов – очень тонко. В плане эмоций тоже сильно. Как в жизни: иногда предельно экспрессивно, иногда медитативно. Мне очень помнится Ваш буквально крик: «Кто бы мог знать, что Юлия, Юлия, Юлия!..». И даже когда эмоция сдерживается, ты ощущаешь эту бесконечную скорбь:

*Кто бы мог знать, что так вычеркнут и сотрут
Линию на руке, ямочку на щеке.
В парке старинный пруд,
И на стальном замке
Вот уже много лет имя ее горит.*

М. С. Это осень 2011-го. Возвращаемся с Волошинского фестиваля в Коктебеле. Там мы были четвером, привычной компанией: Ната Сучкова, Ольга Кузнецова, Елена Волкова. Не помню, куда делись Ольга и Елена, но мы с Натой ехали на верхних полках купе у туалета вдвоем, внизу какие-то мамочки с младенцами, не дававшими спать. Духота, жара... поезд – просто кошмар. Украинский тогда еще. Билеты еле купили. Но везли приятные воспоминания – о поэтах, стихах, музеях, природе. Я вообще впервые была в Крыму. Впервые поднималась на Волошинскую гору и на Карадаг. Эмоций – через край, ехала, предвкушая, как буду делиться и рассказывать о «коктебелочке», винограде, висящем над головой, холодном море, крепости в Феодосии... Это было через год после окончания университета. Я тогда работала на своей родной кафедре у Александра Васильевича Камкина. Он отпустил на неделю, несмотря на то, что начался учебный год, отпуска закончились. Всегда понимал, что для меня это важно. И вот приезжаем в Вологду рано утром, как это водится, с мос-

ковским поездом. Ложусь спать и только в обед начинаю приходить в себя после дороги. И захожу в ЖЖ. Попадается пост Антона Черного, в котором он пишет о своем друге Ване, о том, что тот погиб. Пролыставаю ленту дальше и вдруг чувствую, как по телу побежали мурашки... мгновение приближения ужаса, когда чужое становится близким.

Ребята погибли четвером: Юлия – одноклассница и однокурсница, Ваня, Ирина, Регина. Это о них на трассе Новая Ладога под Шексней долгое время стояли четыре венка. Светлая память.

Тот день был днем похорон.

Л. Е. Светлая память. Очень сильно. «Стоишь на краю, и движется вверх / белое поколение, натянутый нерв...»

И я очень люблю Ваше медитативное:

*Перейти реку по реке или мост по мосту?
Дорожка посыпана солью, соль – песком.
Пока выберешь – пройдет не один человек,
Собака остановится. В глаза посмотрит.
Выключится в доме на другом берегу свет.*

...

М. С. Почему медитация? Скажу, что для меня в этом тексте ситуация, когда ты останавливаешься внезапно, оглядываешься и начинаешь видеть то, чего до этого не замечал, потому что не обращал внимания, потому что торопился: «дорожка посыпана солью», «выключится свет на другом берегу» и даже «собака посмотрит в глаза». Обычные вещи, но значение они обретают, только если на них сфокусироваться. Какое значение? Это уже читателю на откуп «сложено и оставлено».

Л. Е. Это очень мое состояние на пути с работы домой. Утром скорее перебежишь через реку, а вот вечером можно созерцательно не торопясь идти по берегу Вологды.

А поэтическая медитация мне очень близка в ее английской традиции. Она связана с системой индивидуальной медитации, разработанной в «Духовных упражнениях» Игнатием Лойолой, главой Ордена иезуитов. Это в духе характерного для Контрреформации чувственного подхода к религии. Система была очень популярна среди духовенства и католиков-мирян в XVI–XVII веках. Отрабатывались психофизические навыки: в воображении детально воспроизводились евангельские сцены – вызывались необходимые эмоции. Мне это близко по сонетам Донна, над которыми я много размышляла. И вот люблю элементы медитации у Вас – не религиозной, но медитации – погружения, «обращения внимания» на все, очень четкого видения, чуткого вслушивания.

Интересно, что такого рода видение у Вас, похоже, с самого детства. Я сначала читала в интервью, что Ваши первые стихи – в 4 года – папа записал на аудиокассеты. Потом, читая «Маленькие Марии», обратила внимание на эту зафиксированную детскую фразу: «...занавески ходят по окну, / и телевизор бегают, и всё вокруг» [6, с. 20]. Но вот тут картинка не совсем для меня зрима. Тюль и/или шторы раздвигаются, а как запускается бег телевизора?

М. С. Верно, иногда вспоминаю эту историю. Действительно, в детстве папа записывал на аудио-

магнитофон все нелепости, которые мы с братом болтали совсем маленькими. Эти кассеты долгое время хранились. Когда я стала постарше, уже лет в 6–7, переслушивала по много раз и самой себе очень нравилась. Так и получилось, что строчки, вполне себе поэтично-верлибристические, запомнились. Если бы не зафиксировали, то, скорее всего, забыла бы об этом. Хотя, может, и нет. Помню саму ситуацию. Она такая, какой ее и описываю: прыгала по подоконнику, дергала тканевые бордовые с ромбами шторы и пыталась на них качаться (ох, ужас), представляя, как долечу до телевизора, стоявшего у стены на тумбе. Вот все и «бегает вокруг». Очень условно, но вполне осязаемо.

Л. Е. Раскачивая на шторах я почему-то не ожидала (улыбается). Действительно, очень заманчиво для 4-летней.

Если бы мне надо было Вас представить незнакомой аудитории, скажем, тремя стихотворениями, я бы выбрала 1) «Маленькие Мариин», 2) о Спасе-Всеграде, 3) стихотворение о Юлии (хотя драматический накал не позволяет, по-видимому, читать его вслух – только глазами).

Первое мне кажется просто «визитной карточкой»:

*по образу и подобию
из меня вырастают фобии,
из меня вырастают растения –
маленькие, весенние,
маленькие мариин
с крыльями и пуповиной,
маленькие мариин –
живые наполовину.*

А как оно пришло к Вам? Весной? Вы шли? Утром проснулись и расслышали это?

И три стихотворения, представляющие Вас, на Ваш выбор.

М. С. Заглавное для книги «Маленькие Мариин» стихотворение написала на паре в университете (да простят меня педагоги!). Какое время года было – не помню. Никакой радости от него не испытывала и не испытываю, оно меня страшит. Это как какой-то клубок, который я тогда из себя выплюнула – очень физиологично. Абсолютное внутреннее сопротивление, борьба с самой собой.

Три «моих» текста на сегодня: «Маленькие Мариин», цикл про Ганну и «Пригоревшая первая буква имени».

Л. Е. Да, о последнем я тоже думала. Мне очень нравится у Вас прикосновение к райскому. Ощущения любви и рая.

Про журналистику напоследок?

М. С. Про журналистику можно сделать отдельное интервью. Это такая же моя жизнь, как и поэзия! Хотя я и никогда не хотела работать журналистом, насколько помню, а когда пришла в эту профессию,

то полюбила не сразу. Не скажу, что мне не нравилось (к работе отношусь как к работе, в первую очередь), но притирка была длительной. С перерывом в несколько лет на аспирантуру, работу в коммерческом вузе и надежды, связанные с научной деятельностью соответственно. Томик диссертации – вполне дописанной, так и лежит, смотрит на меня с укором. Но не срослось, не сложилось. Не хватило мотивации и много чего еще. Но благодаря этому сейчас я журналист регионального телеканала «Русский Север». Как его называют – «телеканала с характером». И только в последние годы я саму себя ощущаю стала именно журналистом. И счастлива от этого.

В эссе Елены Пестеревой, посвященном в основном новой книге Наты, есть упоминание других вологодских авторов, и меня в том числе, как «культурного журналиста» [1]. Помню, Андрей Пермяков тоже в своей статье о вологодских именуется меня то ли «заметным», то ли «достаточно заметным» ну или как-то так журналистом¹. Поэты, приезжающие в Вологду, те, с кем я знакома, скорее всего, думают, что я корреспондент культурных тематик. Но это не так. Мы здесь все универсалы. Сегодня – культурные, завтра – не очень. А еще я очень не хотела делать литературную программу! Вы не представляете, как не хотела. Кстати, когда пришла работать на РС, то главный редактор говорила о том, что хочет видеть меня именно в этом направлении. Я ее надежды не оправдала вовсе, мне кажется. Не ухватила за эту возможность, не бросила все силы. Вот честное слово – не понимала, как делать литературный проект на ТВ. Слишком все герои мне близкие, как с ними разговаривать? Как брать интервью? Если с некоторыми я на кухне интервьюируюсь чуть не каждый день... Но потихоньку сделали. Было шесть выпусков. Я благодарна всем за отзывы, их было много! И я много думала, что изменить, чтобы стало лучше. И в 2020-м – Вам первой сообщаю – программа начнет выходить снова и будет называться «К слову». К слову, Людмила, надеюсь на Ваше участие. Цикл статей о вологодских авторах – благороднейшее дело. Считайте это официальным приглашением.

2 января 2020

Литература

1. Пермяков, А. Другие взрослые. О книге Наталлии Боевой и новой вологодской поэзии / Андрей Пермяков. – Текст : электронный // Литература. – 2016. – 19 апреля (№ 74). – URL: <http://literatura.org/criticism/1716-andrey-permyakov-dругие-vzroslye.html> (дата обращения: 29.09.2020).

2. Пестерева, Елена. – Текст : электронный // Легкая кавалерия. Выпуск № 9. – URL: <http://cavalry.voplit.ru/sep-tember2019> (дата обращения: 29.09.2020).

3. Сучкова, Н. Адамов труд / Н. Сучкова // Суворова, Мария. Маленькие Мариин. Книга поименованных вещей. – Москва : Русский Гулливер ; Центр современной литературы, 2015. – С. 6–8.

M.Ye. Suvorova, L.V. Yegorova

MARIYA SUVOROVA: LIFE BETWEEN LINES

Discussion of her biography, books, poems, memories with the poet Mariya Suvorova.

Mariya Suvorova, Vologda, poetry.

¹ У Андрея – «вполне успешный журналист» [2]. – Л. Е.

Андрей Пермяков

Петушки, Владимирская область

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

АНДРЕЙ ПЕРМЯКОВ: В ГЛУБИННЫХ СЛОЯХ ВСЕ МНОГО ОСМЫСЛЕННЕЕ

Обсуждение локальной географии, особенностей локального текста, творчества критика, поэта, прозаика Андрея Пермякова.

Локальный текст, Андрей Пермяков, Вологда.

Л. Е. После прочтения Вашей статьи к 5-летию юбилею «Тома писателей» («Вестник ВоГУ», № 2, 2020) я обратила внимание на сборник научных статей «Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре»¹ [3]. Хотелось бы обсудить с Вами идеи хотя бы трех статей из этого сборника. Мне представляется, Вы заинтересованы «гуманитарной географией». Имею в виду не только теоретический аспект, но и практический. Ваши путешествия автостопом и последующие книги соотносятся с «топофилией»?

А. П. Ой, конечно! И автостоп, и другие методы передвижения интересны, прежде всего, в плане топофилии: локальной географии и такой же локальной истории. И антропологии, конечно. Банальность же: мир меняется даже на очень небольших расстояниях. К примеру, маленький водораздел между Череповцом, где Шексна относится к бассейну Волги, и Вологдой, текущей в Сухону, определяет замечательную разницу: едешь из одного города в другой часа полтора, а погода там совсем разная.

Или вот про нашу Владимирскую область. Переезжаешь из одного района в другой, расстояние – километров сорок, может. А у людей уже совсем другой говор. Да и вообще все разное очень.

Но важный факт: как в жизни – знакомишься со многими людьми, а влюбляешься в немногих, так и с городами. Я впервые оказался в Вологде в 2009-м году. И получилось так, что единственным местным знакомцем был Павел Тимофеев, поэт. В телефоне у меня он был отмечен как «Паша». Вернее, это я так думал. Ибо записан был номер совсем другого Павла

– моего одноклассника из Кунгура Пермского края. И вот хожу по незнакомому совсем городу, хлопаю глазами – телефон не отвечает. Понимаю, что надо уезжать туда, где точно есть приятели. А нет: я уже очень-очень полюбил этот город! Потом нашлись, конечно, грибов нажарили. Все получилось хорошо.

Л. Е. Я помню Ваше стихотворение, Павлу посвященное. С другими, правда, обстоятельствами: *Поросенка готовили с правильным маринадом. / Осталось весьма хорошо апельсиновых корок. / И от самого поросенка остались надежные кости. / Ежик пришел к медвежонку в гости / – Ежику сорок два и медвежонку сорок. / Сидят, запивают домашнее домашним же лимонадом...*

Итак, то был первый приезд в Вологду. Потом еще пять-шесть? И много ли у Вас любимых городов?

А. П. В Вологде я бывал раз двадцать, это как минимум. Только в 2011-м приезжал восемь раз. И день рождения в том году отмечал тоже в Вологде. Любимых городов много, но настолько любимых, как Вологда, – очень мало. Причем два из них тоже расположены в Вологодской области: это Великий Устюг и Тотьма. А так, если составить условную десятку, то в нее точно войдут Саратов, Нижний Новгород, Гороховец, а вот дальше есть разные варианты.

Л. Е. В «Томе писателей» Ната Сучкова хотела дать именно повесть «Темная сторона света» [12]? Не поэзию? В 2013 году уже вышла книга стихов «Сплошная облачность». В 2014 Вы стали лауреатом Григорьевской премии.

«Темная сторона» обозначена как вторая часть «Бесконечной книги». Вышла ли первая?

А. П. Да, Ната попросила именно «Темную сторону». Она сказала, что текст «очень вологодский». Я предлагал другую книгу – «Десятая часть года» [9]. Она вышла в журнале «Волга» в начале 2010-го года. И, собственно, благодаря редакции этого журнала и состоялась. Я тогда работал на вредном производстве, у меня был длинный отпуск. И вот я тридцать семь дней подряд катался автостопом, периодически выкладывая в Живой Журнал фотокарточки и краткие зарисовки из поездки. Редакторы «Волги» – Анна Сафронова и Алексей Александров – предложили оформить все это в виде связного текста. То есть пер-

¹ Книга подготовлена по итогам VIII Международной научной конференции, проходившей в конце ноября 2018 года в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете. Конференция и книга – приношение научного сообщества к 70-летию Аркадия Хаимовича Гольденберга, доктора филологических наук, профессора этого университета. Именно он, уроженец Сталинграда/Волгограда, ввел понятие «царицынский текст». Его первая научная статья вошла в сборник «Литературное краеведение» (1975). Гольденберг делает очень многое для возвращения читателям незаслуженно забытых донских писателей. Кандидатская и докторская диссертации посвящены Н.В. Гоголю. Вместе с учениками он исследует фольклор в его живом бытовании, постфольклор в русской постмодернистской литературе.

вая часть «Бесконечной книги» была написана, по сути, в дороге. Но Ната выбрала другую книжку. «Десятая часть года» все-таки почти бессюжетная.

Андрей Пермяков. Плёс. 2014

Л. Е. Третьей частью «Бесконечной книги» стал «Сибирский тракт и другие крупные реки» [11]. Повесть вошла в шорт-лист Всероссийской премии им. П.П. Бажова в 2018. На обложке указан примерный портрет лирического героя книги: «Осторожный Тарантино + добрый Радищев + трезвый Ерофеев». Вы комментируете: «Я ее давно хотел написать. Сразу про дорогу Сибирский тракт и про Товарищество поэтов “Сибирский тракт”. Думал, стану ехать по дороге, говорить с поэтами, про них же затем рассказывать. Точно юный славист из университета Сорбонны» [11, с. 3]. Что дальше?

А. П. Следующая часть «Сибирского тракта» почти готова. Буду вот летом предлагать в журналы.

Л. Е. Отлично. Это «Бесконечная книга». И, как я понимаю, есть еще другое. «Тяжкие кони Ополья, или “Просёлки” через шестьдесят лет» вышли сначала в журнале «Волга» (№ 5, 2016), потом – книгой [13]. Повесть написана «по следам» Владимира Солоухина. В июне 1956 года он шел пешком, скакал на лошади, ехал на автомобиле, плыл на пароходе и – написал путевой дневник, ставший лирической повестью «Владимирские проселки». В авторском вступлении к книге Вы замечаете: «Я не то чтобы повторил его путь шаг в шаг, но гулял там же. У него получилась хорошая и надолго книга. У меня – тоже книга. А понравится или нет. Так увидим» (цит. по: [10]). Арсений Ли², обсуждая деятельность товарищества «Сибирский тракт» («...с какого-то момента стало не хватать материальных следов. Или средств долгой памяти»), говорил: «Нам кажется, такая вот проза, фиксирующая провинциальное “здесь и сейчас”, есть работа на отдаленное будущее. На восприятие потомков. Это важно» [1]. И для будущего, и для нас, конечно. Правильно ли я понимаю, что эту повесть Вы не соотносите с «Бесконечной книгой»?

А. П. Да, эта книжка не входит в «Бесконечную книгу». Это немножко другая тема, подразумевающая рассказ о регионах. У меня есть еще книга «Те, кто могли быть Москвой», она о совсем маленьких город-

ках (иногда – поселках) Тульской, Калужской, Орловской, Брянской областей. Это Таруса, Мещовск, Мосальск, Карачев, Новосиль, Белёв, Алексин, Воротыньск – всего примерно с десяток городов. Все они, по своей сути, обломки Черниговского княжества, разгромленного монголами в 1239-м году. По своему расположению на торговых путях, по климату, по разным еще параметрам любое из этих поселений могло быть стать столицей. Но не стало. Вот, написал об их нынешнем состоянии. Оно тоже очень разное.

Л. Е. Книга издана?

А. П. Книжка частично выходила в журнале «Знамя». Вернее, так: по одной главе в год и всего – две главы. А там суть именно в сопоставлении, в рассказе о том, насколько города разные. Теперь уже с момента написания прошло восемь лет, многое сильно изменилось. Хочу этим летом-осенью снова там покатаюсь и частично дописать-переписать книжку. Тогда постараюсь издать.

Л. Е. Итак, если обновлять Википедию, то у Вас есть «Бесконечная книга» – пока с тремя частями: «Десятая часть года», «Темная сторона света», «Сибирский тракт и другие крупные реки»; а также «Тяжкие кони Ополья, или “Просёлки” через шестьдесят лет» и «Те, кто могли быть Москвой».

А. П. Да, примерно так. Но «Бесконечная», конечно, продолжится, у нее суть такая, а «Те, кто могли быть Москвой» сильно изменится, как я уже говорил.

Л. Е. Поясните, пожалуйста, формулировки о Вас в Википедии: «Организатор различных литературных проектов в Перми и других городах России. Участник и один из основателей товарищества поэтов “Сибирский тракт”» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Пермяков,_Андрей).

А. П. С Википедией получилась довольно смешная история. В 2014-м году, сразу после новогодних каникул, заходит в наш рабочий кабинет тогдашний мой начальник. И обращаясь будто ни к кому, говорит: «Среди нас, оказывается, сидит человек из Википедии. И ведь не проставляется и не рассказывает. Как так?»

Я понял, что речь обо мне. Захожу на Википедию, и вижу довольно странную статью о себе. Вот совсем как будто не про меня. Пишу в раздел «Обсуждение»: мол, или поправьте, пожалуйста, или удалите. А мне создатель этой статьи отвечает: «Я вас, Андрей, лично не знаю, но вы везде мелькаете. Поправьте сами, пожалуйста». Ну, я поправил, как умел. Сейчас относительно похоже на правду.

Что касается организации разных мероприятий в Перми, то здесь история такая: я начал писать стихи очень поздно, почти в тридцать пять лет. Вернее, в школе и на первых курсах института сочинял что-то, но потом как-то среды не было или не знаю. Словом, лет пятнадцать не писал ничего. Вернее, статьи и диссертацию писал, а стихов не писал. А в 2005-м завелся доступный Интернет, а в Интернете обнаружился Живой Журнал. Его мне подсказала пермский поэт Оля Роленгоф. И через какое-то время вдруг выяснилось, что самые интересные онлайн-собеседники именно литераторы. Я и начал снова писать стихи.

Потом, весной 2007-го года, увидел объявление о региональном фестивале поэзии, в рамках которого

² Арсений Ли – поэт, дизайнер, один из основателей российского поэтического товарищества «Сибирский тракт».

был запланирован конкурс. Проводил этот фестиваль дуэт «А-Либитум» в составе Светланы Домрачевой и Рустама Паймурзина. Я поучаствовал, получил диплом. Победила тогда екатеринбурженка Маша Кротова. Ну, вот позже я совместно с «А-Либитумом» провел пару мероприятий, куда удалось пригласить интересных авторов. Я долго не писал стихов, но читать то современных поэтов не переставал. Потом, когда я уже жил в Подмосковье, Виталий Пуханов и премия «Дебют» дали денег, и в Перми состоялся уже всероссийский поэтический фестиваль.

А еще чуть позже в городе Перми началась культурная программа, возглавляемая Маратом Гельманом. Это уже были совсем другие средства, совсем другие амбиции... Затем, как мы знаем, это прекратилось. Но какие-то следы в Перми и Прикамье, конечно, остались.

Товарищество же «Сибирский тракт» было организовано в феврале 2008-го года. Создавали его Арсений Ли, Алла Поспелова, Алексей Евстратов и я. Нас тогда пригласил почитать стихов в Москве поэт и организатор Андрей Коровин. Дальше мы уже сами развивали культурную программу, ездили по разным городам, читали стихи, искали интересных поэтов. В Вологде тоже не раз бывали. Теперь в большей мере Товарищество работает в виде издательства «СТИХИ». А что будет дальше – загадывать не рискну.

Л. Е. Наталия Черных права? – «Провинция – такой же осознанный выбор среды литературного обитания Андрея Пермякова, как и толстые журналы, в которых множество его публикаций. Он тянется к провинции. Ему медом намазаны...» [17]. Мне кажется, Вы и со столицей хорошо взаимодействуете, столь разные истории прекрасно рассказываете. Они войдут в будущие книги?

А. П. Да, думаю, войдут. Я ж переехал из Подмосковья сугубо по причинам работы: как до того переехал из Перми в это самое Подмосковье. Думал, вот летом буду ходить от дома до работы пешком, а зимой там – пара остановок на маршрутке. По выходным стану гулять по Москве. В те недели, когда не катаюсь по стране, разумеется. Только вышло все не так: предприятие, до того работавшее шестьдесят лет, взяло и закрылось! Нет, я не виноват, но так совпало. Переехал на работу сюда, во Владимирскую область. Вообще – доволен, работа хорошая.

До известной реформы пенсий, думал в 55 вернуться в Москву, купить квартиру и гулять по городу, подсматривая и сочиняя разные истории. У меня ж выработан вредный стаж, положена ранняя пенсия. То есть, была положена. А в 65 гулять по городу в больших количествах, наверное, уже не так весело, как в 55. Но посмотрим!

Л. Е. Вы ощущаете себя «человеком-амфибией»? Наталия Черных: «Андрей Пермяков – один из самых активных в современной литературе авторов. Его медицинская специальность – фармаколог, он кандидат медицинских наук. Удивительно, как этот человек успевает все сразу: перед работой поучаствовать в конгрессе коллег по фармакологии, в отпуск смотаться автостопом на Байкал почитать стихи на фестивале и написать новую повесть или книгу стихов, вычитать в поезде верстку своей критической статьи, а в элект-

ричке обдумать план нового фестиваля “Сибирский тракт”. К этому набору можно добавить хлопоты об издательстве “СТИХИ”, не так давно возникшем, и особенно о поэтической серии “Срез”...» [17].

А. П. Наташе огромное спасибо за такую оценку, но это преувеличение. Времени не хватает всегда, а с годами его делается все меньше и меньше. От этого грустно. Ну, и какие-то внелитературные, околополитические, скорее, дела портят отношения между литераторами. Хорошо есть вот такие «вечные» фестивали, как вологодские («Плюсовая поэзия» и «М-8»), как саратовский «Центр весны», тольяттинский фестиваль поэзии Поволжья. Еще некоторые мероприятия в стране, где можно обсудить дела с коллегами, послушать стихов, открыть для себя новых поэтов...

*Павел Тимофеев и Андрей Пермяков.
«Плюсовая поэзия». 2015*

Л. Е. Да, сил энтузиастам! Мне бы хотелось обратиться к Гоголю – его стремлению написать книгу о географии России для юношества: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни <...>, когда все его способности свежее, чем когда-либо потом, а воображение чутко удерживает навеки все, что ни поражает его» [4, т. XIV, с. 342].

А. П. Такая книга появилась уже при жизни Гоголя. Вернее – почти появилась. Называлась она целиком «Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального Штаба». Ее стали делать по указанию царя Николая I. Много описать успели, сделав неполных восемнадцать томов. Потом все прекратилось из-за Крымской войны и смены царствования. Составляли книгу молодые офицеры, многие из них – известные в будущем ученые. Скажем, Вологодскую губернию описывал штабс-капитан Петр Карлович Услар. Писал так: «Из г. Устюга в г. Лальск дорога пересекает р. Северную Двину несколько ниже начала ее и оттуда идет до Подволочья лесом, растущим на низменной, болотистой почве. Проезд здесь затруднителен по ветхому состоянию, в котором находятся бревенчатая и фашинная мостовые. Далее дорога идет по открытому правому берегу р. Лузы, пролегая по местности от-

крытой, довольно густо населенной и волнообразной. Грунт дороги сухой и проезд удобен во всякое время года... Вообще она содержится в довольно исправном виде и проезд по ней не представляет больших затруднений ни в какое время года». И далее там: «Этот путь известный под названием Старого Сибирского тракта имел некогда большое торговое значение в отношении к целому государству. Тракт тянется совершенно безлюдным краем» [2]. Кто ездил из Великого Устюга в сторону Кирова, – подтвердит: очень мало, что изменилось. И так во многих краях. Направления дорог и рек меняются слабо. Правда, некоторые дороги исчезают. Скажем, в Чердынь из Вологды, как раньше, напрямую, уже не проехать. Но это совсем другая история.

Описание страны в те годы – сто семьдесят лет назад – получилось очень интересным. Понятно, многое зависело от конкретных людей. Услар, как я уже говорил, стал известным ученым, специалистом по языкам Кавказа и Средней Азии, например. И географом. Кто-то из офицеров, конечно, свои губернии описывал халтурно – из таких ничего не вышло. Но в целом – внятный, грамотный язык, последовательное изложение. Факт, что исследование было запланировано как «военно-статистическое», повлиял не очень: в основном рассказ идет о городах, дорогах и природе.

Так или иначе, но подобного-подробного описания страны в дальнейшем не было. В США было: во времена Великой депрессии по поручению Рузвельта писателям дали прилично денег для рассказа о разных штатах. Вышло отлично. Вот бы и нам... Хотя это мечты, разумеется. Но вот по отдельным регионам есть очень достойная литература!

Л. Е. Вы об этом писали? Исследовали?

А. П. Это описано в довольно разных источниках. Например, вот книга Роберта Римини: «4 января 1935 г. в ежегодном послании конгрессу Франклин Рузвельт отказался от многих идей Первого Нового курса и изложил программу социальных реформ, которую историки называют Вторым Новым курсом. Первой в списке социальных реформ стала программа помощи безработным стоимостью 5 миллиардов долларов по Закону об ассигновании на чрезвычайную помощь, принятому от 8 апреля 1935 г., которым учреждалась Администрация развития общественных работ. Рузвельт предложил Гарри Гопкинсу, главному поборнику государства всеобщего благоденствия, возглавить эту организацию. Создавались рабочие места для представителей свободных профессий, таких как музыканты, актеры, писатели и историки, а также для студентов колледжей, клерков, секретарей и других безработных» [14]. Писателей финансировали именно на уровне штатов. Был своеобразный социальный заказ, спонсируемый государством. Там не только писатели участвовали. Скажем, знаменитые в дальнейшем художники-авангардисты Марк Ротко и Джексон Поллок в рамках Федерального художественного проекта расписывали интерьеры, получая стипендию от правительства.

Л. Е. Прекрасная программа. Вспомнился рассказ А.Х. Гольденберга [5] о Гоголе, конспектировавшем в 1849–1850 книги П.С. Палласа «Путешествие по раз-

ным провинциям Российского государства в 1768–1773 гг.» [7]. Конспект занял около полутора сотен страниц в ПСС [4, т. IX, с. 277–414], и мне он показался удивительным. Гоголь полностью сохранил перечень зимующих в Царицыне и перелетных птиц с указанием точного времени их прилета и отлета: утки, жаворонки, куропатки; желтобрюшки, овсянки, ярки, лесные и степные куропатки, белые журавли, гуси; белые и красные чапуры, кваквы, остроносые кулики, степные курицы, малые дудаки, бакланы, красноголовые нырки, поганки; подорожники, пеночки, овсянки, скворцы, красноголовые утки; обоих родов лебеди, особенно крикуны с желтым на носу концом; бакланы и луговки, камышенные воробьи и князьки; белые трясогузки, черные и белые плешанки, коршуны; ласточки, дикие полевые голуби, сивоворонки, шурки, потатуйки; красногорлые гуси, зяблики, серые коноплянки (Там же, с. 410–411). Гольденберг отмечает, что Гоголя явно привлекает «цветовой и языковой колорит орнитонимов птичьего царства» [5, с. 101], меня же поражает сам факт переписывания и скрупулезный подход. Вам он свойственен?

А. П. Дивно! Не знал, разумеется, этой цитаты и таких наблюдений Гоголя. Конечно, птиц раньше было больше, но такая наблюдательность все равно поражает. Я сам уже восьмой год живу в очень маленьком поселке при фармацевтическом предприятии во Владимирской области. Конечно, природный календарь тут работает крайне заметно: вот чибисы прилетели, когда еще снег. Вот дрозды, скворцы – в отличие от Москвы, они у нас улетают пока на зиму. Вот утки – «сорта» три навскидку, но я в них слабо разбираюсь. Затем появляются чайки: значит, чибисы отложили яйца, чайки будут пытаться их сожрать, а чибисы станут тех чаек прогонять. Будто чайкам рыбы мало в пруду? Лягушки с жабами просыпаются: лягушки живут поближе к домам, а жабы – около бассейна и хоккейной коробки. Прилетают ласточки. Сразу же кукушки начинают куковать: они, кстати, первыми и улетают отсюда, в начале июля еще. Соловьи – это как везде. Журавли у нас не останавливаются, они в Талдом летят. Но клиньями проходят на юг и обратно над нами, да. Лебеди иногда на озера приземляются. Ближе к речке Клязьме – цапли.

В поселке Вишневый есть пара журавлей. Некоторое время назад это была самая восточная из известных мне пар журавлей. К западу они обыкновенны: скажем, известная пара давно живет на въездном знаке в город Ржев, но у нас они редкость. Не такая редкость, как черные аисты, обитающие в лесах около Коврова и Вязников, но тоже редкость. Черных аистов никогда не видел, а журавлей из Вишневого ездить проведывать. Они на водонапорной башне обитают.

И, конечно, когда за окном Зодиак проходит в течение года, созвездие за созвездием, прячась затем в лес, это успокаивает. Показывает человеку его собственный не слишком значительный масштаб.

Л. Е. Вы работали над естественностью письменной речи или это изначальная органика?

А. П. О прозе можно говорить бесконечно, но все равно не прийти к однозначным выводам. Это неве-

роятно сложная материя. Очевидный факт: все, что обладает некими формальными признаками, – стихи. Более того, существуют тексты, названные автором стихами, но не обладающие никакими формальными признаками стихотворной речи. При этом тексты – интереснейшие. Их немного, но они, безусловно, есть. То есть, стихи – все, что не проза. Но вот обратное неверно. Обыденная речь, конечно, прозой не является, и господин Журден прозой не говорил.

Проза – это материя почти неуловимая. Гоголь, Лесков и, например, Платонов – предельно разные. Но как-то они строили свои книги, что каждая отдельная фраза совсем не похожа на естественную речь. Ни разговор персонажей, ни авторские вставки. А в целом – впечатление живейшего людского разговора! Потом так еще Довлатов умел. Шукшин, конечно. Венедикт Ерофеев. Хотя у него совсем иной вариант: он от себя говорит разными вычурными и отчужденными голосами, но получается абсолютно живой, интересный человек. Это замечательно. А как так сделать – неизвестно, разумеется. Оттого проза и есть искусство. Наивысшее, возможно.

Дело, наверно, в том, что мы даже в самом активном диалоге переводим свои слова из мыслей, совсем на слова не похожих, в понятную собеседнику речь: напрямую мышление передавать еще не умеем. А вот в прозе, благодаря ее структуре, разнообразным оттенкам и приемам, иногда удается донести смысл, более глубокий, чем возникает в фиксируемой внешней речи.

Л. Е. Расскажите поподробнее. Вы – поэт. Прозаик. Критик. Активный блогер.

А. П. Блогер не очень активный. Фотокарточки выкладываю, если увижу что-то интересное. А вот сетевых дискуссий о литературе не люблю: в журнальных статьях получается лучше формулировать свое мнение. Я тугодум вообще-то, а пишу еще медленнее, чем соображаю.

Проза, стихи, критика – это все методы исследования мира. Не изложение результатов исследования, а сам процесс. Критика – та же литература, только немножко вторичная, написанная не о мире, каков он есть объективно, а о мире, созданном тем или иным литератором. Такие миры бывают не менее интересны, чем сам «большой», единый для всех нас, появившихся тут, на Земле.

Л. Е. Я ценю Ваши критические работы. Мне нравится Ваша деконструкция советского языка, стилевая и жанровая свобода. Ваши критические разборы напоминают и английские (скажем, «Лондонского книжного обозрения») с любовью к рецензии не в чистом виде, а к рецензии как интересному длинному эссе (long essay), и французские – со склонностью к эссе, маргиналиям – жанровой неопределенности.

А. П. Ой, спасибо! Но тут есть один момент. Даже два. Во-первых, я пробовал переводить с английских стихи и прозу. Почти ничего не получается. Я, понятное дело, довольно много читаю литературы (на английском) по основному роду занятий – биотехнология, фармацевтическое производство, получение новых препаратов – и по близким специальностям тоже. Кроме того, работал, когда нужны были деньги, а труд переводчика-специалиста неплохо оплачивался,

переводя разные регистрационные документы и опять-таки статьи с английского. И, видимо, испортился тогда вкус. Восприятие языка. Информацию понимаю хорошо, а эмоциональная составляющая, вопросы стиля, аллюзии – выпадают. Остается только: внятно сказано и по делу или наоборот? Но, может, такое дело со временем пройдет.

Второй момент связан с любовью к перемешиванию стилей и к маргиналиям. Тут согласен. Литературный язык у нас существует в устойчивом виде, без радикальных революций лет двести. То есть попытки революций были, но в целом язык, кодифицированный Пушкинским кругом и прозаиками XIX века, существует до сих пор. И менять его особой нужды нет: как видим, он крайне легко принимает инновации, оставаясь самим собой. А вот жанровая стагнация, конечно, есть. И сейчас (собственно, как и век назад) методом обновления мог бы стать не слом каких-то грамматических или логических конструкций, что чревато атомизацией речи, распадением ее на субкультурные структуры, а вот именно смешение жанров и стилей.

Л. Е. Давайте я немножко напомню, о чем уже рассказывала в «Вопросах литературы» – о «Лондонском книжном обозрении» [6]. Когда нынешний главный редактор Мэри-Кей Уилмерс сменила Карла Миллера в 1992 году, подход изменился. При нем, университетском профессоре, в 1980-е годы любили теоретико-литературные статьи. По мнению Мэри-Кей, существует не так много научных работ и работников, способных привлечь многочисленную аудиторию, а читателей у газеты больше 70 тысяч. Мне представляется, Вы из этой категории интересных для читателей интеллектуалов.

Не скрывала Мэри-Кей Уилмерс и своего личного предубеждения относительно критики поэзии, редко выходящей на уровень увлекательного чтения, если только критик сам не поэт. С Вами российской критике и в этом плане повезло.

В «Лондонском книжном обозрении» любят вспоминать, как в первом выпуске в обзоре Арденовского издания «Сна в летнюю ночь» Уильям Эмпсон увлекся подсчетом скорости, с какой путешествуют феи, чтобы опередить дневной свет. Вы вполне в этой традиции непредсказуемости.

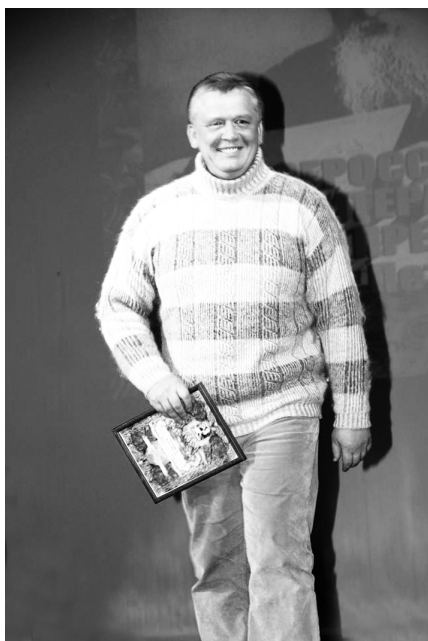
Вы не рецензент, «выезжающий на авторах». Вы знаете слово «piggyback», да?

Мне очень нравится, когда Вы с Вашей медицинской степенью и обширными познаниями в самых разных сферах даете знать гуманитариям об их ошибках и просчетах (употребление термина «ризом», например).

Кроме того, очень правильно, по-моему, что Вы сотрудничаете с разными изданиями, причем вносите естественную разговорность речи в высокопрестижные (Web of Science, Скопус) журналы.

И да, Ваши реплики в сети мне тоже нравятся. Позитивностью. Максимальной концентрацией смыслов при емкости высказывания.

Мне у Вас видится путь от интерактива сети к пространному формату повестей (с той же разговорностью интонации, включенностью в общение) и – к глубине стихотворений.

Постправда

– Напиши, говорит, о том, что тебя действительно бесит.

А меня ничего не бесит.

*Не, ну, когда тебе в душу кто-нибудь лезет,
неприятно, понятное дело, но можно и отойти.
Отойти, не сходя с пути.*

*Еще не люблю касаться рукою брезента
(напильника, жесткого снега, перевысохшей изоленты,
постороннего человека, другого-прочего абразивного).
Это тоже можно перетерпеть, это как доказательство
от противоположного.*

*Не люблю, когда изменяет тело.
Не люблю, конечно, когда умирают дети.
(Мне, видать, за это и прилетело,
но чего не бывает на белом свете?)*

*Еще мне немного претит изображать клоунаду
(Вот тут ничего не попишешь: надо, так надо).*

*А самое страшное – это твой ближний, когда он теряет лицо.
Ты сразу тогда себя чувствуешь конченным быдлом.
Впрочем, лицо потерял, другое лицо нашёл, тут и дело с
концом.
Как говорится, что было, то было.*

*Словом, я отвечаю, что, дескать, про «бесит» – никак.
А она говорит, что я – несообразный дурак.
Ничего, говорит, из меня хорошего не получится.
Обещает, что мучился, мучаюсь, далее буду мучиться.*

*Поорала еще немного, ушла вникуда.
Беда.*

*Из палатки пахнет крылышками на гриле.
Ну, и ладно. Зато хоть поговорили.*

*Кому бы еще действительно сокровенное рассказал?
Радость, ноябрь, buffet, Вологодский вокзал.*

*(Бесит не соответствовать ожиданиям близких людей.
Но как теперь скажешь ей?)*

Мне бы хотелось еще локальные пространства с Вами обсудить. Мне понравилась статья о локальных текстах Урала [16] Е.К. Созиной³. Оговорив обширность «Большого Урала» и оглянувшись назад («Уральские горы суть знатнейшие во всей империи и по признанию разумеются за те, которые у древних описателей назывались Гипербореи и Рифеи» [16, с. 125]), она характеризует этот регион: «Западный склон Урала, по традиции относимый к Прикамью, а в прошлом именуемый Пермской землей, имеет совсем другую идентичность, нежели, скажем, Южный Урал – Оренбуржье, башкирские степи, граничащие со степями “киргиз-кайсацкими”, или чем восточный склон хребта, плавно переходящий в Сибирь. За Средним и Западным Уралом (Екатеринбург, Пермь и прилегающие земли) закрепилось значение центров “горно-заводской цивилизации”, для юго-восточной части региона с момента ее освоения Россией был более характерен тир полувоенной “казачьей” культуры: колонизация этих земель шла позже, дольше и болезненнее» (Там же). Это ощущается?

А. П. Очень ощущается. Причем Пермь и Екатеринбург тоже предельно разные. Даже и по природе. Тут снова влияет водораздел: Урал делит реки. Весь бассейн Камы, сливающейся с Волгой, это западный склон. А восточный склон – это притоки уже сибирских рек. Есть одно, хотя и очень важное, исключение: река Чусовая. Она непонятным образом течет поперек Уральского хребта. Оттого и удивительная такая.

Сами склоны тоже очень разные. Двигаясь с западной стороны, от Москвы, замечаешь только постепенно нарастающие гряды лесистых холмов. Долгое-долгое Предуралье. Некоторые его обидно называют «Придурье». Несколько гряд повыше других, вот они и есть Урал с этой стороны. А когда едешь с востока, к примеру от Челябинска до Кыштыма, перед тобой встает Уральский хребет, как он есть. Синий такой и в обе стороны бесконечный. Хотя формально Полярный Урал очень высокий, а тут, на юге, где Челябинск, горы низкие. Но вот очень заметные!

Между Кыштымом и Екатеринбургом расположена одна из самых красивых дорог всей России. Она сначала идет вверх, до отворота на Маук, до Каслей. Вдоль дороги – озера, расположенные одно над другим. Удивительно смотрится. Потом дорога выходит на трассу Челябинск – Екатеринбург и следует вдоль хребта. Не поперек, а вдоль гор! Здорово очень.

Что касается скорости освоения – точно сказать тут сложно. Родной Кунгур, первоначально основанный в 1648-м году, башкиры сожгли почти сразу. Второй раз его основали в 1663-м. При Пугачеве, в 1774-м, город осаждали объединенные силы татар, башкир, казаков и русских. Сам Пугачев, кстати, в это время воевал под Оренбургом. Так что географическая разница в уральских краях, по-моему, важнее исторической. Регион же очень разнообразен. Кроме собственно гор, есть совершенно иные Республика

³ Созина Елена Константиновна – доктор филологических наук, профессор, зав. сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН, профессор Уральского федерального университета.

Коми и бывший Коми-округ со столицей в Кудымкаре. Может быть, в этом округе национальные особенности чувствуются даже острее: «большая» Коми – она довольно индустриальная, геологическая. Сырье добывают. Преобладает население, уже пришлое отовсюду. А окрестности Кудымкара и Гайн своеобразны национально.

На юго-западе от Пермского края – Удмуртия. Это уже финно-угорские республики Поволжья, тоже отдельный мир. Или отдельные миры даже.

Что касается собственно горнозаводских дел, с которых освоение Урала и начиналось, этот момент больше сохранился в Екатеринбурге, конечно. Пермь как-то стала больше промышленным центром: оружейные заводы, добыча соли, уголь, разная техника и, например, кастрюли и газовые плиты из Лысьвы. А в Екатеринбурге Горный университет, мифология Бажова... Однако вообще при словах «уральский текст» теперь, скорее, вспоминается Уральская поэтическая школа, возникшая четверть века назад.

Горнозаводская же цивилизация ассоциируется совсем с другим: с окрестностями именно Горнозаводска.

Л. Е. Созина, говоря о «горнозаводском тексте», вспоминает малоизвестную комическую оперу Г.Р. Державина «Рудокопы» начала XIX века, рассматривает произведения Ф.М. Решетникова и Д.Н. Мамина-Сибиряка с горнорабочими темами, отмечает, что свое классическое воплощение «горнозаводской текст» получил в «Уральских сказах» П.П. Бажова, который «уже вполне осознанно выстраивает особый уральский космос со своей онтологией и праксиологией, своими ценностями, антропологией и демоналогией, т.е. придает полноту и целостность “горнозаводскому тексту”, но не завершает его: горнозаводской текст и миф уходят дальше и активизируются вновь ближе к концу XX в.» [16, с. 129].

А. П. Да, я примерно об этом. На моей памяти, то есть в последние лет сорок, подлинный, вошедший в мифы Урал сохранялся именно на севере Пермского края. Это еще одна цивилизация. Была, по крайней мере. Огромный регион: если брать с юга на север, от Чусового до Березников – это примерно 200 км, состоял из очень интересных и довольно обеспеченных городов: сам Горнозаводск, Гремячинск, Губаха, Кизел, Александров, Углеуральский, Коспашские поселки... Свои нравы: скорее, шахтерские, чем рабочие, каковы преобладали, например, в Перми. Идеальное почти снабжение шахтерских краев. При позднем Брежневле туда, к шахтерам, ездили из Кунгура, даже из Чайковского и Осы, то есть с юга Пермского края. Как из Тулы в Москву ездили за продуктами, так у нас в этот угольный регион ездили за импортными одежками и прочим товаром.

Рухнуло там все едва ли не в один день, а шахты залили бетоном. Евросоюз финансировал. Дошло до очень неприятных вещей. Есть такой район в Перми: Юбилейный. Новый когда-то, окраинный. Его строили тоже в конце коммунистических времен, поэтому дома возвели, а с инфраструктурой было грустно. Но жить, в принципе, можно. И вот в 1994–1995 годах в Перми появилось объявление: «Обменяем вашу квартиру на Юбилейный с большой доплатой». Пьющий

человек соглашался на обмен, его неплохо угощали, давали сколько-то денег, он подписывал бумаги и оказывался в совсем другом поселке Юбилейном. Расположенном вот именно там: в шахтерских краях. Только уже в бывших шахтерских. Где теперь ни работы не было, ни денег, откуда уже уехали те, кто смог получить компенсацию при закрытии шахт...

Драма Кизеловского угольного бассейна почти не описана. У больших городов есть свои тексты. У небольшой Чердыни, например, есть свой текст: его во многом создал Алексей Иванов (как бы мы к нему ни относились) в книгах «Сердце Пармы», «Золото бунта» и прочих. Беда совсем северных городов представлена, например, в романе «Россия. Общий вагон» Натальи Ключаревой – тоже пермячки по рождению. А вот о Кизеловских краях пока громко не сказано. Хотя интересные литераторы и драматурги родом оттуда есть.

Л. Е. Созина подчеркивает, что понятие «локальный текст» к Уралу в целом «едва ли применимо, хотя можно говорить о некоей совокупности “сверхтекстов” в пределах “Большого Урала”»: например, пермский текст <...> екатеринбургский/свердловский, челябинский, оренбургский, невянский, чердынский и т.д.» [16, с. 125]. Я понимаю, что Вы это хорошо ощущаете, и хотелось бы спросить о вологодском. Нам тоже продуктивно говорить о череповецком, вологодском, скажем, полтининском текстах?

А. П. По-моему, Наталья Мелехина как раз создает очень вологодский текст! Вологодчина огромная же, она не сводится к областному центру. Опять-таки говорю, скажем, в Тарноге и Вытегре разные очень. Но вот Полтинка-Паутинка с ее сельской жизнью отлично вписана в общевологодский канон.

Вот где теперь создается совсем иной какой-то текст, совсем иной фон, так это в Череповце. Пару лет назад вологодское отделение Союза российских писателей проводило конкурс среди молодых литераторов. Назывался он «Словарный запас». В номинации «Проза» ситуация была очень непредсказуемой: поступило несколько работ весьма достойного уровня. Александра Антушевич, Мария Герасимова, Павел Громов – были равно близки к победе. Выиграла тогда Мария Герасимова, почти сразу уехавшая учиться во ВГИК. И вот у нее повесть и рассказы были сугубо на вологодском материале и с узнаваемым «вологодским акцентом». А у Антушевич в книге были столь же узнаваемые череповецкие реалии. Теперь, как мы знаем, у нее тоже вышел отдельный том прозы. Я думаю, резонанс будет, и это начало большого пути! Там хтонические такие сущности в прозе, но при этом хтонь переплетена с реалиями крупного промышленного города.

А Вологда – особая совсем. Вот у Антона Черного, ранее известного как поэт и переводчик, вышли в журнале «Урал» две повести о событиях 1988-го года, место действия которых – Вологда. Вроде, все локально, топографически точно, не очень насыщено каким-то действием, экшеном, но как-то так становятся понятнее, к примеру, происходившие в те годы процессы гибели СССР как огромной сущности. Хотя, повторю, вся фабула привязана к паре районов Вологды и прямой политики в книгах вроде нет.

Ната Сучкова и Андрей Пермяков. Январь 2020 г.

Л. Е. Мне бы хотелось еще коснуться водной символики северного текста. Мой коллега Юрий Владимирович Розанов выделяет и комментирует «водные» эпизоды в текстах Алексея Ремизова, связанных с северной ссылкой писателя [15]. Свою основную «неомифологическую» книгу писатель назвал «К Моря-Океану» (1911). «Под “Морем-Океаном” фольклор подразумевает и иной мир (“тот свет”), и небо, и некую изначальную водную стихию – “океан-море – всем морям отец”, и водную преграду на границе “сокровенной страны Беловодье”, а также и некоторые реальные водные объекты, чаще всего северные, например Белое море» [15, с. 131].

Розанов напоминает, что А. Ханзен-Лёве, исследователь мифопоэтики русского символизма, выделял две разновидности водной символики: «Стоячая вода отражает некий диаволический (лунный) мир теней и демонов, но обнаруживает и свои глубины, где обитают существа нижнего мира; а текучая вода символизирует реку времени, вечное течение или текучую вечность, с которой мы встречаемся в описаниях космогонии» (цит. по: [15, с. 131]).

В энциклопедической статье «Вологда или Вологда» Юлий Михайлович Шокальский отмечал: «Вся длина реки В. около 130 верст; падение реки небольшое и потому скорость течения невелика, глубина в верховьях малая, но ниже города Вологды достаточная для судоходства, начинающегося от города вниз, хотя тут именно есть обширная мель» [18, с. 59]. Ю.В. Розанов продолжает: «Летом вода в реке обычно “зацветала” – покрывалась плавающими на поверхности зелено-бурыми водорослями, издавала неприятный запах. Историческая песня, основанная на местной легенде, утверждает, что раньше река была быстрая и чистая, но испортилась из-за проклятия Ивана Грозного, на голову которому упала “плинга красная” из свода Успенского собора в Вологде» [15, с. 131].

Расскажите о Вашем восприятии водного.

А. П. Я сперва подумал, что речь будет идти о разном отношении к воде у славян и у финских народов.

Л. Е. Буду благодарна.

А. П. Оно действительно очень разное: у нас вода действительно кажется опасной, коварной. Как видим – границей с миром мертвых. А, например, для удмуртов, чья мифология известна русским, наверное, лучше других финских мифологий, Вумурт, водяной,

– это такой дух, скорее нейтральный. Но Палэсмурт, чем-то похожий на нашу Бабу-Ягу, – такой же одноногий и половинчатый, частично принадлежащий иному миру – довольно злой. А Нюлэсмурт, аналог лешего, – довольно сильный и грозный. У нас, как помним, скорее, все наоборот: водяной почти всегда крайне неприятный и малоконтактный, зато с Бабой-Ягой и с лешим можно договориться. Коркамурт – практически неотличим от нашего домового. Он тоже с медведем дружит и помогает хозяину дома, если тот его не обижает. Но отношение к воде и лесу почти диаметрально разное у разных народов, живущих рядом.

Об этом вкратце писал Денис Осокин в своих «Овсянках» и в других книгах. У него, правда, речь о мерянах и горных мари, но Поволжье ж удивительно этнически разнообразный регион. С массой различных обычаев и вер, однако обладающий внутри себя большим внутренним сходством. Все-таки коренное население там финно-угорское по большей части.

Что касается Вологды, она вправду кажется каким-то водным краем. При том, что большие реки расположены по краям региона: Шексна делается крупной в Череповце, уже на границе с Ярославской областью, Северная Двина тоже образуется на выходе из области к северу. Но кажется, что вологжане живут на воде. Может, стихи так влияют: Рубцов много о реках писал – сейчас о них же пишут такие разные авторы, как Мария Маркова и Ната Сучкова, к примеру.

А вода в Вологде многослойная, если говорить метафорически. Есть верхний слой, очень подвижный, а есть слой глубокий, невидимый. И вот этот верхний слой иногда движется какими-то непонятными кругами. К примеру, в феврале, оказавшись в Вологде, пошел я в свой любимый ресторан «Север», существовавший с незапамятных времен и казавшийся вечным. А его нет! Он переехал. Зато на месте «Севера» теперь банкетный зал. А на месте тоже вечной и легендарной Пирожковой – ресторан. Потом оказалось, что «Север» уехал на Галкинскую улицу, где стал называться «Шато ле Гранд», вроде. То есть какие-то смешные круговороты общепита в природе.

Это снаружи так. В глубинных же слоях города, в невидимых, все меняется иначе и много осмысленнее.

Л. Е. Хочется надеяться. Вспомнилось Ваше прекрасное:

адголоВ

*А над речкой Вологдой луковки, луковки
черного, серебряного и некоторых других цветов.
А по речке Вологде плавают непонятные буквы
из подтаявших льдинок и береговых родников.*

...

Можно блиц? Вы супераналитик и суперинтуит? Я не очень представляю фармакологию, но профессионально и по природе своей?

А. П. Я, честно говоря, глуповат, мало знаю и довольно плохо обучаем. На работе это сильно и не очень хорошо сказывается, а в литературе мешает умеренно, глупость особо и незаметна (улыбается).

Л. Е. Вы согласны с Наталией Черных, что Вы – «автор сложных, даже мрачных текстов, излучающих рентгеноподобную рефлексию» [17]?

А. П. Частично да: сложные и даже мрачные тексты у меня есть. Причем сложность не очень заметна сходу, тут Наталии огромное спасибо, что углядела: сложность заключена по преимуществу в неочевидных цитатах, в разговорах с литераторами прежних лет или с современниками.

А мрачность по большей части определена невозможностью объективного познания мира. Но тут амбивалентно: у меня есть очень веселые тексты на тему личной и общей глупости (улыбается).

Л. Е. У Вас такие же ощущения? – «Пермяков пишет о противостоянии жизни и смерти, и ни о чем больше. Иногда жизнь и смерть вместе садятся за стол, и тогда наступают сумерки мироздания, в которых ничего не разобрать, но потом вырисовывается нечто, похожее на замладенческие (или просто райские) видения» [17].

А. П. Даже и не знаю, со стороны, конечно, виднее. Тем более такому интересному критику, как Наталия. Но меня собственная жизнь и собственная смерть, честно говоря, не очень интересуют.

Л. Е. Мне помнится, Вы как-то уже сказали: «...то, что со мной случится, пускай случится в дороге, / а дальше – невидимая дорога и прочая красота». Я, скорее, про «райские или замладенческие видения».

А. П. Это очень сложно сказать. Но многие говорят, что я воспринимаю детство при Брежневе как утраченный рай. Сам я так не считаю, тогда жилось очень даже небогато и невесело. Но, видимо, в стихах что-то такое проскальзывает – будто я идеализирую те времена и воспринимаю их какими-то мифически.

Л. Е. Я, скорее, о том, какие сны снятся, о мироощущении.

А. П. Ну, тоже может быть, да. Во снах все перепутано, но связано с реальным миром, и они потом очень влияют на самоощущение.

Л. Е. Что считать реальным?

Летим

*В детстве можешь ладошки, можешь,
А вода с них стекает белая.
В детстве обиду ноешь и ноешь,
А победа – вот она, целая.
Детские сны хороши, не потому что сны,
А потому что во сне – дотла.
Куклы и зеркала страшны не потому, что они страшны,
А потому что они – куклы и зеркала.
Маленький, говоришь с облаками, они тебе отвечают.
И сами еще говорят с облаками, плывущими в Каме.
Или не отвечают, а просто тебя качают.
Белыми такими руками.*

Как поэт, Вы инобытиен, конечно. И изыскан.

В листопад

*Воздушный всё равно как безвоздушный
Там, за рекой на расстоянии руки.
Преодолимый, матовый, послушный,
Передающий частые шаги;*

*Неслышимые шаги по верху вод
Неуловимые ничем есть свет бесценный.*

*А взглянешь чуть подробнее и вот –
Пустое множество, пейзаж обыкновенный.*

*Но самый воздух предсказуемо красив.
Да, самый воздух. Атмосфера. Ничего.*

*Ходила Дева по Святой Руси,
Искала Дева Сына своего.*

Литература

1. Власов, Г. Творить нечто из ничего / Герман Власов. – Текст : электронный // Ex Libris НГ. – 24.01.2019. – URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-01-24/10_1007_int.htmlhttp://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-01-24/10_1007_int.html (дата обращения: 29.09.2020).

2. Военно-статистическое обозрение Российской империи : издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров генерального штаба]. Т. 3. – Санкт-Петербург : Тип. Деп. Ген. Штаба, 1850. <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/39-ch-3-vologodskaya-guberniya-1850-6-382-36-s-tabl-4-1-9-s-tabl#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 29.09.2020). – Текст : электронный.

3. Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре : сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга / ответственный редактор Е. Н. Тропкина. – Волгоград : Перемена, 2019. – 471 с.

4. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 томах / Н. В. Гоголь. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1937–1952.

5. Гольденберг, А. Х. «Царицынский текст» в творческом наследии Гоголя / А. Х. Гольденберг // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре : сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга / ответственный редактор Е. Н. Тропкина. – Волгоград : Перемена, 2019. – С. 94–104.

6. Егорова, Л. В. «Лондонское книжное обозрение» / Л. В. Егорова // Вопросы литературы. – 2017. – № 4. – С. 353–373.

7. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья, половина вторая. 1772 и 1773 годов. Перевел Василий Зуев. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. Наук, 1788.

8. Пермяков, А. Белые тепловозы. Сборник стихотворений / Андрей Пермяков. – Москва : СТИХИ, 2018. – 100 с.

9. Пермяков, А. Десятая часть года. Почти документальная повесть / Андрей Пермяков. – Текст : электронный // Волга. – № 1. – 2010. <https://magazines.gorky.media/volga/2010/1/desyataya-chast-goda.html> (дата обращения: 29.09.2020).

10. Пермяков, А. Петушки – Москва. Поехал и другие главы из книги «Тяжкие кони Ополя, или “Просёлки” через шестьдесят лет» / Андрей Пермяков. – Текст : электронный // Волга. – 2016. – № 5. <https://magazines.gorky.media/volga/2016/5/petushki-moskva-poechal.html> (дата обращения: 29.09.2020).

11. Пермяков, А. Сибирский тракт и другие крупные реки. Бесконечная книга, часть третья, том первый / Андрей Пермяков. – Челябинск : Издательство Марины Волковой, 2017. – 260 с.

12. Пермяков, А. Темная сторона света : повесть / Андрей Пермяков. – Вологда : Серия «Том писателей», 2016. – 134 с.

13. Пермяков, А. Тяжкие кони Ополя, или «Просёлки» через шестьдесят лет : [повесть] / Андрей Пермяков. – Москва : СТИХИ, 2017. – 257 с.

14. Римини Роберт. Краткая история США / Римини Роберт ; перевод с английского О. Алексаняна. – Москва : Колибри : Азбука-Аттикус, 2015. – 530 с.

15. Розанов, Ю. В. Текст Алексея Ремизова: комментарии к «водным» эпизодам / Ю. В. Розанов // Восток – Запад:

пространство локального текста в литературе и фольклоре : сборник научных статей к 70-летию проф. А.Х. Гольденберга / ответственный редактор Е. Н. Тропкина. – Волгоград : Перемена, 2019. – С. 130–136.

16. Созина, Е. К. Локальные тексты Урала / Е. К. Созина // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре : сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга / ответственный редактор Е. Н. Тропкина. – Волгоград : Перемена, 2019. – С. 124–130.

17. Черных, Н. История болезней. Пять современных российских писателей-врачей / Наталия Черных. – Текст : электронный // <https://gorky.media/context/istorii-boleznej/> (дата обращения: 29.09. 2020).

18. Ю. Ш. [Шокальский Ю.М.] Вологда *или* Вологода // Энциклопедический словарь / издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. Т. 7. – Санкт-Петербург, 1892.

Andrey Permyakov, L.V. Yegorova

DEEP DOWN, EVERYTHING IS FAR MORE MEANINGFUL

Discussion between L. Yegorova, the editor of the journal, and Andrey Permyakov, a critic, poet, prose writer, about local geography, characteristics of local texts, Permyakov's works.

Local text, Andrey Permyakov, Vologda.

Ю.В. Розанов
Вологодский государственный университет

КАК СДЕЛАНО «БЕСОВСКОЕ ДЕЙСТВО» А.М. РЕМИЗОВА

В статье рассматривается пьеса А.М. Ремизова «Бесовское действие», ее содержание, композиция, древнерусские литературные и фольклорные источники. Среди источников выделены тексты о спорах жизни и смерти и рассказы о святых подвижниках, представленные автором в пародийном плане. Образцом для драматурга послужили композиционные схемы английских моралите, знакомые Ремизову по научной литературе.

А.М. Ремизов, стилизация, древнерусская литература, фольклор, пародия, моралите, миракль, композиция, средневековый театр.

Написанная более ста лет назад статья Б.М. Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя» (1918) стала классикой литературоведения. Идеи ученого, особенности его метода и стиля повлияли на многие филологические исследования, даже если их авторы были далеки от формальной школы и ОПОЯЗа. Заголовки статьи стали популярной формулой, относимой, прежде всего, к тем произведениям литературы, в которых «сделанность», конструкция, монтаж, комбинации интертекстов доминируют над свободными фантазиями, воображением. К такого типа произведениям принадлежит значительная часть творческого наследия А.М. Ремизова. Писатель еще в самом начале литературной карьеры определил свой метод как «творчество по материалу», подразумевая поначалу под «материалом» записи фольклора, этнографическую литературу и книжность Древней Руси [7, с. 145–148]. Со временем появились и другие виды источников, прежде всего русская литература XIX века – Гоголь, Достоевский, «малые классики», литературоведческие и исторические сочинения. «У Андрея Белого было живое предметное воображение – чего у меня нет. Мне всегда нужна книга, литературный источник. <...> Перед глазами всегда читанный образец и формулы выражения», – говорил Ремизов своему биографу [5, с. 110].

Многие особенности работы писателя с книжными источниками можно проследить на примере его первой пьесы «Бесовское действие», написанной предположительно летом 1907 года и опубликованной на следующий год в альманахе «Факелы». «Факелы» издавались петербургскими символистами в годы Первой русской революции по инициативе Вяч.И. Иванова и Г.И. Чулкова и, естественно, отражали настроение момента, оформившееся в идеях так называемого «мистического анархизма». В «Бесовском действе» также присутствует современный политический подтекст на уровне цитат и аллюзий, но в данном случае нас интересует не он, а конструктивные особенности произведения, использованные материалы и, если воспользоваться термином из статьи Эйхенбаума, его «чертеж» [11, с. 191].

Пьеса была опубликована под причудливым стилизованным «древнерусским» заглавием «Бесовское действие над неким мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сиесть прение Живота со Смертью: представление для публики в трех действиях с прологом и эпилогом Алексея Ремизова». (Позднее по утилитарным соображениям название сокращалось и упрощалось.) Первоначальный заголовок указывает на составной характер произведения, где есть и «действие», и богословское «прение», и противопоставление разных видов смерти, и развлекательное, площадное начало.

В прологе перед публикой появляется некий Живот, богач и храбрец. Но уже незаметной тропинкой подобралась к нему Смерть, которую Живот напрасно пытается подкупить и запугать. Из ада, почуяв приближение развязки, вылезает демон Аратырь. Сверху спускается Ангел-хранитель. У демона в руках свиток, весь исписанный грехами, а в свитке Ангела всего «строчки две добрых дел», да и те записаны «неразборчиво». Смерть с помощью страшных инструментов извлекает душу грешника, которую демоны Аратырь и Темелих волокут в преисподнюю к Змею. Ужасную сцену наблюдал, спрятавшись за камнем, юноша, оруженосец Живота. Под впечатлением увиденного молодой человек бросает меч и уходит в монастырь, где происходят дальнейшие события. В первом действии уже знакомые зрителю демоны, переодетшись монахами, поджидают юношу, который для окончательной победы над страстями решил принять «пещерное затворничество». Целый ряд неожиданностей готовят демоны, но бывший оруженосец, именуемый в дальнейшем Подвижником, все побеждает и затворяется в пещере. Во втором действии демоны-искусители Аратырь и Темелих прибегают к радикальным мерам. Они усыпляют Грешную Деву и, оставив ее у пещеры Подвижника, с помощью переодетых ангелами чертей пытаются выманить монаха из пещеры. Ведомственные распри между демонами срывают этот план. Третье действие разворачивается в пасхальную ночь. Темелих уговаривает самого Змея принять участие в операции, но

Подвижник снова выходит победителем. Удар пасхального колокола низвергает демонов в тартар. Центральным событием эпилога является тихая смерть Подвижника. В аду тоска. Аратырь и Тимелих, разжалованные Змеем за профессиональную непригодность, исполняют какие-то скучные обязанности на земле.

Уже из беглого изложения содержания пьесы видно, что «действие» не монолитно, отчетливо видны следы «спайки» различных частей. Исходя из этого, можно выделить три изначальных сюжета: спор жизни и смерти, противопоставление мученической смерти грешника и блаженной кончины праведника, попытки демонов искушить монаха. Все три сюжета обычны для средневековой литературы.

Произведения, содержащие спор жизни и смерти, были популярны в европейской литературе позднего Средневековья. Сама форма *спора* способствовала проникновению сюжета в репертуар народного театра Франции и других европейских стран. В конце XV века появились и переводы на русский язык, быстро освоенные народной культурой. «Фольклоризацию» переводного «Двоесловия» или «Прения» изучал И.Н. Жданов, к работе которого Ремизов и обратился [3, с. 485–743]. Из труда ученого писатель использовал именно «материал»: цитаты, пересказы, тексты, приводимые в подстрочных примечаниях и приложениях. «Прение» внушало читателю мысли о бренности бытия, о загробном существовании, т.е. являлось серьезным поучительным произведением. Иначе подает сюжет Ремизов. Смерть в «Бесовском действе» стала комическим персонажем. «Кто ты, страшный, полный червей? Что за баба, что за пьяница?» – спрашивает Живот, увидев приближающуюся к нему Смерть. Конь, на котором «крадучись» разезжает Смерть, «стар и хил», «от голода падает», закончив свои дела, Смерть, как обычная баба, собирается в баню. В финале пьесы, после патетического монолога Смерти, в котором она напоминает о неизбежности Страшного суда, следует снижающая реплика Аратыря – «кладбищенская шляха» [9, с. 37]. Такая перекодировка традиционного образа, возможно, подсказана Ждановым. Исследователь обращает внимание, что некоторые русские памятники с этим сюжетом, например «Повесть о бодрости человеческой» и «Игра об Анике-воине», «проникнуты каким-то странным юмором», «совершенно разрушающим серьезность основного текста» [3, с. 530, 575].

В ждановском обзоре русских списков «Прения» Ремизов обратил внимание на текст № 8, где кроме Рыцаря (тот же Живот) и Смерти присутствует третий персонаж – «хлопец» Рыцаря. В повести его функции несущественны, в нем нет особой необходимости. Другое дело в драме, где он мог бы придать действию живость и разнообразие. Жданов предположил, что и в отечественной фольклорной традиции существовали драматические версии «Прения». На это указывает и «Интермедия на три персоны» (XVIII век), обнаруженная Н.С. Тихонравовым в рукописном сборнике фольклорных текстов и опубликованная им в «Летописях» [6, с. 78–80]. Именно этот «хлопец» послужил прототипом Подвижника – главного героя ремизовской пьесы. Писатель нашел в труде медиевиста и убедительное подтверждение монтажного принципа

драмы. Жданов показал, что «Прение», особенно после перехода в фольклорную стадию, может легко вступать в разные связи и комбинации с другими сюжетами. Оно, например, является частью «Игры об Анике-воине», а та, в свою очередь, входит в народную комедию о царе Максимилиане [3, с. 574–576].

Следующий фрагмент основного сюжета «Бесовского действия» также традиционен. Противопоставление мучительной смерти нераскаявшегося грешника и легкой, даже радостной кончины праведника широко распространено в древней литературе и в фольклоре. Доходчивее всего оно изображалось таким образом: при смерти праведника душа легко выходила через рот, а у грешника черти вырывали ее сквозь ребра или вытаскивали через череп. В этой части сюжета Ремизов использовал сочинение другого представителя русской сравнительно-исторической школы Ф.Д. Батюшкова «Спор души с телом в памятниках средневековой литературы». Труды компаративистов стали для писателя своеобразными хрестоматиями вариантов того или иного сюжета, давали ему широкие возможности выбора ярких художественных деталей. Упоминание о «запахе греха» [9, с. 10] заимствовано из цитируемого Батюшковым «Слова об исходе души» [1, с. 14], горестное предсмертное восклицание Живота – «Лучше быть птицей, рыбой, зверем, тварью, червем, чем человеком» [9, с. 9] – навеяно сходными словами из англосаксонской поэмы и ирландской «беседы» [1, с. 57], троекратное приказание душе «познать свое тело» и последующее обещание возвратиться в него в «последнее воскресенье» [9, с. 10] взяты из «Видения апостола Павла» [1, с. 32], свитки с записями злых и добрых дел [9, с. 8] фигурируют во многих произведениях, в том числе в старофранцузской поэме о Страшном суде [1, с. 49], орудия Смерти – серпы, ножи, бритвы, веревки [9, с. 6] – перечислены в «Житии Василия Нового» [1, с. 78], а последовательность кровавой работы «ангела смерти» [9, с. 9–10] описана в латинской легенде о Макарии [1, с. 80].

В основной части сюжета, собственно бесовском действе, т.е. искушении демонами Подвижника, Ремизов обращается непосредственно к произведению, минуя литературоведческое посредничество. Писатель работает с двумя рассказами о «блудборцах» из Киево-Печерского патерика: «О многотерпеливом Иоанне Затворнике» и сюжетом о преподобном Моисее Угрине. Рассказы Киево-Печерского патерика привлекали Ремизова сочетанием фантастики и наивности, той «прелестью простоты и вымысла», которой восхищался А.С. Пушкин. В качестве канвы сюжета автор «Бесовского действия» использует события, описанные в патериковой легенде об Иоанне Затворнике. Ремизовский Подвижник, как и персонаж монастырской легенды, «много претерпел от искушения, удручая тело», «плоть изнурия поклонами, язык безмолвием, ум – беганием греховных помыслов», но, несмотря на это, «не нашел покоя» [9, с. 14]. Однажды во время молитвы он услышал глас небесный, призвавший его затвориться в пещере. Бесы достали Подвижника и там, и он вынужден был зарыться в яму, оставив на поверхности только голову. Все описанное в деталях соответствует патериковому рассказу

[4, с. 540–541]. Дальнейшие события герой легенды лишь обобщает, не вдаваясь в подробности: «...враг дьявол страхи разные наводил на меня, чтобы выгнать меня из пещеры, и ощутил я его злодейство» [4, с. 540–541]. Ремизов детализирует патериковое выражение, и «страхи разные» описывает со всеми жуткими подробностями. Более соответствует древнерусскому источнику финальная попытка искушения, только ее неудача объясняется по-разному. У Ремизова присутствует более фольклорный, сказочный вариант: демоны и Змий не уложились во время, и удар пасхального колокола остановил бесовское действо [9, с. 34]. Иоанна Затворника из патерика спасла молитва «из глубины сердца своего», что более соответствует жанру христианской легенды [4, с. 540–541].

«Бесовское действо» Ремизова отличается от рассказа из патерика и позицией рассказчика. Иоанн Затворник на склоне лет сам рассказывает ученику, томиному «вожделением плотским», о своей жизни и о борьбе с дьявольскими соблазнами. Это своего рода житие, им самим написанное. Иначе у Ремизова. Первая часть жизни Подвижника, до затворничества, рассказывается демонами, переодетыми в монашеское платье. При этом, они явно издеваются и над святым, и над своим слушателем – страстным братом Евстратием. Другая часть истории Подвижника разыгрывается на сцене в карнавальном ключе – с масками, острыми шутками. Фигура безымянного ученика Подвижника из патерикового рассказа развита Ремизовым в полноценный комический образ брата Евстратия. В источнике юный монах, мучимый вожделением, обращается к наставнику с такими словами: «Поверь мне, отче, если не облегчишь душу мою, то я покоя не найду и стану переходить с места на место» [4, с. 539]. В пьесе опасения юноши оправдываются, и он действительно показан переходящим с места на место, буквально «бегающим» из монастыря в монастырь. Постоянные жалобы на одолевающий его «кромешный ад», от которого он готов искать спасения даже у бесов, панический ужас перед женщиной, плаксивость и безволие производят комическое впечатление.

История третьего «блудоборца», фигурирующего в пьесе, дает пример еще одного способа использования Ремизовым литературного материала. В начале второго действия монастырский привратник Арефа рассказывает страннику «Житие Моисея Утрина», также известное по Киево-Печерскому патерику [9, с. 19]. Житие вставлено в пьесу в несколько сокращенном виде, но без изменения эмоциональной направленности, рассказчик и слушатель искренне верят в легенду. И только ближайший контекст окрашивает историю святого в юмористические тона. Закончив рассказывать житие, Арефа впал в блаженную мечтательность и сладострастно стал вспоминать «великие искушения» своей жизни [9, с. 20]. Подобным образом включен в пьесу Ремизова популярный духовный стих «Плач Адама», взятый писателем из сборника П. Бессонова [2, с. 236]. Его исполняют хором иноки, выходящие из трапезной палаты. Характерна и реакция бесов, которые, как бы подыгрывая монахам, при пении гимна «стоят вытянувшись, их красные рты полуоткрыты, хвосты – трубой». Наибольшее впе-

чатление стих произвел на страстного брата. Историю Адама он мгновенно перенес на себя, на свои муки от «плотских вожделений». В экстазе Евстратий кричит: «Отец многострадальный! Кромешный ад... ты дай пресветлый рай» [9, с. 16]. В обоих случаях Ремизов использует традиционные пародийные приемы. Он вводит пародируемое произведение в эмоционально контрастный ему контекст и одновременно показывает реакцию персонажей. Это может быть комическая реакция серьезного героя, как, например, реакция привратника Арефы на житие Моисея, или вполне серьезный отклик заведомо комического персонажа, как в случае неистовства Евстратия. И то, и другое ведет к одной цели – религиозно-моралистические тексты, вставленные в «Бесовское действо», получают комическое звучание.

Выявив составные части сюжета и рассмотрев их в отношении к источникам, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом: на каком основании писатель объединил эти сюжетные мотивы, имеющие, на первый взгляд, не так много общего. Ответ подсказывает сам автор «Бесовского действия». В списке литературы, прилагаемой к пьесе, значится монография Н.И. Стороженко «Предшественники Шекспира. Эпизод из истории английской драмы в эпоху Елизаветы. Лилли и Марло» (1872). В поздней мемуарной книге «Иверень» Ремизов вспоминает, что во время учебы на естественном отделении математического факультета Московского университета он кроме занятий «естественными» и «математическими» науками «слушал по истории Ключевского, и Стороженко: “Предшественники Шекспира”» [8, с. 280]. Н.И. Стороженко считал, что английская средневековая драма в своем развитии проходила две стадии, соответствующие двум жанровым разновидностям – мистерии и моралите. Главным типологическим признаком мистерии является библейский сюжет, чем чаще всего и ограничивается ее отношение к культуре. По словам Стороженко, мистерия «ежеминутно приносит в жертву возвышенный интерес религиозного назидания интересам чисто мирского свойства» [10, с. 14]. При секуляризации жанра неизбежно происходило усиление фольклорного начала, допускались юмор и сатира, бытовые реалии. Для моралите, исторически следующего за мистерией, типологическим признаком является аллегоричность. Моралите возникают в эпоху первых толкователей Библии Оригена и Августина, когда в культуре нарастает тенденция к олицетворению отвлеченных понятий. Автор моралите, утверждал Стороженко, «черпал содержание своих пьес из светских источников – из сборников средневековых повестей, где аллегорическая драма является в зачаточной форме диалога между отвлеченными понятиями. Это был материал житейский, к которому можно было относиться свободно, извлекая из него нравственные истины и поучения на пользу людям. Оттого, несмотря на свою символическую форму, моралите постоянно имеет в виду человеческую жизнь и ее разнообразные отношения» [10, с. 39–40]. Моралите в большой степени были открыты для элементов народной культуры. Зачастую отвлеченная нравоучительность пьесы отходила на задний план и преобладало «реально-сатирическое направление». Так, в английской драме

«Гик Скорнер» аллегория, по выражению Стороженко, «служит только рамой, в которую вставлена непривлекательная картина дикой распущенности нравов высшего английского общества» [10, с. 41]. Показательно, что лучшую пьесу русского фольклорного театра «Комедию о царе Максимилиане» Ремизов назвал «портянкой Шекспира», таким парадоксальным образом обозначив свой взгляд на истоки отечественного театра [9, с. 211].

Сопоставляя два описанных Стороженко жанра средневекового английского театра с «чертежом» «Бесовского действия», можно заключить, что Ремизов ориентировался на композиционную модель моралите. И действительно, сюжет пьесы смонтирован из фрагментов произведений, принадлежащих к тому же тематическому кругу текстов, которыми пользовались, по Стороженко, авторы подлинных моралите. Только Ремизов подбирает материал или русский, или доступный для отечественного книжника западноевропейский. В «Бесовском действии», как и в английском моралите, аллегоричность и наивно скрытая за ней нравоучительность не составляют единственную смысловую сущность произведения. Нравоучительность очень часто затушевывается, и на первый план выходит современность, изображенная в юмористическом или сатирическом ключе.

Используя для пьесы на древнерусском материале модель европейского моралите, Ремизов, вероятно, полагал, что тем самым он «исправляет» историческую несправедливость, в силу которой не состоялся полноценный средневековый театр на Руси. Пьес, подобных «Бесовскому действию», в древности не было, но они вполне могли бы быть при более благоприятных условиях, без активного противодействия русской церкви почти всем видам театральности. В таком случае формирование русского театра шло бы по аналогии с театром европейским.

Б.М. Эйхенбаум в упомянутой статье про повесть «Шинель» отметил, что конструкция произведения «в значительной степени зависит от того, какую роль в его сложении играет *личный тон* автора» [11, с. 171], т.е. авторская позиция, выраженная в определенных приемах. Исследователь также отметил, что основа

гоголевского шедевра – особая разновидность сказа: «...сказ этот не повествовательный, а мимико-декламационный: не сказитель, а исполнитель, почти комедиант скрывается за печатным текстом “Шинели”» [11, с. 187]. «Личный тон» Ремизова в «Бесовском действии» иной. Он не «сказитель», и даже не совсем «комедиант», а древнерусский книжник, начетчик, знакомый с соответствующим книжным репертуаром и приемами монтажа литературных текстов, профессионал с изрядной долей скоморошества.

Литература

1. Батюшков, Ф. Д. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. Опыт историко-сравнительного исследования / Ф. Д. Батюшков. – Санкт-Петербург : Типография В.С. Балашева, 1891. – 314 с.
2. Бессонов, П. А. Калеки переходные. Сборник стихов и исследование / П. А. Бессонов. – Москва : Типография Лазаревского института восточных языков, 1864. – Ч. 2, вып. 6. – XXII, 328 с.
3. Жданов, И. Н. К литературной истории русской былевой поэзии / И. Н. Жданов // Жданов И. Н. Сочинения. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1904. – Т. 1. – С. 485–743.
4. Киево-Печерский патерик / подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – Москва : Художественная литература, 1980. – С. 412–623.
5. Кодрянская, Н. В. Алексей Ремизов / Н. В. Кодрянская. – Париж : [б. и.], 1959. – 334 с.
6. Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихоновым. – Москва : Типография Грачева и комп., 1861. – Т. 3. – 361 с.
7. Ремизов, А. М. Письмо в редакцию / А. М. Ремизов // Золотое руно. – 1909. – № 7–8. – С. 145–148.
8. Ремизов, А. М. Собрание сочинений / А. М. Ремизов. – Москва : Русская книга, 2000. – Т. 8. – 704 с.
9. Ремизов, А. М. Собрание сочинений / А. М. Ремизов. – Санкт-Петербург : Росток, 2016. – Т. 12. – 991 с.
10. Стороженко, Н. И. Предшественники Шекспира. Эпизод из истории английской драмы в эпоху Елизаветы. Т. 1. Лилли и Марло / Н. И. Стороженко. – Санкт-Петербург : Типография В. Демакова, 1872. – 368 с.
11. Эйхенбаум, Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя / Б. М. Эйхенбаум // Эйхенбаум, Б. М. «Сквозь литературу» : сборник статей. – Ленинград : Academia, 1926. – С. 171–195.

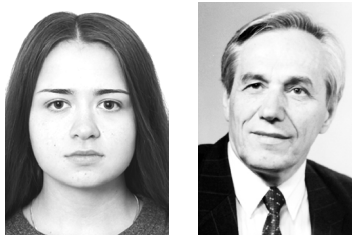
Yu.V. Rozanov

HOW A.M. REMIZOV'S «DEMONIC ACTION» («BESOVSKOYE DEISTVO») IS MADE

The article considers A.M. Remizov's play «Demonic Action» («Besovskoye deistvo»), its content and composition, Old Russian literary and folklore sources. There are texts among them about the disputes between life and death and stories about the holy ascetics presented by the author in a parodistic way. Compositional schemes of English morality known to A.M. Remizov from scientific literature became models for the playwright.

A.M. Remizov, stylization, Old Russian literature, folklore, parody, morality, miracle, composition, medieval theater.

УДК 82–14

А.А. Голубева, Г.В. Судаков
Вологодский государственный университет

РЕЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ ЯЗЫКОВ МИРА В ПОЭЗИИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

В статье проводится исследование наблюдений О. Мандельштама над пятью языками: еврейским, русским, немецким, итальянским, армянским. Поэт оценивает эти языки в комплексе других составляющих культуры того или иного народа. Предполагаемая схема анализа разработана автором и используется фактически впервые.

Язык как образ культуры, теория языка, фоносемантика, лексическая семантика.

О.Э. Мандельштам является одной из ключевых фигур русской культуры XX в. Его творческое наследие принадлежит к лучшим образцам интеллектуальной литературы. Его поэзия требует многопланового и разностороннего изучения, так как носит надвременной, надкультурный характер. При этом язык как таковой становится связью всех времен и культур. Отсюда особое внимание Мандельштама к мировым языкам, нашедшее воплощение в его поэзии, прозе, эссеистике.

Многие исследователи пытались понять характеристики мировых языков в творчестве Мандельштама. Данной проблемы касались в своих работах классики западного и русскоязычного мандельштамоведения. Из работ последних лет следует упомянуть прежде всего исследования Ф.Б. Успенского, Л.М. Видгофа, Л.Г. Пановой, О.А. Лекманова, П.М. Нерлера. Созданная научная база требует дополнительного и целостного осмысления, что в совокупности с фактом отсутствия специальных исследований по данной проблеме определяет актуальность нашей работы.

Объектом исследования в данной статье является творческое наследие О.Э. Мандельштама, а предметом – речевые образы языков мира в его поэзии.

Цель исследования состоит в выявлении и анализе образных характеристик языков мира. Для ее достижения необходимо: 1) определить значимость создания образов языков мира в творчестве Мандельштама; 2) оценить разноуровневые характеристики языков мира; 3) выявить устойчивые приемы, которыми поэт пользуется при создании образа языка.

Основными источниками исследования стали: собрание сочинений О. Мандельштама (2017 год), «Мандельштамовская энциклопедия», исследования поэтики Мандельштама.

В основе нашей работы лежит рассмотрение образов языков мира, поэтому в первую очередь мы считаем необходимым дать определение понятию «образ языка». Под образом языка мы будем понимать совокупность фонетических, лексических, графических и культурно-функциональных характеристик языка, воплощенных в художественном произведении.

О. Мандельштам хорошо знал иностранные языки. Об этом свидетельствуют многие его современники, например, А. Ахматова вспоминает: *С необычайной легкостью Осип Эмильевич выучивал языки. «Божественную комедию» читал наизусть страницами по-итальянски. Незадолго до смерти просил Надю выучить его английскому языку, которого он совсем не знал* [12, с. 18]. Подтверждением хорошему знанию языков является внушительное количество переведенных произведений. На основании данных полного собрания сочинений, подготовленного Мандельштамовским обществом, и приложенной к нему хроники «Даты жизни и творчества» (сост. П. Нерлер), можно сделать вывод о том, что О. Мандельштам переводил стихотворные и прозаические произведения со следующих языков:

- грузинский (В. Пшавела, Г. Леонидзе, Н. Мицишвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, И. Гришашвили). Переводы сделаны по подстрочникам Т. Табидзе и П. Яшвили;
- армянский (поэма Кара-Дарвиш «Пляска на горах»);
- французский (старофранцузский эпос; Ж. Расин, О. Барбье, Ж. Дюамель, С. Малларме, Ж. Ромэн);
- немецкий (М. Братель, Ф. Верфель, А. Лихтенштейн, Р. Шикеле, Э. Толлер);
- английский (Р. Стивенсон, Э. Синклер, Д. Тулли, В. Скотт, М. Рид);
- итальянский (вольные переводы сонетов Петрарки, неаполитанские песенки, «Нина из Соренто», «Канателла»);
- бельгийский (О. Мандельштам обрабатывал и редактировал осуществленный А. Горнфельдом и В. Карякиным перевод романа «Тиль Уленшпигель» Ш. де Костера). На титульном листе по оплошности издательства Мандельштам был ошибочно указан как переводчик, что повлекло за собой обвинения в плагиате.

О. Мандельштам наиболее активно занимался переводами во второй половине 20-х гг., переводческая деятельность на тот момент была для поэта единственным способом существования. К переводам поэт

подходил с уважением и ответственностью. В статье «О переводах» он резюмирует основные требования к переводчику: *Перевод – один из трудных и ответственных видов литературной работы. По существу, это создание самостоятельного речевого строя на основе чужого материала. Переключение этого материала на русский строй требует громадного напряжения, внимания и воли, богатой изобретательности, умственной свежести, филологического чутья, большой словарной клавиатуры, умения вслушиваться в ритм, схватить рисунок фразы, передать ее – все это при строжайшем самообуздания. Иначе – отсебятина* [10, т. 2, с. 511]. Для него перевод никогда не был простой формальностью: *Я много и долго боролся с условным переводческим языком. Он страшен, вьедлив, уродлив и всегда заслоняет автора. Кашеобразный синтаксис, отсутствие ритма прозы, резиновый язык – всё это не считается у нас отсебятиной. Лишь бы не обиделся словарь Макарова* (Там же, т. 4, с. 103). В статье «Потоки халтуры» (1929) Мандельштам говорит о том, что качество переводов в стране определяет ее культурный уровень. Настоящий перевод по Мандельштаму должен быть *живой переключкой культуры народов* («Жак родился и умер» (1929)), а основная цель переводной книги состоит в том, чтобы стимулировать читателя к изучению иностранных языков. В своей переводческой деятельности Мандельштам старался неукоснительно следовать этим положениям. Во главу угла при переводе он поставил уважение к оригинальным материалам, перевод был для него внутренней необходимостью, средством и следствием проникновения в чужой язык, чужую культуру. Мандельштам знал, как в нашей стране рождаются переводы, поэтому не доверял им и старался читать иностранную литературу в оригинале, хорошее образование и самообразование ему в этом помогло.

Перечень посещенных Мандельштамом иностранных государств довольно велик: Франция, Литва, Швейцария, Германия, Италия, Финляндия, Польша, Украина, Грузия, Азербайджан, Абхазия. Во многих из этих стран поэт бывал неоднократно и подолгу, из этого следует то, что ухо *неисправимого звуколюбца* (самоопределение) часто было настроено на восприятие живой иностранной речи. Необходимо отметить также, что Мандельштам рос в многоязычной среде, вокруг него постоянно звучали немецкий, польский и еврейские языки. Дало о себе знать и обучение в крупных иностранных университетах – Гейдельберге и Сорбонне.

Переводческая деятельность Мандельштама, его опыт пребывания за рубежом – все средства и способы унять *тоску по мировой культуре* – вылились в определенный корпус текстов, в которых он воссоздает образы языков мира. Мандельштам в своем творчестве характеризует разные уровни мировых языков. Прежде всего, его интересуют фонетический и лексический уровни, однако нередки его обращения и к грамматике, и к синтаксису, и к графике.

Исследователи пытались понять характеристики конкретных мировых языков в творчестве Мандельштама. Наиболее проработанными в мандельштамоведении являются образы классических языков. В.И. Террас в своей работе подробно разбирает идеи эллинизма в

творческом наследии Мандельштама, интерпретирует прозаические и стихотворные тексты. Польский исследователь Р. Пшыбыльский раскрывает значение Вечного города в поэзии Мандельштама, обращая внимание на фонетическую и лексическую организацию текстов, ее значимость для создания образа языка и страны, связь с русской поэтической традицией в изображении Рима. Шведский ученый Н.А. Нильсон в статье «Бессонница...» дает развернутый комментарий к одному из самых известных стихотворений Мандельштама, устанавливая фоносемантические и фоносимволические связи. Статьи отечественных ученых вместе с вышеперечисленными статьями иностранных литературоведов вошли в сборник «Мандельштам и античность» (1995). Отдельно стоит отметить статью М.С. Павлова «О Мандельштаме: Цикл о воронежской жажде». В ней ученый подробно рассматривает предметный, звуковой и красочный фон «античных» стихотворений Мандельштама, создаваемый путем вкрапления античных имен и реалий. Изучением «итальянского текста» занимались Г. Струве, С. Гардзонио, П. Нерлер, Ф.Б. Успенский, Л.Г. Панова. Ф.Б. Успенский занимался также изучением мандельштамовских характеристик французского (ст. «Франсуа Вийон и Древний Египет», «Калька или метафора?»), армянского («Оборотная сторона золотого века. XIX столетие в стихотворении “Дикая кошка – армянская речь...”») языков. «Армянский текст» в творчестве Мандельштама тщательно был изучен не только отечественными, но и армянскими мандельштамоведом. Председатель Мандельштамовского общества П. Нерлер в своем труде «Путешествие в Армению» и путешествие в Армению Осипа Мандельштама: попытка реконструкции» на основании писем, записных книжек, стихов, прозы Мандельштама и исторического контекста пытается реконструировать само путешествие как биографическое событие. Помимо материалов, связанных с образом армянского языка и Армении, в работах П. Нерлера можно найти комментарий к характеристикам грузинского, арабского, абхазского языков. Изучением еврейской темы в стихах Мандельштама занимались Н. Вайман, А. Донат, Р. Тименчик, Б. Кац, Л. Кацис, М. Эпштейн, Л. Городецкий, А. Львов, Е. Бескровная. Данная тема приобретает особую важность, так как связана с вопросом национальной самоидентификации поэта. Рассмотрения требуют значимые работы Л. Городецкого, в частности его книга «ТЕКСТ И МИР НА ЛИСТЕ МЁБИУСА: ЯЗЫКОВАЯ ГЕОМЕТРИЯ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА VERSUS ЕВРЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» (2008). В ней ученый при помощи лингвистических методов рассматривает языковую картину мира О. Мандельштама в ракурсе «конфликта» русской и еврейской культурно-цивилизационных систем.

В большинстве вышеперечисленных работ преобладает литературоведческий подход к трактовке воссозданных Мандельштамом образов, нам кажется необходимым дополнить его лингвистическим анализом, принимая во внимание специфику философии слова Мандельштама.

Мы считаем целесообразным начать обзор текстов, содержащих образы языков мира, с вопросов,

связанных с национальной идентификацией Манделъштама. Поэт рос в многоязычной среде, с детства его окружали русский, немецкий, польский языки, а также идиш. Манделъштам провел четкую границу между двумя языковыми мирами: ясной и звонкой «великорусской речью» матери и «косноязычием» отца, которое представляло собой смесь польского, немецкого и еврейских языков. Поэт остро ощущал контраст между русским миром и хаосом иудейским и на уровне культуры, и на уровне языка, что нашло отражение не только в его прозе («Шум времени»), но и в поэзии («На Моховой семейство из Полесья...», «Канцона», «Жил Александр Герцович...», «Вернись в смесительное лоно...», «Эта ночь непоправима...», «Из омута злого и вязкого...»).

Звуки хаоса иудейского с детства резали слух Манделъштама, в «Шуме времени» он пишет: *Крепкий румяный русский год катился по календарю с крашенными яйцами, елками, стальными финляндскими коньками, декабрем, вейками и дачей. А тут же путался призрак – новый год в сентябре и невеселые странные праздники, терзавшие слух дикими именами: Рош-Гашина и Йом-кипур* [10, т. 2, с. 354]. Оригинальные названия еврейских праздников терзают его чуткое ухо, ср. замечания Манделъштама о «великорусской речи» матери: *Не первая ли в роду дорвалась она до чистых и ясных русских звуков? Чистоту и ясность русских звуков подчеркивает Манделъштам и в поэзии: А русскому стиху так свойственно величие, / где вешний поцелуй и щебетанье птичьё* («В непринужденности творящего обмена...»). И собственную фамилию еврейского происхождения он называл *чёртовой*, звучащей *криво* («Улица Манделъштама»). Русские же имена собственные вызывают у поэта только положительные эмоции: *В стенах Акрополя печаль меня снедала / По русском имени и русской красоте* («В разноголосице девического хора...»), *гнейс, ласка, долина, горы*. Стихотворение, посвященное еврейскому музыканту Александру Герцевичу Айзенштадту («Жил Александр Герцович...»), строится на фоносемантическом обыгрывании его еврейского отчества. Во всем стихотворении звучит нем. *herz* – «сердце». Цепочка Герцович – Сердевич – Скерцович наполнена еврейскими, немецкими, итальянскими («скерцо») и русскими ассоциациями (фамилия «Герцен»). Неоднократно манделъштамоведы отмечали тот факт, что еврейская тема в творчестве поэта всегда окрашена в черно-желтый цвет [1; 2, с. 24; 4, с. 20], который, вероятно, берет свои истоки в детских впечатлениях. В «Шуме времени» Манделъштам описывает, как однажды его рижский дедушка, голубоглазый старик в ермолке, закрывавшей наполовину лоб, с чертами важными и немного сановными, как бывает у очень почтенных евреев, достав из мода черно-желтый талит (молитвенное облачение в иудаизме), заставил своего внука повторять за собой слова, составленные из знакомых шумов, но был недоволен его лепетом, рассердился, закачал неодобрительно головой [10, т. 2, с. 43]. Затем в его стихах появляются: *чёрное солнце, жёлтый сумрак*. Черно-желтым цветом насквозь пропитано стихотворение «Эта ночь непоправима...» (1916), написанное Манделъштамом на погребение матери.

О еврейской графике Манделъштам говорит в стихотворении «На Моховой семейство из Полесья...» (1924–1925), сравнивая писателя и переводчика Д. Выгодского с *закорючкой азбуки еврейской*. Возможным источником такого сравнения можно считать детские впечатления от общения с древнееврейской азбукой (которой он так и не научился), отраженные в главе «Книжный шкаф» книги «Шум времени»: *Еврейская азбука с картинками изображала во всех видах – с кошкой, книжкой, ведром, лейкой – одного и того же мальчика в картузе с очень грустным и взрослым лицом. В этом мальчике я не узнавал себя и всем существом восставал на книгу и науку* [10, т. 2, с. 356].

Своеобразным поэтическим итогом обращения к еврейской теме можно считать стихотворение «Канцона». На уровне пейзажа оно объединяет Иудею, Армению и Италию. Н.Я. Манделъштам связывает это стихотворение с христианской притчей о блудном сыне [8, с. 620], Манделъштам в нем возвращается к иудейству, к *начальнику евреев* как к истоку европейской и мировой культуры.

При описании еврейского языка на первое место Манделъштам ставит культурно-оценочные характеристики, чаще всего наполненные ветхозаветными ассоциациями. *Хаос иудейский* для поэта – особый мир, окрашенный в черно-желтый цвет, пропитанный *приторным еврейским запахом*, раздражающий слух *отцовским косноязычием, скверной, хотя и грамотной речью раввина*, исполненными *еврейской народной гордостью* рассказами еврейского учителя. Но именно к этому хаосу Манделъштам будет припадать ближе к концу жизни как к источнику мировой культуры.

Отношение Манделъштама к русскому языку было более однозначным и отличалось большим постоянством. Поэт всегда относился к нему с любовью и уважением, высоко ценил его богатство. Главной установкой при создании образа русского языка было желание доказать, что он вообрал в себя все лучшие качества других языков мира. Стало общим местом в работах о Манделъштаме указывать на то, что русский язык в статье «О природе слова» он называет *эллинистическим* и дает четкое обоснование такому определению. Обратимся к стихотворению «Чуть мерцает призрачная сцена...», особое внимание уделим строфе: *Слаще пеня итальянской речи / Для меня родной язык, / Ибо в нем таинственно лепечет / Чужеземных арф родник*. Налицо обозначение превосходства над итальянской речью по сладости и певучести. Ср. стихи Манделъштама об итальянской речи: *А я люблю его неистовый досуг – / Язык бессмысленный, язык солено-сладкий* («Ариост»), *Словно музыкант на десяти цимбалах, На языке цикад пленительная смесь*. Слово «лепечет» также отсылает нас к характеристикам итальянского языка, но на этот раз данным в прозаической форме. В рамках «Разговора о Данте» Манделъштам повествует о собственном опыте изучения итальянского: *Еще что меня поразило – это инфантильность итальянской фонетики, ее прекрасная детскость, близость к младенческому лепету* [10, т. 3, с. 218]. Однако в данной строфе сокрыты ассоциации и с другими языками. Во-первых, обратим

внимание на присутствующий в ней музыкальный инструмент – арфу, символизирующую чистоту и поэтичность. В стихотворениях, посвященных **греческому** языку, упоминается родственная арфе инструмент – лира. В стихотворении «Черепаша» («На каменных отрогах Пиэрии...») появляется образ черепахи-лиры, отсылающий нас к греческому мифу, по которому Гермес сделал первую лиру из панциря черепахи: *Нерасторопна черепаха-лира, / Едва-едва беспалая ползет, / Лежит себе на солнышке Эпира, / Тихонько зрея золотой живот*. Во-вторых, отметим, что третий значимый образ строфы – родник – соотносится с третьим языком – **армянским**. Музыка армянской воды Мандельштам описывает в стихах: *Какая роскошь в нищенском селенье – / Волосяная музыка воды!* («Какая роскошь в нищенском селенье...») и прозе: *Село Аштарак повисло на журчаньи воды, как на проволочном каркасе. Каменные корзинки его садов – отличнейший бенефисный подарок для колоратурного сопрано; Вода звенела и раздвигалась на всех этажах и этажерках Аштарака – и пропускала верблюда в игольное ушко* («Путешествие в Армению»). В-третьих, в данной строфе можно уловить и ассоциации с **грузинским** языком. Грузинский поэт К. Надирадзе вспоминал: *Грузинские стихи он слушал как музыку, просил при этом читать помедленней, выделяя мелодию* [10, т. 2, с. 619].

В «Заметках о поэзии» Мандельштам применительно к поэзии А.А. Фета и Б.Л. Пастернака утверждает, что русская речь способна передать *посвист, щелканье, шелестение, сверканье, плеск, полноту звука, полноту жизни, половецкие образы и чувств* и то, что *русский стих насыщен согласными и цокает, и щелкает, и свистит ими*; ср. характеристика **английского** языка: *Когда, пронзительнее свиста, / Я слышу английский язык* («Домби и сын»), ср. также характеристика цокающего, звонкого, подобного телефонному звонку, **польского** «*Что*» – *голова отяжелела. / «Цо» – это я тебя зову!* («Твое чудесное произношение...»).

Есть у Мандельштама и такие строки: *А русскому стиху так свойственно величье, / Где вешний поцелуй и щебетанье птичье!* («В непринужденности творящего обмена...»), ср. строки о **латыни**: *Так птицы на своей латыни / Молились Богу в старину*, ср. также воплощенная в образе соловья, Бога Нахтигалья **немецкая** речь: *Когда я спал без облика и склада, / Я дружбой был, как выстрелом, разбужен. / Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пиллада / Иль вырви мне язык – он мне не нужен*. Уместно будет вспомнить здесь и суждение Мандельштама о том, что русский язык, благодаря своим согласным, способен передать щелканье.

Таким образом, характеристики образа русского языка для Мандельштама связаны, прежде всего, с доказательством его конкурентоспособности на арене мировой культуры. Поэт впитывает русский язык в мировую культуру, поставив рядом Тютчева и Верлена («В непринужденности творящего обмена...»), Флоренцию и Москву, Акрополь и Кремль («В разногласии девического хора...»), *славянский и германский лён* («Зверинец»).

Немецкую речь поэт слышал с детства. На восприятие немецкой речи повлияла и учеба Мандель-

штама в Гейдельбергском университете. Жена поэта – Н.Я. Мандельштам – указывает на его обострившийся интерес к немецкой культуре и языку в начале 1930-х гг. во время пребывания в Армении: *В Армении О. М. вернулся к немцам и в тридцатых годах усиленно их покупал – Гете, романтиков – Бюргера, Ленау, Эйхендорфа, обоих Клейстов, Гердера и еще, и еще. Завел он и Клопштока, потому что, как он говорил, это звучит, как орган* [8, с. 231]. В 1932 г. Мандельштам пишет стихотворение «К немецкой речи», которое теперь стоит в центре немецкой темы в творчестве поэта, окружают его стихотворения «Лютеранин», «Бах», «Декабрист», «Зверинец», «Реймс и Кельн», «Немецкая каска» и др. Данное стихотворение исполнено непривычных русскому уху звуковых сочетаний, порой они имитируют труднопроизносимость немецких согласных (см. Приложение А) и то, что в «Разговоре о Данте» Мандельштам называл *германской шипучестью*: *Звук сузился, слова шипят, бунтуют, / Но ты живешь, и я с тобой спокоен*.

В центре стихотворения «К немецкой речи» находится образ поэта-воина, Э. фон Клейста, который выглядит как персонификация немецкой речи, языка *серьезности и чести*. Именно это, прежде всего, мотивирует поэта к исходу в немецкую речь. Однако исход в чужую речь для Мандельштама всегда сопряжен с чувством измены. Известен черновой вариант первых строк стихотворения «К немецкой речи», в котором поэт хочет «воздать немецкой речи». В окончательном варианте строки выглядят таким образом: *Себя губя, себе противореча, / Как моль летит на огонек полночный, / Мне хочется уйти из нашей речи / За все, чем я обязан ей бессрочно*. Странными, непривычными на уровне синтаксиса и семантики кажутся эти строки: поэт, губя себя, хочет уйти из своей речи из благодарности. Это замечает Г. Киршбаум [3, с. 67]. Строки выражают двойственность, связанную с исходом в чужую речь. Такая двойственность проявилась и в текстах, посвященных другим языкам, на что указывает Н.Я. Мандельштам в третьей книге воспоминаний: *Для него чужой язык, чужая поэзия, наслаждение чужой речью равно измене. То же он скажет об итальянском и армянском. Это какое-то повышенное ощущение верности, преданности, когда любовь к чужой поэзии ощущается как нечто запретное* [9, с. 161]. И как итог – желание реинкарнировать в немецкую букву, строчку, книгу: *Чужая речь мне будет оболочкой, / И много прежде, чем я смел родиться, / Я буквой был, был виноградной строчкой, / Я книгой был, которая вам снится* («К немецкой речи»).

Итальянский язык Мандельштам (во многом вслед за Батюшковым) воспринимал, прежде всего, как язык богатой литературной традиции, поэтому на первом плане при его характеристике оказываются такие фигуры, как Данте, Ариосто, Петрарка, Тасс. При фонетической характеристике в стихах и в прозе Мандельштам подчеркивает благозвучие, гармоничность, божественную плавность итальянского языка.

М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» пишет: *Плавкие (sic! – М. Л.) В, Л, М, Н имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и действий* [5,

с. 241]. Подтверждение этому положению мы находим в стихотворении Мандельштама «Ариост» (1933). Обратим особое внимание на следующие строчки: *сЛовНо МузыкаНт На десяти цимбаЛях; На языке цикад пЛеНитеЛьНаЯ смесь; От виНопития, чуМы и чесНока, / И в сетке сиНих Мух усНувшеМу дитяти; А я ЛюбЛю его Неистовый досуг – / Язык бессМысЛеННый, язык солёНо-сЛадкий*. Обилие сонорных убеждает нас в удивительной музыкальности итальянской речи, *вокальной физиологической прелести стиха* («Разговор о Данте»). Кроме того, в «итальянских» стихах появляется и характерное для Мандельштама сопоставление чужого наречия со звуками естественной акустической среды: языком птиц, насекомых (см. Приложение А). В «Ариосте» в связи с этой темой появляются *певчие цикады*, получившие свое наименование за их исключительную способность к стрекотанию. В стихотворении «В Европе холодно, в Италии темно...» этот ряд дополняют *кузнечик, овсянка, пчелы*. Другой характерный для Мандельштама прием – передача фонетических особенностей через звуки искусственной акустической среды, в частности через упоминание музыкальных инструментов. Так, Ариост в одноименном стихотворении предстает перед нами музыкантом, играющим *на десяти цимбалах*. Полифонию дантовой «Божественной комедии», созданную средствами музыкального итальянского языка, Мандельштам уподобляет органической музыке, достойной Баха.

Бессмысленный, солёно-сладкий – эпитеты, которыми автор наделяет итальянский язык в стихотворении «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» (1933). Солёность отсылает нас к образу моря – центральному образу «итальянских» стихотворений Мандельштама [6, с. 175–178], Средиземноморье было для него колыбелью европейской культуры. В стихах Мандельштама мы находим обилие морской лексики (*море, лазурь, жемчуг, чешуя*), характерный цветовой комплекс (*синий, желтый, золотистый*). Повествуя о своем субъективном опыте изучения итальянского в «Разговоре о Данте», Мандельштам наделяет итальянскую фонетику такими качествами, как *инфантильность, прекрасная детскость, близость к младенческому лепету*. Известно, что произношение согласных звуков в итальянском языке происходит гораздо напряженнее и четче, чем в русском. И Мандельштам отмечает, что итальянский язык – язык динамики и следующим образом характеризует особенности работы речевого аппарата: *Каждое слово спешит взорваться, слететь с губ, уйти, очистить место другим* [10, т. 3, с. 219].

Итальянский язык выступает в творчестве Мандельштама как, с одной стороны, нечто пленительное, сладостное, а с другой – чарующее, колдовское, опасное: *Что, если Ариост и Тассо, обворожающие нас, Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз?*

При описании итальянского языка Мандельштам старается воздействовать сразу на все типы рецепторов: вкусовые (солёно-сладкий, мед), обонятельные (мускусная роза, морской воздух), слуховые (шум моря, цимбалы, голоса птиц), зрительные (морской пейзаж, цветные эпитеты, см. Приложение А), осяза-

тельные («стекло зубами укусить»). Мандельштам выступает дирижером этого оркестра ощущений и обеспечивает их сыгранность.

Армению Мандельштам называл *святой, книжной землей*, колыбелью мировых языков. В «Путешествии в Армению» поэт образно передает свои впечатления от соприкосновения с армянской фонетикой: *Я испытал радость произносить звуки, запрещенные для русских уст, тайные, отверженные и – может, даже – на какой-то глубине постыдные. Был пресный кипяток в жестяном чайнике – и вдруг в него бросили щепотку чудного черного чаю. Так у меня с армянским языком* [10, т. 3, с. 206]. Н.Я. Мандельштам вспоминает следующее: *Мандельштам учился армянскому языку, наслаждаясь сознанием, что ворочает губами настоящие индоевропейские корни* [9, с. 121]. В стихах из цикла «Армения» появляются строки: *Дикая кошка – армянская речь – мучит меня и царапает ухо...* Какой образ смог бы лучше передать нетронутое цивилизацией наречие?

Звуковая организация каждого стихотворения цикла подчинена углублению в армянскую фонетику. Так, в стихотворении Мандельштама «Как люб мне язык твой зловещий» доминирующими оказываются шипящие. Приведем в пример вторую строфу: *Как люб мне натугой ЖивуЩий, / Столетьем сЧитаюЩий год, / РоЖаюЩий, сняЩий, оруЩий, / К земле пригвоЖденный народ*.

Во многих стихотворениях цикла обращает на себя внимание близкое соседство неблагозвучных, грожающих и грохочущих звуков [г] и [р]/[р']: *к земле пРиГвождённый наРод, сеРо-зелёный ГоРчишник, оРущих камней ГосудаРство, хРиплые ГоРы, Глинобитные ГоРода, замоРоженный виноГрад, иГРающий в жмуРки, ГоРячая кРовь, ГоРбатая постель, наГРабив деньжат, эРзеРумская кисть виноГраду, Роковое в ГРуди колотьё, пРоКлятая ГоРчичная Глушь*. Мандельштам выражает свое преклонение перед *таинственностью и священной красотой армянского языка*.

Нельзя не обратить внимания и на резкие, угрожающие эпитеты, которыми Мандельштам наделяет армянский язык: *колючий, хищный, зловещий; могучий язык, на котором мы недостойны говорить*. Лексика речи в цикле стихов об Армении связывается, прежде всего, с соответствующим ландшафтом (земля, глина, горы, кирпичи, камни). Комплекс цветных эпитетов связан с ним и довольно разнообразен: *бирюза неба, черная кровь, желтая равнина, серо-зеленый горчишник (sic !), бирюзовый перстень, горчишная глушь*.

Армянская речь для Мандельштама – *речь голодающих кирпичей*. Поэт пытается разгадать, откуда же в нем такая тяга к языку, *неизнашиваемому, как каменные сапоги*. Впечатляет поэта и армянская графика, она получает воплощение в *кузнечных клещах, скобах и гробах* (см. Приложение А). Мандельштам считал, что все на армянской земле – корень, первоисточник языка и мировой культуры. Земля уподобляется книге, которая запечатлела в себе память эпох и является хранилищем нетронутой цивилизацией первозданной природной гармонии: *Скорей глаза сощурь, / Как близорукий шах над перстнем бирюзовым, / Над книгой звонких глин, над книжной землей, / Над*

знойной книгой, над глиной дорогой, / Которой мучимся, как музыкой и словом... («Лазурь да глина, глина да лазурь...»). Армянская речь воспринимается Мандельштамом двояко: он подчеркивает ее силу, грубость, мучительность и в то же время восхищается ее дикостью, естественностью, первородностью.

Ключевой образ «Армянского цикла» – земля-книга. В этом цикле у Мандельштама обретает свой голос все, что обычно считается немым: камни, глина, кирпичи, земля (*орущих камней государство, хриплые горы, звонкие глины*). Глина появляется неспроста, это материал, который был одним из первых носителей информации. С помощью нее осуществляется важнейшая связь авторов гонимых с современностью. Но Мандельштам не читает, а слышит эти глиняные книги, он предлагает *соцурить глаза над книгой звонких глин*. Услышать глиняные книги – значит услышать древнеармянский язык. Синтез зрительных и слуховых ощущений рождает важнейшую метафору цикла, построенную на созвучии слов *грабар* и *гроба*.

Необходимо отметить, что для Мандельштама восприятие армянской культуры и языка во многом похоже на восприятие итальянской культуры и языка. Армения стала для поэта более древней, но одновременно и современной альтернативой Древней Греции и Древнему Риму. В стихотворении «Ариост» (1933) он предвещает соединение Средиземноморской и Черноморской культур: *Любезный Ариост, быть может, век пройдет – / В одно широкое и братское лазорье / Сольем твою лазурь и наше черноморье. /...И мы бывали там. И мы там пили мед...* Важно, что соединение двух культур представлено как соединение двух морей. Образ моря, воды, прибой нередко соотносится у Мандельштама со звучащей речью: *Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг – / Язык бессмысленный, язык солоно-сладкий* (об итальянском), *И слова евангельской латыни / Прозвучали, как морской прибой* (о латыни). Немецкая культура также сопряжена с предшествующими двумя, что подробно исследовал Г. Киршбаум [3]. Вероятно, изначально это было вызвано мемуарами Н.Я. Мандельштам. Особенно важным становится факт, что Мандельштам с собой в Армению взял «Итальянское путешествие» Гете. Впечатления Гете от Италии были схожи с впечатлениями Мандельштама от Армении: преклонение перед культурой, духовное обновление. Вспомним также, что в стихотворении «К немецкой речи» присутствует имя Гете и то, что стихотворение это было написано в 1932 г., который был ознаменован для СССР рядом памятных мероприятий, приуроченных к столетию со дня смерти поэта. А строки *И мы бывали там. И мы там пили мед...* и родство слов Лукоморье-лазорье-черноморье открыто отсылают нас к Пушкину, русской культуре, русскому языку. Заметим, что некоторые комментаторы текстов Пушкина локализовывали его лукоморье на Черном море. М.С. Павлов в своей статье «О. Мандельштам: Цикл о воронежской жажде» [12, с. 171–188] указывает на то, что стремления Мандельштама к морю тождественны стремлениям к мировой культуре.

Итог всем попыткам уйти в чужую речь Мандельштам подводит в стихотворении «Не искушай чужих наречий...» (1933). Оно пронизано темой рас-

платы за измену родной речи, что подчеркивают слова: *мучительно, лихая плата, чудовища, наказание* и словосочетание *уксусная губка*, отсылающее нас к казни Христа. Н.Я. Мандельштам пишет о том, что у Мандельштама *было острое чувство измены, и он мучился, когда появлялось «изменническое», как он говорил, стихотворение* [7, с. 157]. При этом факт появления «изменнического» стихотворения волновал его гораздо больше, чем факт измены. Измену родной речи он чувствовал и тогда, когда читал иностранных авторов, а делал это он очень часто, в чем мы уже убедились. Как приговор звучат финальные строки стихотворения: *И в наказание за гордыню, неисправимый звуколюб, / Получишь уксусную губку ты для изменнических губ. И как единственный способ избежать наказания звучит самонаставление: Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть.*

Выводы.

В ходе исследования установлено, что Мандельштам при создании образа языка пользуется такими приемами, как звуковая организация поэтического текста, введение в текст заимствований из соответствующего языка с соответствующими фонетическими особенностями, использование устойчивых лексических групп, сопоставление звуков языка со звуками естественной и искусственной акустической среды. Кроме того, вокруг образа языка у Мандельштама всегда сосредоточены обонятельные, вкусовые, осязательные и культурные характеристики не только языка, но и того топоса, в который он вписан. Мандельштам воссоздает образ конкретного языка не в единичном тексте, а в целом их наборе. Включение единичного текста в такой набор или цикл расширяет возможности его интерпретации. Тексты писателя наполнены прямыми и косвенными цитатами и автоцитатами, многочисленными межтекстовыми ассоциациями. Во-вторых, реципиент, знакомясь с набором текстов, объединенных образом одного языка, попадает в специфическое пространство. Особую роль в этом пространстве играют звуковые образы. Прежде всего, это звуки человеческой речи, звуки музыкальных инструментов, голоса птиц. Но есть и менее ожидаемые образы, как, например, в случае с армянским языком, когда голосом наделяются объективно немые предметы. Пространство, с одной стороны, имеет привязку к реальным географическим координатам, что достигается в частности упоминанием топонимов. С другой стороны, пространство всегда связано с определенными культурными реалиями, что выражается отчасти через использование антропонимов. Цветовые, вкусовые и обонятельные характеристики пространства Мандельштам использует всегда, но их можно назвать вспомогательными. С их помощью достигается полное погружение реципиента в воспринимаемый текст. Однако при описании конкретного языка и эти характеристики могут стать доминирующими. Так, например, при описании еврейского языка к доминирующим характеристикам тяготеют цвет и запах. Есть случаи, когда доминанту ощущений определить сложно, как в случае с итальянским языком. Зато можно говорить о том, что на первом месте при его описании оказываются культурно-оценочные характеристики. При описании не-

мецкого Мандельштам чаще выходит на менталитет. И, наконец, в-третьих, поэт, характеризуя язык, никогда не забывает о графике. Вероятно, это связано с попытками установить связь между планом выражения и планом содержания. Это рождает необычные метафоры вроде дантовых *птичьих стай*, древнеармянских *гробов* или немецкой *виноградной строчки*.

О.Э. Мандельштам, органично вплетая в собственные тексты образы мировых языков и бесчисленное множество других реалий мировой культуры, создал собственный язык, во многом отличный от традиционного поэтического языка, выводящий его на качественно новый уровень. Тем самым ему удалось унять «тоску по мировой культуре» и внести свой вклад в сокровищницу мировой культуры. Мандельштам в «Разговоре о Данте» говорит о том, что Данте вывел итальянский язык на мировую арену. Отметим, что Мандельштам, если не сделал с русским языком нечто подобное, то внес большой вклад в это дело. Имеют ли значение наряду с этим споры о том, еврейский поэт Осип Мандельштам или русский? Поэтический язык Мандельштама для современного читателя является «иностранным», поэтому дальнейшие перспективы нашего исследования будут связаны с его изучением.

Литература

1. Бескровная, Е. Н. Еврейская тема в творчестве Осипа Эмильевича Мандельштама / Е. Н. Бескровная // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сборник статей по материалам XLIII Меж-

дународной научно-практической конференции. – Новосибирск : СибАК, 2014. – № 12 (43). – С. 130–138.

2. Видгоф, Л. «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город / Л. Видгоф. – Москва : Litres, 2020. – С. 24–25.

3. Киришбаум, Г. Валгаллы белое вино / Г. Киришбаум. – Москва : НЛЮ, 2010. – 392 с.

4. Левин, Ю. И. О. Мандельштам / Ю. И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 20.

5. Ломоносов, М. В. Краткое руководство к красноречию / Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. – 1952. – Т. 7.

6. Мандельштам и античность : сборник статей / составитель О. А. Лекманова. – Москва : Радикс, 1995. – 209 с.

7. Мандельштам, Н. Мой муж – Осип Мандельштам / Н. Мандельштам. – Москва : Litres, 2014. – 560 с.

8. Мандельштам, Н. Я. Вторая книга / Н. Я. Мандельштам ; предисловие и примечания А. Морозова ; подготовка текста С. Василенко. – Москва : Согласие, 1999. – 750 с.

9. Мандельштам, Н. Я. Третья книга / Н. Я. Мандельштам, Ю. Л. Фрейдин. – Москва : Аграф, 2006. – 559 с.

10. Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений : в 4 томах / О. Э. Мандельштам. – Москва : Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999 (Подготовлено Мандельштамовским обществом).

11. Осип Мандельштам и его время / составитель, автор предисловия и послесловия В. Крейд и Е. Нечепорук. – Москва : L'Age d'Homme – Наш дом, 1995. – 480 с.

12. Павлов, М. С. О. Мандельштам: Цикл о воронежской жажде / М. С. Павлов // Мандельштам и античность. – Москва : Радикс, 1995. – С. 171–188.

A.A. Golubeva, G.V. Sudakov

SPEECH IMAGES OF WORLD LANGUAGES IN THE POETRY OF O. E. MANDELSTAM

The article studies O. Mandelstam's observations over five languages: Hebrew, Russian, German, Italian, Armenian. The poet evaluates these languages in the complex of other components of the culture of a particular people. The proposed analysis scheme was developed by the author and is actually used for the first time.

Language as an image of culture, theory of language, phonosemantics, lexical semantics.

Характеристика/ Язык	Русский	*Еврейские языки	Итальянский	Армянский	Немецкий
Тексты	«В непринужденности творящего обмена...» (1908) «В разноголосице девического хора...» (1916) «Чуть мерцает призрачная сцена...» (1920) «Стихи о русской поэзии» (1932)	«Из омота злого и вязкого...» (1910) «Эта ночь неправима...» (1916) «Вернись в смешительное лоно...» (1920) «На моховой семьево из Польсы...» (1924-1925) «Жил Александр Герцович, еврейский музыкант» (1931) «Канцоно» (1931) «Улица Мандельштама» (1935)	«Поговорим о Риме, дивный град...» (1914) «В разноголосице девического хора...» (1916) «Чуть мерцает призрачная сцена...» (1920) «Не искушай чужих наречий...» (1933) «Ариост» («Во всей Италии приятнейший, умнейший...») (1933) «Ариост» («В Европе холодно, в Италии темно...») (1935) «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» (1933, 1935)	«Колочая речь араратской долины...» (1930) «Лазурь да глина, глина да лазурь...» (1930) «Я тебя никогда не увижу...» (1930) «Как люб мне язык твой зловещий» (1930) «Орущих камней государство...» (1930) «Ах, ничего я не увижу, и бедное ухо оглохло...» (1930) «Дикая кошка – армянская речь...» (1930) «Ты красок себе пожела-ла...» = «Армения» (1930) «Какая роскошь в нищенском селенье...» (1930)	«Лютеранин» (1912) «Бах» (1913) «Реймс и Кельн» (1914) «Немецкая каска» (1914) «Декабрист» (1917) «К немецкой речи» (1932) «Стихи памяти Андрея Белого – 10 января 1934 года» (1934)
БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ					
	писал на данном языке, слышал живую речь	изучал в детстве, слышал живую речь	изучал, переводил, слышал живую речь	изучал, переводил по подстрочникам Т. Табидзе и П. Яшвили, слышал живую речь	изучал, переводил, слышал живую речь
ФОНЕТИКА					
Звуки и звукопись	«Русский стих насыщен согласными и докает, и шелкает, и свистит ими»	«невеселые странные праздники, терзавшие слух дикими именами: Рош-Гашана и Иом-кипур» («Шум времени») «Это какая улица? / Улица Мандельштама. / Что за фамилия чертова – / Как ее ни вывертывай, / Криво звучит, а не прямо».	Сонорные Л, М, Н: «СловНо МузыкаНт На десяти циМбаЛлах» «На языке цикад плениТельНая сМесь» «От виНопития, чуМы и чесНока, И в сетке сиНих Мух усНувшеМу дитяти» «А я ЛюбЛю его Неистовый досуг – Язык бессМысДеННый, язык солёНо-сЛадкий Р: «Он завирается с Орландом куролеса И содрогаются, преображаясь весь» «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг»	ГР: горб, гроб, грибы, грудь, виноград, грянуть, гвардеец, награвив, государство, горы, горчичник, город, пригвожденный, пограничный, горчичный, грозный. ГН, ГЛ: глина, глаза, книга, гнойный, гончарный, глинобитный	стечение согласных, «германская шипучесть» («Разговор о Данте»): ФРаНкФуРТ, БоГ НаХТиГаль, ГаРЦеВаТЬ, ВалГаЛЛла. «звук сузился, слова шипят, бунтуют»
ЛЕКСИКА (ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ)					
Эпитеты	«таинственно-родной», «наш», «слаще пеня итальянской речи»		«бессмысленный», «солено-сладкий»	«колочая» речь, «хищный», «зловещий» язык, «речь голодающих кирпичей»	«поучимся серьезности и чести»
ГРАФИКА					
Графика	«Техника письма с его нажимами и закруглениями перерастает в фигурный полет птичьих стай <...> Старая итальянская грамматика, так же как и наша русская, все та же волнующаяся птичья стая...» («Разговор о Данте») Православные крюки – древнерусская нотопись («В разноголосице девического хора...»)	«закорючка азбуки еврейской»	«Техника письма с его нажимами и закруглениями перерастает в фигурный полет птичьих стай <...> Старая итальянская грамматика, так же как и наша русская, все та же волнующаяся птичья стая...» («Разговор о Данте»)	Слово – «скоба» Буквы – «кузнечные клещи», «молодые гроба»	Буквы – «слагались гимны, кони гарцевали / И, словно буквы, прыгали на месте» «виноградная строчка»
ВЕДУЩИЕ СВОЙСТВА					
Свойства	«а русскому стиху так свойственно величие»	«хаос иудейский», язык Бога	Благозвучие, музыкальность, прелесть, гармония, плавность	Грубость, сила, мучительность, опасность	Серьезность и честь

Е.Ю. Юкина

Московский государственный областной университет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. СТИЛ

В статье рассматриваются языковые и стилистические средства создания образа сильной женщины. Выявлены его основные семантические компоненты и языковые средства их передачи, особенности лексики, стилистические приемы, типичные эмоции и поведение по отношению к сильным женщинам.

Стилистика, семантика, лексика, эмоции, оценочность, гендерный, дискриминация.

Введение

В современной художественной литературе образ женщины формируется на основе современных стандартов успешности, профессиональных и личностных качеств и даже внешности. Одними из важных качеств современной женщины являются сила и независимость. Изучение языковых средств их выражения обладает **актуальностью**, поскольку в настоящее время подобные образы в современной художественной литературе отражают типичные социальные представления о женщинах и способствуют популяризации авторов произведений, пишущих на подобную тематику. В статье будут рассмотрены языковые характеристики формирования образа сильной женщины в художественных произведениях современной американской писательницы Даниэлы Стил.

Целью данной статьи является комплексный анализ языковых средств, способствующих формированию образа сильной женщины в четырех конкретных произведениях Даниэлы Стил.

Основными **задачами** являются выявление типичных семантических аспектов образа сильной женщины, анализ лексических средств их формирования, характеристика типичных стилистических приемов, используемых при формировании образа сильной женщины, рассмотрение ряда эмоций по отношению к ним в текстах произведений.

В исследовании использовался **метод** словарных дефиниций, метод контекстного анализа, метод дискурсивного анализа авторской и монологической речи.

Научная **новизна** и теоретическая значимость статьи заключаются в выявлении семантических составляющих портрета сильной женщины в произведениях Д. Стил, в том числе с лингвокультурной и психолингвистической позиций, а также в описании языковых проявлений дискриминации таких женщин и обозначении ее типичных причин.

Практическая значимость материалов статьи заключается в возможности их использования на занятиях по стилистике, лингвистике текста, психолингвистике, лингвокультурологии.

Материалом исследования являются четыре романа данного автора – «Against all odds» (2017),

«A Perfect life» (2015), «The Duchess» (2018) и «The Award» (2017). Во всех произведениях главными героинями являются сильные успешные женщины. Время действия первых двух романов – современность, романа «The Award» – период со Второй мировой войны до современности, а романа «The Duchess» – девятнадцатый век. Местом действия в романах являются преимущественно США и Франция, а в романе «The Duchess» – также и Англия. Что касается возраста главных героинь, то в романе «A Perfect life» главной героине 47 лет, в романе «Against all odds» – около пятидесяти, в романе «The Duchess» показан период жизни героини от 17 до 27 лет, а в романе «The Award» – от 16 до 95. Данные факторы являются важными для оценки образов героинь как в их самовосприятии, так и в восприятии окружающих, а также формировании и проявлении силы их характера, в том числе и в связи с определенными историческими событиями.

Анализ проблемы

Прежде всего уточним понятие «сильный», связанное не с физической, а скорее с моральной силой. В толковых словарях английского языка слово strong определяется следующим образом: «determined and able to deal with a difficult or upsetting situation; having a lot of power or influence» [9], «skilled or good at doing something» [8, p. 362].

В толковых словарях русского языка приводятся следующие определения слова «сильный»: «обладающий волей, твердым характером, стойкий» [2]; «значительный по силе, величине, степени своего проявления; значительный по своему воздействию на кого-л.; убедительный, впечатляющий; достаточно сведущий, умелый в чем-л., в какой-л. области; знающий» [6].

В качестве синонимов данного слова, близких к рассматриваемому в статье значению, приводятся, например, следующие прилагательные: invulnerable, firm, high-powered, potent, tough [10, p. 357].

Рассмотрим семантические группы основных характеристик, формирующих образ сильной женщины в данных произведениях:

- Успешность, в основном профессиональная.

Профессионально все главные героини данных произведений достигли больших успехов. С лингвокультурной точки зрения «основными способами концептуализации понятия УСПЕХ являются: частотность употребления широкого ряда различных лексических единиц, актуализирующих концепт УСПЕХ; богатая ассоциативная насыщенность данного концепта; ценностная маркированность концепта УСПЕХ в американской лингвокультуре» [5, с. 5]. Проявления успешности героинь, в частности, отражены в следующих цитатах:

*Kate herself and Still Fabulous had a **golden reputation** in New York as **the best, most elegant** resale shop in the city, located in SoHo* [13] (здесь и далее выделено мной. – Е. Ю.)

Главная героиня данного произведения является владелицей бутика эксклюзивных вещей. Ее профессиональные достижения описываются автором при помощи метафоры и эпитета *golden*, а также превосходной степени прилагательных.

*Blaise McCarthy was **the gold standard** in her business, and thus far was **untouched**. No one dared argue with **success*** [11]. Здесь на успех прямо указывает слово *success*, а также эпитет *gold standard*. Отрицательная форма прилагательного *untouched* также говорит об успехах в работе и высоких, недостижимых для других профессиональных стандартах героини, работающей ведущей в теленовостях.

*She was **the most successful** madam in Paris* [12]. Здесь также непосредственно используется прилагательное *successful* в превосходной степени. В романе «The Award» признание успеха отражается в самом названии произведения. Основным жизненным достижением главной героини родные считают ее деятельность в движении французского сопротивления во время Второй мировой войны, где она спасала жизни еврейских детей. Сама она, однако, относилась к своим былым заслугам достаточно спокойно: *Gaëlle had never expected to be decorated, and had none of the aspirations Delphine had for her, and thought it entirely unnecessary* [14]. Здесь отрицательные конструкции встречаются трижды, а слово *unnecessary* усиливается наречием *entirely*.

Название романа, «The award», говорит о силе главной героини, поскольку государственные награды присваивают за важные для страны действия или достижения, для чего необходимы сила воли и характера. Символично, что истинной наградой для главной героини за силу ее характера и действий в годы войны стал не столько орден от французского правительства, полученный ею уже в настоящее время, в возрасте 95 лет, а увиденная группа спасенных ею людей, пришедших на эту церемонию награждения.

– Навыки, личные качества, характер.

Данные аспекты связаны как с интеллектуальным, так и с эмоциональным интеллектом героинь анализируемых произведений. В частности, «репрезентация эмоционального интеллекта создает особую языковую структуру речи говорящего, включает фрагменты отношения к реальности, уровень жизненной успешности, качество эмоций и силу проявления эмоциональности» [1, с. 56]. Здесь можно выделить следующие общие черты:

– умение противостоять трудностям. В качестве трудностей в романах упоминаются финансовые, моральные, физические. Например:

She had no illusions about network news. It was a cutthroat world [11]. В данном случае метафора *cutthroat world* отражает основной стрессовый фактор в работе героини, который ей приходилось постоянно преодолевать – безумную конкуренцию и жесткие правила.

*She had to endure her **undeserved shame** in stoic silence, and went home **sick and devastated** after she was paraded through the streets* [14].

*Even the American soldiers watching **had jeered and hissed. No one liked a traitor*** [14].

В данных предложениях описывается публичное унижение девушки односельчанами сразу по окончании войны за предполагаемое сотрудничество с немцами. Автором используется лексика с отрицательной оценочностью – *shame, sick, devastated, jeered, hissed*.

*She had no idea where the future would lead her or what it would look like, but whatever happened, she was **determined to survive it*** [12].

*She had **not only lost the life and the world she had grown up with, but for the time being, even her family name as well*** [12].

В первой цитате описывается ситуация, когда сводный брат главной героини фактически выгнал ее из дома и лишил всякой финансовой поддержки после смерти их отца. Реакцию Анжелики можно назвать шоком, однако здесь присутствует и указание на силу характера и готовность справиться с трудностями – *she was determined to survive it*. Во второй цитате мы видим последствия этого и соответственно целую комбинацию трудностей для героини.

– работоспособность и высокая личная удовлетворенность работой или бизнесом, большие успехи в них:

*She had won **countless prizes and awards** over the years. There was no subject she hadn't touched. The audiences **loved her, and the ratings reflected that*** [11].

The more she worked, the more energy she had [11].

*But they had never known serious lack thanks to Kate's ingenuity about providing for them, and her **willingness to work hard*** [13].

*She did as she was told with no drama or attitude. She **enjoyed her work every day*** [14].

В данных цитатах можно наблюдать использование семантически позитивной лексики при характеристике отношения главных героинь к их работе. Так, автор использует глаголы *loved, enjoyed*; сравнительную конструкцию *the more... the more* для описания положительного влияния работы, существительное *willingness, prizes, awards* для описания мотивации и результатов работы.

Как следствие, героини обладают высокой степенью самодостаточности, как материальной, так и, в большей степени, моральной.

– доброжелательное/уважительное отношение к окружающим, в т.ч. членам своей семьи:

*She had a **positive attitude** about life, and lived in the present rather than the past* [14].

*Her family **mattered more than anything** to her and her children were **the joy of her life*** [13].

She had been generous, not just with the money, but all the caring details she'd seen to, to be fair and treat them with respect and kindness, for the first time in their lives [12]. Приведенные цитаты показывают доброжелательное отношение героинь соответственно к окружающим, к своей семье, к коллегам по работе. Выделенные слова семантически положительно окрашены и передают не гиперболизированное, а прямое значение. Следует отметить, что в текстах всех проанализированных произведений героини ведут себя достойно и умеренно вежливо (но не доброжелательно) даже с людьми, причинившими им боль и страдания. Это также свидетельствует о силе их характера.

– привлекательная внешность, вкус в одежде:

She had a distinctive face, a great figure, and she looked easily ten years younger than her forty-seven years [11].

She still had a lithe figure, and an eye for fashion, although she dressed conservatively and appropriately for her age [14].

Kate was strikingly chic, and always dressed simply [13].

She looked trim and elegant as always, and had an innate flair for fashion, for herself as well as others [13].

She looked like a distinguished, well-born lady, and the young widow she claimed to be [12].

Важным является тот факт, что героини при помощи личных качеств и своего поведения смогли поставить себя как безусловно привлекательных людей, что в определенной степени проецировалось и на восприятие окружающими их внешности. При этом все они выглядели хорошо, особенно в юности, и, в частности, элегантно одевались. Вкус в одежде передается в данных цитатах прилагательными *trim, elegant, distinguished, chic, innate*. Привлекательная же внешность описывается в первой цитате при помощи эпитетов – *distinctive face, a great figure*, что также формирует у читателя положительное впечатление, хотя и не обязательно является заслугой самой героини.

– ум, амбициозность:

Blaise McCarthy was beautiful, in an interesting way, and more than that, she was smart [11].

She was adept at combing resale stores herself, out of necessity, and she loved the hunt for beautiful things [13].

She seemed smart and educated, and there was something very distinguished about her [12].

Слово *smart* здесь одновременно указывает не только на хорошее образование, но и на способность быстро и эффективно принимать решения, а слово *adept* – на талант и в данном случае вкус в одежде.

В целом, главные героини имеют реалистичный взгляд на вещи, обладают достаточными профессиональными навыками и соответственно финансовой независимостью; характеризуются коммуникабельностью. Их активная жизненная позиция и совокупность позитивных личных качеств влияет как на них самих, так и на их общение с окружающими. «Критериями самого эффективного результата межличностного общения могут быть признаны подлинное взаимопонимание и радость, коммуникативный комфорт, интеллектуальное, эмоциональное и эстетическое сопереживание коммуникантов. Владение такими комму-

никативными универсалиями и уместное их применение в межличностной коммуникации делает языковую личность сильной» [3, с. 8].

– Семейное положение и личная жизнь:

Сюда можно отнести отношения с партнером/супругом, детьми и родственниками.

Во всех проанализированных произведениях можно отметить самодостаточность главных героинь. Они не торопятся строить новые отношения, несмотря на статус одинокой женщины, разведенной или вдовы.

She often thought it was ironic that now that the children were grown up and doing well, she would have had time for a man but never met anyone who appealed to her [13].

There was no one she cared about, and she never had time. The affairs would end, and they would move on to someone else before she even noticed. And she didn't care. They were window dressing in her life, and a distraction, and nothing more [11].

She said she was «single by choice». And by now, she was convinced that was true. She was lonely at times, but she didn't want a relationship anymore [11]. Здесь можно видеть, что нежелание героинь активно строить новые отношения выражается через отрицательные конструкции, метафоричным выражением *window dressing* и фразой *single by choice*.

Также следует отметить ответственное отношение героинь к своим детям. Во всех проанализированных романах главные героини были вынуждены воспитывать детей самостоятельно достаточно продолжительное время, и чувство ответственности за них не снижалось даже по достижении детьми взрослого возраста. *«I hate having kids these ages», she said with a pained expression. «They don't realize the consequences of their actions, or how high the stakes are. You can't win against the odds»* [13]. В данной цитате речь идет об уже взрослых детях героини, возрастом примерно 25–30 лет. Использование отрицательных конструкций на грамматическом уровне передает трудности героини в принятии поступков ее детей. На невербальном уровне тревога за детей передается также выражением лица героини – *with a pained expression*. Героиня на протяжении всего повествования демонстрировала моральную силу в плане предоставления своим детям свободы принятия ими решений, иногда ошибочных, что было для нее достаточно непросто.

The responsibility of handling Salima's illness on her own had always made her anxious and frightened her [11]. Здесь речь идет о незрячей дочери главной героини, которая весь школьный возраст провела в частной школе-пенсии для детей с подобным заболеванием. Решение определить дочь туда говорит об ответственности главной героини за дочь, поскольку она сама ни морально, ни физически не чувствовала себя способной обеспечить дочери должный медицинский уход, обучение и развитие. Выделенные в цитате слова передают реалистичный взгляд на ситуацию и тревогу главной героини за дочь.

Интересно также рассмотреть отношение окружающих к сильным героиням в тексте данных произведений. Помимо явного уважения за перечисленные выше качества и в большинстве случаев любви со

стороны близких людей, в анализируемых романах встречаются и случаи негативного настроения к ним. Например:

Dominique was consumed with jealousy, hated her mother, and wanted her father to herself [14].

She even hated the idea that she was half French, which was another way of rejecting her mother [14]. В данных цитатах можно наблюдать резко негативное отношение дочери-подростка к своей матери, выраженное глаголами *hate*, *reject* и существительным *jealousy*. И даже несмотря на это, героиня пыталась не обижаться на свою дочь и сохранить любовь к ней, что также говорит о силе – в данном случае силе материнской любви.

В тексте произведений встречаются также эксплицитные и в большей степени имплицитные проявления зависти к главным героиням. Поскольку «речевые акты выражения зависти... являются одним из средств речевого воздействия говорящего на адресата, направленного на изменения в его эмоциональной или деятельностной сферах» [4, с. 10], то героиням в некоторых случаях морально тяжело продолжать достойно и уравновешенно себя вести, если это касается их лично. Если же такое отношение непосредственно их не затрагивает, оно игнорируется ими:

It was an enviable life, one that others longed for and dreamed of, and would have snatched from her if they could [11].

No one really knew what went with the life they envied, or the price she'd paid [11].

Рассмотрим также проявления дискриминации по отношению к главным героиням в данных произведениях. Про современную женскую прозу можно в целом сказать, что ее содержание – «это прежде всего содержание современной гендерной картины мира, в которой центральное место занимает конфликт между героиней и героем, изображенный в аспекте гендерных ролей: в любовных отношениях, в семейной жизни, в производственной сфере» [7, с. 188]. В данных же произведениях дискриминация героинь может проявляться не только со стороны мужчин, но и со стороны других женщин, людей разного возраста и социального положения. Преодоление главными героинями проявлений дискриминации по отношению к ним также говорит о силе их характера.

В данных произведениях основные проявления дискриминации можно наблюдать на основе:

– возраста. Главная героиня в 47 лет сталкивалась с возможностью дискриминации по возрасту, поскольку в ее профессии – ведущей теленовостей – молодость и привлекательный внешний вид являлись существенными факторами. *And at forty-seven, she looked great. In a business where youth and beauty were prized, people had long since stopped caring about her age, and lucky for her, she didn't look it* [11]. Здесь мы видим эпитет *great* при описании возраста. В соответствии с текстом произведения героиня выглядела примерно на десять лет младше своего возраста, так что данное описание не является гиперболой. Также здесь используется антитеза для противопоставления типичных ценностей в мире телевидения – *youth and beauty* и равнодушного отношения зрителей к ним в

случае с главной героиней, а также несоответствия внешности героини ее реальному возрасту.

– национальности: *To them, the French had turned out to be extraordinary liars and capable of incredible acts of destruction and treachery while appearing innocent, even young girls her age* [14]. В данном фрагменте речь идет о периоде Второй мировой войны во Франции и передается отношение немцев к французам. Здесь можно наблюдать обобщение – *the French*, и автор использует такие стилистические приемы, как эпитеты и антитезу для усиления экспрессивности высказывания.

– социального статуса, общественного положения (как низкого, так и высокого):

Angelique didn't respond to the question how fancy she was. She hoped she didn't look it. Only her demeanor and manner of speech suggested how well born she was [12].

В данной цитате видно, что неявная дискриминация проявляется по признаку более высокого социального положения, что указывается словами *fancy*, *well born*. Девушка из богатой благородной семьи была вынуждена поступить работать няней в другую семью после утери собственных имущественных прав из-за смерти отца.

– пола. В произведении «The Duchess» героиня столкнулась с явной дискриминацией в свой адрес в плане наследственных прав, поскольку она как женщина не могла наследовать имущество своего отца. *Philip could leave nothing to his only daughter, other than a dowry if she married* [12]. Слово *only* семантически усиливает имплицитно сообщаемое впечатление несправедливости, и даже всего для одной дочери нельзя было сделать исключение.

Частным случаем дискриминации в данных произведениях можно считать:

– наличие/отсутствие детей: *Most of the men she met didn't want the burden of four children not their own* [13].

– наличие/отсутствие опыта работы: *Without a reference from your previous employer, they won't hire you* [12]. В этих двух ситуациях проявление дискриминации весьма условно, поскольку это скорее вопрос личного выбора и здравого смысла, однако героинями данное отношение воспринималось, действительно, именно так. На языковом уровне здесь вновь используется отрицание для обозначения невозможности действия.

– семейный статус: *If a woman wasn't married, she was supposed to have some terrible flaw about her* [12]. Здесь дискриминация скорее заметна для современного человека, однако в XIX веке критическое отношение к незамужним женщинам, даже молодым, было в порядке вещей в Европе. Эпитет *terrible* в сочетании с негативно окрашенным словом *flaw* усиливают формируемое негативное впечатление в общественном сознании от незамужних женщин.

Будучи сильными по характеру, главные героини смогли справиться с проявлениями дискриминации по отношению к ним, а там, где это возможно, просто не обращали внимание на такие проявления, демонстрируя силу духа и моральную стойкость.

Выводы

Таким образом, типичными качествами и характеристиками сильной женщины в прозе Д. Стил можно считать самодостаточность, работоспособность, ум, умение противостоять трудностям, доброжелательность к окружающим, заботу о своем внешнем виде и, как следствие, успешность. Такие женщины вполне успешно справляются с проявлениями дискриминации, зависти и негативных эмоций по отношению к ним.

Данные характеристики выражаются такими типичными лексическими единицами с позитивной семантикой, преимущественно прилагательными, как *smart, elegant, hard-working, successful, golden, positive, great, distinguished, gold* и другими. В случаях проявления дискриминации по отношению к героиням и особенно при описании их других жизненных трудностей автор использует лексику с отрицательной семантической коннотацией, относящуюся к разным частям речи, такую как, например, *anxious, frightened, flaw, shame, sick, devastated, hate, pained, jealousy, burden* и другие.

Для усиления экспрессивности в текстах данных произведений применяются такие языковые средства, как сравнительные степени прилагательных и отрицательные конструкции, особенно для формирования контраста. Из стилистических приемов типичным можно назвать использование эпитетов и метафор, антитезу и перечисление для создания более подробных и убедительных описаний.

Формирование образа сильной женщины имеет сильную прагматическую направленность, поскольку целевой аудиторией романов данного автора являются женщины, и они часто соотносят поведение героинь с собственным поведением в различных реалистично представленных в тексте жизненных ситуациях. Для более полного изучения данной темы представляет интерес дальнейший анализ языковых средств в описании женских образов в литературе предыдущих хронологических периодов.

Литература

1. Арипова, Д. А. Репрезентация эмоционального интеллекта в современном английском языке / Д. А. Арипова //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2018. – № 9 (87). – Ч. 1. – С. 53–56.

2. Большой толковый словарь русского языка / главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 574 с. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 15.05.2020). – Текст : электронный.

3. Кадилина, О. А. Сильная/слабая языковая личность: коммуникативно-прагматические характеристики : на материале текстов Д. Карнеги : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кадилина Ольга Александровна. – Краснодар, 2011. – 193 с.

4. Матьщина, М. С. Средства выражения речевых актов зависти и ревности в современном английском языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Матьщина Марина Станиславовна. – Белгород, 2013. – 184 с.

5. Паршина, Н. Д. Лингвокультурологическое поле концепта «успех» в американском варианте английского языка : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Паршина Наталья Дмитриевна. – Москва, 2007. – 197 с.

6. Толковый словарь русского языка. – URL: <http://tolslovar.ru> (дата обращения: 02.04.2020). – Текст : электронный.

7. Хачмафова З. Р. Гендерная стратификация языка женской прозы (на материале русского и немецкого языков) / З. Р. Хачмафова // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 186–196.

8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – Cambridge ELT, 2013. – 1844 p.

9. Longman dictionary of contemporary English. – Pearson education, 2014. – 2224 p. – URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 23.04.2020). – Текст : электронный.

10. Oxford Learner's Thesaurus. – OUP, 2017. – 1024 p.

11. Steel, D. A Perfect life / D. Steel. – URL: https://celz.ru/daniellesteel/146897a_perfect_life_a_novel.html (дата обращения: 19.04.2020). – Текст : электронный.

12. Steel, D. The Duchess / D. Steel. – URL: https://graycity.net/danielle-steel/155889_the_duchess.html (дата обращения: 21.04.2020). – Текст : электронный.

13. Steel, D. Against all odds / D. Steel. – URL: https://graycity.net/danielle-steel/page,1,154713-the_award.html (дата обращения: 16.04.2020). – Текст : электронный.

14. Steel, D. The award / D. Steel. – URL: https://graycity.net/danielle-steel/page,1,154713-the_award.html (дата обращения: 18.04.2020). – Текст : электронный.

E.Yu. Yukina

LEXIC AND SEMANTIC FEATURES OF FORMING THE IMAGE OF A STRONG WOMAN IN THE WORKS BY D. STEEL

In the article are analyzed linguistic and stylistic means of forming the image of a strong woman. Its semantic components and linguistic means of their representation are singled out, as well as vocabulary features, stylistic devices, typical emotions and behavior towards strong women.

Stylistics, semantics, lexis, emotions, evaluation, gender, discrimination

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н.А. Белова

Вологодский институт права и экономики

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПШЕНИЦЫН Д.А. СОЛИГАЛИЧСКИЙ ТОРГОВЫЙ ТРАКТ, ИЛИ ИСТОРИЯ ВОЛОСТИ ТОЛШМА (XVII–XX ВВ.): ТОЛШМЕНСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ, ТОТЕМСКИЙ РАЙОН ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ. – Архангельск: Лоция, 2019. 575 с.

Дана рецензия на книгу, представляющую собой микроисторическое исследование местности в современном Тотемском районе Вологодской области, известной под собирательным названием «Толшма». Отмечена актуальность работы, ее структура и основные сюжеты.

История, история Вологодского края, краеведение, Тотемский район, Вологодская область.

В огромном потоке различных по объему, сюжетному масштабу и уровню научности публикаций по истории, в избытке представленных в книжных магазинах и еще в большем объеме в Интернете, современному читателю крайне сложно самостоятельно разобраться. Работы сменяют друг друга, словно в калейдоскопе, и многие из них остаются незамеченными. Не хотелось, чтобы подобная участь постигла книгу Д.А. Пшеницына «Солигаличский торговый тракт, или История волости Толшма (XVII–XX вв.): Толшменское сельское поселение, Тотемский район Вологодской области», выпущенную в 2019 году архангельским издательством «Лоция».

Автор рецензируемого издания – вологодский историк-краевед и генеалог Дмитрий Александрович Пшеницын. Этот его труд, продолжающий серию публикаций по локальной истории, посвящен истории местности в вологодской глубинке, известной под собирательным названием «Толшма», через территорию которой проходил старинный Галичский соляной тракт.

Появлению книги о Толшемской волости предшествовали многие годы кропотливого и вдумчивого труда ее автора, связанного со сбором, систематизацией и изучением различных исторических источников, а также анализом литературы по теме исследования.

Данная книга Д.А. Пшеницына заслуживает серьезного внимания, поскольку является первой (и, на наш взгляд, весьма удачной) попыткой воссоздания почти 400-летнего периода истории местности «Толшма» на территории современного Тотемского района Вологодской области.

Актуальность рецензируемого издания состоит, прежде всего, в том, что оно изначально ориентированное на всестороннее изучение истории Толшемской волости, малой Родины для многих поколений ее жителей, нацелено на формирование у уроженцев этой местности уважительного, бережного и ценностного отношения к историческому наследию своего края, чувства ответственности за его будущее. Кроме того, поскольку история каждой отдельной местности

тесно переплетена с историей страны, изучение прошлого на микроуровне, через «человеческое измерение», позволяет увидеть «большое в малом». Также следует заметить, что массовое увлечение местной историей не могло не отразиться на снижении аналитического уровня исследований историко-краеведческого характера. И на фоне подобных публикаций работа Пшеницына представляется весьма солидной.

Главным достоинством книги является вовлечение в научно-исследовательский оборот богатого документального материала из фондов Российского государственного архива древних актов (переписные и писцовые книги, ревизские сказки крестьян волостей Тотемского уезда XVII–XVIII вв.), Государственного архива Вологодской области (клировые и исповедные ведомости церквей Тотемского уезда XIX века), Вологодского областного архива новейшей политической истории (делопроизводственная документация Тотемского уездного комитета РКП(б) Вологодской губернии первых лет советской власти), архива Вологодского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (писцовые книги Тотемского уезда 1622–1625 гг.), Великоустюгского центрального архива (исповедные ведомости и ревизские сказки XVIII века) и др. Привлечение к исследованию различных опубликованных источников, а также справочной, научной и научно-популярной литературы преимущественно краеведческого характера, позволило автору воссоздать достаточно целостную историческую панораму Толшемской земли на протяжении нескольких столетий.

Основной текст издания, согласно авторской концепции, разбит на 14 глав. Он предваряется предисловием и информацией от автора, вводящими читателя в суть исследуемой проблематики и завершается заключением, в котором подводятся итоги работы.

Книга содержит внушительный объем исторических сведений об административно-территориальном делении исследуемой местности, численности и составе населения, церковных приходах, населенных пунктах, органах власти и самоуправления, судебных

учреждениях на ее территории, военной службе, образовании, здравоохранении, повседневной жизни местных жителей, информацию о Солигаличском торговом тракте, Толшемском лесничестве, персональные данные об уроженцах, участниках Русско-японской, Первой мировой и Великой Отечественной войн, членах партийной организации РКП(б) и др. Автором приведены малоизвестные факты, не исследованные ранее. В частности, прослежена судьба единственного, установленного на настоящий момент, полного георгиевского кавалера, уроженца изучаемой местности Михаила Варзинова, выявлены персональные сведения о владельцах торговых и промышленных предприятий волости (например, Алексее Кулакове, Григории Мартюкове, Иване Фуникове) и т.д.

Следует отметить, что Д.А. Пшеницыну, впервые в работах подобного рода, удалось с привлечением архивных документов проследить динамику населения на исследуемой микротерритории за значительный временной отрезок: с 1619 по 2013 гг.

Использование материалов ревизий (переписей) населения позволило автору составить практически исчерпывающий список местных родов, фамилий и фамильных прозвищ.

Также им в целом реконструирована и хронологически выстроена история семи церковных приходов Толшмы в период с 1619 по 1917 гг.

Элемент научной новизны данного исследования усматривается и в составленной Д.А. Пшеницыным таблице для измерения роста рекрутов Тотемского уезда во время медицинского осмотра при их наборе на службу в 1849 и 1873 гг., в переводе с русских единиц измерения на метрические (международные).

Бесспорными достоинствами рецензируемого издания являются доступное изложение материала и грамотное использование в тексте фрагментов отдельных архивных документов, позволившие автору передать атмосферу времени, оживить прошлое, возвратив из небытия людей и события ушедших эпох.

Отдельного упоминания заслуживает приложение, в которое включены составленные Д.А. Пшеницыным 37 различных таблиц, Толшемский исторический календарь с 19 марта 1528 года по 6 декабря 2004 года, списки населенных пунктов, местных церковных приходов и сельских поселений волости Толшма.

Нельзя не отметить помещенные в конце издания внушительный библиографический список источников и литературы, а также перечень сокращений. Завершают книгу сведения об авторе.

К числу достоинств издания следует отнести высококачественные его издательские характеристики, продуманный дизайн.

Вместе с тем, данный исследовательский труд, как и любой другой, небезупречен. Прежде всего, представляется неуместным включение в середину книги главы VI «Виды массовых источников по исторической демографии Толшмы». При отсутствии в работе традиционного для монографий введения, содержащего анализ источников и библиографии по исследуемой теме, материалы, содержащиеся в этой главе, целесообразнее было бы объединить с главой II «Динамика численности населения волости и поселения в XVII – начале XXI вв.» либо поставить перед ней.

Кроме того, в вышеупомянутой главе II и в историческом календаре хронологические рамки расширены по сравнению с заявленными в названии книги. С учетом комплексного характера работы ряд сюжетов (касательно советской эпохи) требует дальнейшего исследования. Углубиться в суть данной тематики и исследовать специфику местной истории позволит обращение к источникам мемуарного характера, материалам периодической печати и пр.

Хочется надеяться, что высказанные замечания и пожелания будут учтены Д.А. Пшеницыным при подготовке новых работ или, по выражению самого автора, «историй отдельных волостей и местностей Вологодского края».

Однако отмеченные недочеты не снижают общего положительного впечатления от новой книги Д.А. Пшеницына, которая обязательно найдет своего читателя, а знакомство с ней поможет познанию исторического прошлого бывшей Толшемской волости. Прежде всего, книга будет интересна и полезна жителям и уроженцам деревень изучаемой местности. Вместе с тем, она будет востребована и профессиональными историками-регионоведами, краеведами-любителями, учителями, студентами, школьниками и всеми, проявляющими интерес к истории своей малой Родины. И, возможно, для кого-то послужит стимулом к написанию подобного рода исследования.

N.A. Belova

BOOK REVIEW: PSHENITSYN D.A. *SOLIGALICHSKY TRADING ROUTE, OR HISTORY OF TOLSHMA VOLOST (17th-20th CENTURIES): TOLSHMA RURAL SETTLEMENT, TOTMA DISTRICT, VOLOGDA OBLAST.* Arkhangelsk: Lotsia, 2019. 575 pp.

A review is given of a book, which is a microhistorical study of the area in the modern Totemsky district of the Vologda region, known collectively as Tolshma. The relevance of the work, its structure and main subjects are noted.

The history, history of the Vologda region, local history, Totemsky district, Vologda region.

М.А. Безнин, А.С. Столетова
Вологодский государственный университет

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 1950–1990-Х ГГ.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00269

6 июня 2020 г. в Вологодском государственном университете состоялся научный семинар коллектива, работающего в рамках исследования по гранту Российского научного фонда «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства». На нем выступили: д-р ист. наук Т.М. Димони, д-р ист. наук М.А. Безнин, д-р экон. наук, канд. ист. наук К.А. Гулин, канд. ист. наук А.С. Столетова, канд. ист. наук Ю.С. Никифоров, магистрантка К.В. Кушнерева. Семинар был посвящен подведению итогов работы по проекту за первое полугодие 2020 г. (грант выполняется научным коллективом на базе ВоГУ с апреля 2019 г.). Ниже публикуется обзор основных выступлений на семинаре.

Советское общество, вторая половина XX в., трансформация, социально-экономическое устройство.

В начале заседания с кратким подведением итогов работы за полугодие выступила руководитель проекта д-р ист. наук Т.М. Димони. Она напомнила, что главные исследовательские задачи проекта в 2020 г. связаны с выявлением, методологическим обоснованием и описанием основных этапов социально-экономической трансформации советского и российского общества второй половины XX в.; исследованием основных институтов экономического устройства российского общества (собственности, товарности, финансовой, плановой, правовой системы); анализом механизмов политико-идеологического обеспечения социально-экономических трендов; вопросов эволюции ментальности классов и групп в советском обществе. В настоящий момент подготовлены 15 статей, отвечающих на поставленные перед исследователями вопросы, осуществляется работа над коллективной монографией, посвященной эволюции экономической системы России 1950–1980-х гг. Некоторые важные статьи уже вышли из печати. Среди них статья М.А. Безнина, Т.М. Димони, А.С. Столетовой «Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг.» [3], А.С. Столетовой «Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960–1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ)» [14], Ю.С. Никифорова «Региональный аспект исследования трансформации российского общества 1950–1990-х гг. и эволюции экономического устройства: репрезентативность и уникальность Верхневолжских регионов позднего СССР» [11]. Идет рецензирование публикаций, представленных членами исследовательского коллектива в ведущие научные журналы страны: «Российская история», «Вопросы истории», «Научный диалог», «Вестник Томского государственного университета» и др. Более сложная ситуация с командировками в архивы и выездами для выступлений на конференции. За первое полугодие

2020 г. исследовательский коллектив представил результаты своей работы на 5 конференциях разного ранга, часть запланированных выступлений была перенесена на осенне-зимний период 2020 г. или на 2021 г. Так, во второй половине года планируется презентация итогов исследований по гранту на Международном Харакском форуме, Российском экономическом конгрессе и др. Коллектив по гранту готовится к участию в научной конференции «Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века» в Вологодском государственном университете, она запланирована на октябрь 2020 г. Сейчас идет активная работа по подготовке данного научного форума.

Д-р ист. наук М.А. Безнин выступил с обоснованием необходимости использования понятия «право коллективной капиталистической собственности» при характеристике социально-экономического строя России 1930–1980-х гг. Он подчеркнул, что изменения понятийного аппарата, введение новых терминов или их имплантация в историографию советского периода ведутся давно и последовательно в рамках вологодской научной школы по советской истории. В частности, это относится к таким терминам и понятиям, как капитализация, повинности, протобуржуазия и т.д. [2; 4; 6; 7; 8].

Для характеристики советского экономического и социального устройства М.А. Безниным и Т.М. Димони использовались также термины «госкапитализм», «разделенное право собственности». В ходе конкретно-исторических исследований всей советской системы выявилась их недостаточность для трактовки явления, что и предопределило введение нового понятия. Фиксация использования государственного механизма в качестве инструмента реализации права собственности на средства производства не дает ответа на вопрос о конечном субъекте этого права. Разделенность права владения, распоряжения и

пользования показывает лишь одну сторону социального образования, реализовавшего данную функцию. Под правом же коллективной капиталистической собственности понимается другая сторона явления, когда совместно, разделив функционально полномочия, группа государственных чиновников, хозяйственников и ряда других категорий социума фактически узурпировала всю полноту прав на так называвшуюся общественную и кооперативную собственность. Это была альтернатива частной капиталистической собственности на орудия и средства производства.

Далее докладчик предложил критерии вычленения категорий социума, относящихся к данному «коллективу», описал значение указанного подхода для изучения политико-идеологических, экономических, социокультурных и прочих процессов в советском обществе.

Д-р экон. наук, канд. ист. наук К.А. Гулин осветил вопрос «Проблемы соотношения планово-административных и рыночных механизмов функционирования советской экономики во второй половине XX века». Исследователь отметил, что в течение долгого времени в научной литературе преобладал ортодоксальный подход к трактовке советской экономики, в соответствии с которым она рассматривалась как единый народнохозяйственный комплекс, функционирующий на основе механизмов всеобщего централизованного административного планирования (всеохватывающий план, централизованное распределение, снабжение и сбыт). Этот подход был характерен как для всей официальной советской литературы (до конца 1980-х гг.), так и для значительной части зарубежных советологов (до конца 1970-х гг.). Альтернативой этому стал подход, в рамках которого в качестве основы функционирования советской экономики рассматривался не план, а совокупность обязательных к исполнению команд, приказов, передаваемых сверху вниз по единой административно-хозяйственной вертикали. Такой тип экономики получил наименование «командной» (G. Grossman), «централизованно управляемой» (E. Zaleski) и т.п. В конце 1980-х гг. эта точка зрения стала широко распространенной и в советской литературе (термин «административно-командная экономика»).

В 1980-е гг. отмечалось значительное усиление внимания зарубежных советологов к изучению внеплановых механизмов в рамках функционирования советской экономической системы. Это выразилось в активном изучении т. н. «второй экономики», альтернативной официальной (или «первой экономике»). В разряд «второй экономики» попадали различные виды экономической деятельности, осуществляемые в личных имущественных интересах и (или) связанные с нарушением законности. «Вторая экономика» оценивалась, с теми или иными допущениями, как «рыночная экономика» (G. Grossman, D. O’Hearn и др.), во многом поддерживавшая равновесие всей советской экономической системы в целом.

В соответствии с еще одним подходом в основе функционирования советской экономической системы лежали мотивы рентно-ориентированного поведения субъектов властно-хозяйственной вертикали, а механизмы планирования имели подчиненный характер (Shleifer and Vishny и др.). В отечественной лите-

ратуре такая точка зрения нашла отражение в концепциях «бюрократических» (В. Найшуль) или «административных» (С. Кордонский).

Наконец, как отметил автор сообщения, следует выделить подходы, в рамках которых были сделаны попытки углубленного структурного анализа организации экономической системы страны в советский период: например, двухсекторная модель (S. Sampson), концепция «цветных рынков» (A. Katsenelinboigen), классификация видов экономической деятельности по признакам собственности и степени законности (И. Бирман), концепция многоуровневой экономики (Ю. Яременко). Подобные подходы представляются потенциально наиболее продуктивными с точки зрения выработки теоретико-методологической базы исследования механизмов функционирования советской экономики, а также ее эволюции в постсоветский период.

На основе изучения научной литературы, а также анализа имеющейся в настоящее время источниковой базы исследователем были выделены четыре группы механизмов, взаимодействием которых определялось функционирование советской экономической системы во второй половине XX в.:

1. Планово-административные механизмы: производство в соответствии с плановыми заданиями, установленными сверху; централизованное снабжение и сбыт; фиксированные государственные цены; механизмы контроля).

Пример: предприятия преимущественно приоритетных отраслей промышленности (группа «А»); крупные инвестиционные проекты.

2. Рыночные механизмы: автономия экономических агентов, действующих в соответствии с собственными интересами; свободный обмен; договорные цены, отсутствие механизмов экономического контроля.

Примеры: колхозные рынки; вещевые рынки; разрешенная и теневая индивидуальная трудовая деятельность (продажа товаров собственного производства и оказание услуг); подпольное производство и реализация потребительских товаров промышленными предприятиями.

3. Промежуточные механизмы, сочетавшие (в различных пропорциях) элементы планово-административных и рыночных механизмов.

Пример: прямые хозяйственные связи между предприятиями, осуществлявшиеся на основе двухсторонних хозяйственных договоров. Помимо плановых договоров, подлежавших ценовому регулированию со стороны государственных органов, существовали договоры, заключающиеся вне плановых предписаний, базировавшиеся на договорных ценах.

4. Механизмы традиционной экономики: натуральное производство и прямой (безденежный) обмен.

Примеры: производство продуктов для личного потребления и обмена (личные подсобные хозяйства); бартерные сделки между предприятиями.

В реальной практике имело место совместное действие, сочетание (в различных пропорциях) отмеченных групп механизмов: так, например, предприятие могло осуществлять производство в соответствии с планом, с внеплановым договором, осуществлять бартерный обмен и приобретать товары на

рынке). По мере увеличения масштаба советской экономической системы и усложнения внутренних взаимосвязей роль плано-административных механизмов функционирования экономики снижалась, а значимость иных механизмов, напротив, увеличивалась.

К.А. Гулин сделал акцент на том, что дальнейшее изучение проблемы в изложенном контексте представляется важным, поскольку помогает глубже понять не только реальную практику экономической жизни страны в советский период, но и процессы ее эволюции в последнее десятилетие XX в.

Канд. ист. наук А.С. Столетова рассказала «Об основных направлениях исследования трансформации обычаев и менталитета советского общества». В контексте обсуждения исследователь отметила, что проблема трансформации обычаев и менталитета советского общества – современное актуальное направление исследований в области истории, социологии, философии, политологии и экономики. Безусловно, она напрямую связана с вопросом видоизменения ценностных установок, духовных идеалов и потребительских ориентаций населения. Этап смены парадигм в поведенческих стереотипах, ценностных установках, потребительских стратегиях и идеалах советского общества растянут во времени. Уже в середине 1950-х гг. социальное расслоение социума стало явственным и не могло не волновать советских граждан [5]. В 1960–1980-е гг. предмет пристального общественного внимания и анализа стали институты собственности, сферы торговли, семьи, а также материальное положение рядовых тружеников, рабочих и представителей власти, все более втягивающихся в процесс обуржуазивания [14].

Черода событий второй половины XX в., травмирующих социальную стабильность, вызвала ломку традиционных взглядов и представлений о советской повседневности, образе жизни, материальном благополучии, благоустроенности жизни, жилищном вопросе. Под воздействием болевых точек советской действительности общественные горизонты испытывали разного рода перерождения и преломления. Культурная, социально-экономическая, политическая динамика способствовала появлению нового поколения элит. К примеру, формировалась принципиально новая номенклатурная система. Соответственно эволюционировали социальные ориентации и нравственные ориентиры правящей когорты. Установление новых обычаев и преобразование ментального плана особенно явно просматриваются в ходе анализа торговой деятельности, ее теневых сторон, спектра спекулятивных операций и широкой распространенности растрат, хищений, явлений кумовства, землячества, блата. Характеристика возрастания случаев хищений [15] как материальных, так и финансовых позволяет рассуждать еще об одном важном феномене. Им являются поведенческие особенности действий и стереотипы мировоззрения советских граждан в условиях реализации права пользования во второй половине XX в. Именно здесь происходил поворот от коллективистских идеалов к частнособственнической морали, индивидуализму и коммерциализации деятельности.

Характеризуя источниковую базу исследования, докладчик обозначил, что основные направления изу-

чения трансформации обычаев и менталитета советского общества находятся в плоскости анализа эпистолярного наследия фонда № 5 «Аппарат ЦК КПСС (1949–1991) Российского государственного архива новейшей истории» – писем граждан в газеты и центральные органы власти, а также записок, адресуемых лично Генеральному секретарю, писем в адрес Президиума партии, писем-откликов на проекты ЦК КПСС. Важным функционалом обладают художественные тексты отечественных авторов (например, произведения В.Ф. Тендрякова, В.Г. Распутина) и публицистика эмигрантов (к примеру, Т.К. Чугунова, Д.М. Горбачевича). Те и другие источники позволяют сформировать мнение о представлениях советских людей, живших в идеологической нише социалистического устройства общества. Архивные документы дают возможность изложить аспекты взглядов общественности на процесс обогащения и связанных с ним хищений государственной собственности, обобщить воззрения граждан на уровни благосостояния и отношения к материальным благам, обозначить восприятие материального неравенства и социального расслоения. Кроме того, возможна демонстрация изменений в поведенческих стереотипах социальных классов в условиях развития права пользования социалистической собственностью, в отношении к вещам и стремлении к комфортной жизни в социуме, фиксируемая в их собственных умозаключениях и сообщениях. Наконец, в СМИ поступали большие блоки писем, в которых поднимались всеобъемлющие проблемы организации торговли в городе и в особенности в деревне.

Придерживаясь точки зрения, что важнейшие повседневные представления советских граждан так или иначе все сосредоточены или вышли из крестьянского менталитета, автор высказалась о важности его структурного анализа. В контексте культурной, социально-экономической динамики, духовного перерождения советского общества, обозначившегося в первой половине 1950-х гг. и продолжавшегося в течение второй половины XX в., крестьянский менталитет испытывал разного рода трансформации и деформации в индустриальную сторону. Перечень базовых ценностей, стереотипы поведения, идеалы претерпевали некий слом, капитализировались. Так, общинные связи и интересы испытывали распад (об этом рассуждали и писатели: В.Ф. Тендряков в очерке «Падение Ивана Чупрова», В.Г. Распутин в повести «Пожар», С.Т. Алексеев в романе «Рой» и др.). Утверждалась психология индивидуализма. Власть земли сменилась ценностью рубля, отношения все больше выражались в денежной форме. Крестьянское накопительство уступило место стремлениям к статусности, состоятельности, к зажиточной обеспеченной жизни, моде.

Резюмируя сказанное, А.С. Столетова высказалась о том, что через использование уже существующих научных наработок и выявляемых источников возможно рассмотрение базовых общественных ценностей и основных направлений их эволюции во второй половине XX в.

Канд. ист. наук Ю.С. Никифоров посвятил выступление теме «Подходы к исследованию идейно-политических трендов процессов капитализации в 1950–

1980-е гг.». Автор отметил, что, анализируя идейно-политические тренды в процессах капитализации СССР 1950–1980-х гг., следует сказать об основаниях классификации существующих подходов. С одной стороны, продуктивным представляется достаточно простое, но логичное разделение на два блока: позиция лиц официальной власти и мнения ученых-экспертов. В обоснование данной классификации можно привести точку зрения исследователя Г.Г. Попова, который отметил, что в СССР имел место «конфликт двух типов власти – власти экспертов и политических функционеров» [12, с. 138]. С другой стороны, безусловно, востребована классификация, связанная с идеологической составляющей. Возможно выделение, по крайней мере, 2-х полюсов мнений: ортодоксальный марксизм и либерализм. Представляется, что ключевую роль играли именно идеологические предпочтения авторов. Безусловно, ведущее место среди исследователей, настроенных критично к советской экономике, занимала либеральная идеология. Особенно ярко данный тренд прослеживается в трудах экономистов-эмигрантов. Этот слой работ представлен именами таких ключевых фигур, как И.Я. Бирман, С.Н. Прокопович, Н.М. Ясный. Большой интерес в работе «Народное хозяйство СССР» отечественного экономиста-эмигранта С.Н. Прокоповича представляет глава XIII «Народный доход и формирование национального капитала» [13]. Не менее ценны работы Н.М. Ясного. Зарубежный исследователь творчества Н.М. Ясного В.Г. Армбрустер отмечал заслуги этого ученого-экономиста в исследовании советской ценовой политики и статистики, его критические исчисления показателей престижа советского строя («индекса трат на жизнь и определение, с помощью последнего, индекса реальных заработков городских рабочих, служащих и колхозных крестьян»). Особая заслуга Н.М. Ясного – выделение кризисных периодов в развитии советской плановой экономики, которые разрушили стереотип о поступательном росте экономической системы СССР [1, с. 31, 36]. Однако наиболее продуктивным для изучения с точки зрения хронологического охвата всего позднего советского периода [16] представляется творчество эмигрантов более поздней волны, создававших свои труды в 1970–1980-е гг. В этом смысле заслуживает внимания творчество И.Я. Бирмана и его работа «Экономика недостатка», опубликованная на русском языке в Нью-Йорке [9]. И. Бирман акцентировал внимание на главных экономических столпах советской экономики и выделял такие проблемные векторы трансформации экономического устройства СССР, как колхозный строй, советская система планирования и снабжения, нелепость системы цен [9, с. 178]. Интересно коснуться мнения ученых, которые более известны как политики и творцы рыночных реформ в России 1990-х гг. Однако их взгляды и философия также сформировались в рассматриваемую позднюю советскую эпоху. Так, известный экономист и один из главных идеологов рыночных реформ в России 1990-х гг. в духе «шоковой терапии» Е.Т. Гайдар, безусловно, может считаться ярким представителем либерального подхода общественной мысли, посвященной социально-экономическим трансформациям нашей страны во второй

половине XX в. Так, ученый-экономист справедливо подмечал такое негативное явление, как «перерождение номенклатуры» и незаметный процесс «предприватизации» собственности. Е.Т. Гайдар прямо указывал на госкапиталистический вектор трансформации советского общества. Он писал, что «общество начинает опять походить на “империалистическое”, “государственно-капиталистическое”, отчасти на “восточное”, но в искаженной форме» [10, с. 258–259].

Ю.С. Никифоров подчеркнул, что анализ мнений отечественных и зарубежных экспертов позволяет увидеть в трудах ученых и чиновников поздней советской эпохи наиболее упоминаемые идейно-политические тренды, связанные с процессами капитализации: кризис инновационной экономики и НИОКР, поиск стратегий перехода от экстенсивного к интенсивному развитию, слабая ценовая политика, разросшийся сырьевой комплекс.

Литература

1. Армбрустер, В. Г. Н. М. Ясный. К 80-летию со дня рождения / В. Г. Армбрустер. – Мюнхен : Институт по изучению СССР, 1963. – 49 с.
2. Безнин, М. А. Аграрный строй России в 1930–1980-х годах / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Москва : ЛЕНАНД, 2019. – 608 с.
3. Безнин, М. А. Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони, А. С. Столетова. – DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86 // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26, № 1. – С. 77–86.
4. Безнин, М. А. Госкапитализм, социальные классы, культурный ландшафт советской деревни сталинского и послесталинского времени / М. А. Безнин, Т. М. Димони // The Soviet and Post-soviet review. – 2016. – № 43. – С. 301–337.
5. Безнин, М. А. Общественное мнение середины 1950-х гг. о социальном расслоении в советском обществе / М. А. Безнин, Т. М. Димони // История социальных процессов в России (XX век) : сборник научных статей / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет; [главный редактор Т. М. Димони]. – Вологда : ВоГУ, 2019. – С. 102–120.
6. Безнин, М. А. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 96–111.
7. Безнин, М. А. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 94–121.
8. Безнин, М. А. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.209 // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 437–453.
9. Бирман, И. Я. Экономика недостатка / И. Я. Бирман. – New York : Chalidze, 1983. – 470 с.
10. Гайдар, Е. Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция / Е. Т. Гайдар. – Санкт-Петербург, 2009. – 280 с.
11. Никифоров, Ю. С. Региональный аспект исследования трансформации российского общества 1950–1990-х гг. и эволюции экономического устройства: репрезентативность и уникальность Верхневолжских регионов позднего СССР / Ю. С. Никифоров // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – № 2. – С. 52–60.
12. Попов, Г. Г. Кризис инновационного развития советской экономики периода «застоя» в понимании руководства СССР и ученых-современников того периода / Г. Г. Попов // Вопросы теоретической экономики. – 2019. – № 2. – С. 136–146.

13. Прокопович, С. Н. Народное хозяйство СССР / С. Н. Прокопович. – Нью-Йорк : Издательство им. Чехова, 1952. – Т. 2. – 355 с.

14. Столетова, А. С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960–1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) / А. С. Столетова. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422 // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 402–422.

15. Столетова, А. С. Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960–1980-х годов / А. С. Столетова. – DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391 // Научный диалог. – 2019. – № 12. – С. 379–391.

16. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 661 с.

M.A. Beznin, A.S. Stoletova

**SCIENTIFIC SEMINAR ON THE PROBLEMS OF TRANSFORMATION
OF RUSSIAN SOCIETY IN THE 1950s–1990s**

On June 6, 2020, Vologda State University hosted a scientific seminar of the research team supported by the Russian Science Foundation grant "Transformation of Russian society in the 1950s–1990s: class genesis and economic structure evolution". T.M. Dimoni, Doctor of History, M.A. Beznin, Doctor of History, K.A. Gulin, Doctor of Economics, A.S. Stoletova, Candidate of History, Yu.S. Nikiforov Candidate of History, K.V. Kushnereva, a graduate student gave reports on the topic. The seminar summarized the project results of the first half of 2020 (the research team of Vologda State University received the grant in April 2019). An overview of the main presentations at the seminar is provided below.

Soviet society, the second half of the twentieth century, transformation, socio-economic structure.

И.А. Устинова, И.Н. Шамина
Институт российской истории Российской академии наук

**ВОЛОГОДСКИЙ АРХИЕРЕЙСКИЙ ДОМ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВВ.
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БАШНИН Н.В. ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ ВОТЧИН
ВОЛОГОДСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА СВ. СОФИИ 1701–1702 ГГ.:
ИССЛЕДОВАНИЕ И ТЕКСТЫ. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019)**

В статье представлен обзор и критика нового исследования Н.В. Башнина по истории Вологодского архиерейского дома на рубеже XVII–XVIII вв.

Вологодский архиерейский дом, церковная реформа Петра I, переписные книги.

Важной тенденцией последних лет стало издание переписных и описных книг, материалов делопроизводства архиерейских домов и монастырей XVII–XVIII в. Историография проблемы насчитывает десятки публикаций и исследований и продолжает разрабатываться [2; 5; 7; 8; 9]. Введение в научный оборот этих информационно насыщенных, объемных материалов позволяет абсолютно по-новому оценить не только хозяйственный статус церковных учреждений, динамику размеров их вотчин, запашки, количества зависимых крестьян и проч., но и дать оценку продолжительным экономическим процессам, развивавшимся в Русской церкви на протяжении XVII столетия. Особенно актуальным в этой связи представляется выявление, исследование и публикация переписных книг архиерейских домов, монастырей и церквей, созданных в конце XVII – начале XVIII в., поскольку это позволит дать более многогранную и точную оценку церковной реформы Петра I.

В 1701 г. по инициативе правительства Петра I и в связи с передачей дел воссозданному в том же году Монастырскому приказу началось описание монастырей, церквей и архиерейских домов Российского государства. Это была попытка петровского правительства провести секуляризацию церковно-монастырского землевладения и хозяйства. По справедливому замечанию Н.В. Башнина, описание 1701–1705 гг. стало очередным этапом по установлению государственного контроля за церковными владениями. Основной массив переписных книг начала XVIII в. отложился в Российском государственном архиве древних актов, но отдельные материалы хранятся в других архивах Москвы, Санкт-Петербурга и др.

Переписные книги Вологодского архиерейского дома 1701–1702 гг., избранные автором в качестве предмета исследования, зафиксировали состояние этого хозяйственного комплекса накануне того момента, когда «старая русская жизнь, несомненно, требовавшая реформ и улучшений, но, несомненно, имевшая и добрые стороны, подверглась всецелой ломке» (с. 9).

Рецензируемое издание построено по классической схеме и делится на две неравные части – исследование и публикация текстов переписных книг Во-

логодского архиерейского дома 1701–1702 гг. Исследовательская часть работы состоит из пяти глав. Она построена на крепком историографическом фундаменте, прежде всего на работах И.М. Покровского, И.А. Булыгина, Я.Е. Водарского, Е.И. Колычевой, Е.Н. Швейковской, М.С. Черкасовой, З.В. Дмитриевой. Прекрасное знание «классической» и современной литературы по проблеме позволило Н.В. Башнину создать обобщающую картину состояния Вологодского архиерейского дома в конце XVII в., дополнив и расширив информацией, почерпнутой во вводимом в научный оборот источнике.

Первая глава посвящена описанию и сравнительному анализу разных типов описных материалов, созданных в 1701–1705 гг. при подготовке секуляризационной реформы Петра I. Комплекс переписных книг Вологодского архиерейского дома, опубликованный в рецензируемом издании, извлечен из ф. 237 (Монастырский приказ) РГАДА (Оп. 1. Кн. 53. Л. 1–253). Он включает в себя переписные книги 1701–1702 гг. вотчин Вологодского архиерейского дома в Московском, Вологодском, Яренском, Усольском и Галицком уездах, а также описания Введенской Антониевой, Иоанно-Богословской Кохтышской пустыней и Николо-Мокрого монастыря, приписанных к архиерейскому дому.

Следует, однако, заметить, что при описании других архиерейских домов 1701–1705 гг. составители обращали внимание не только на земельные владения последних. Их интересовало и состояние самого архиерейского дома. Так, например, в переписной книге Коломенского архиерейского дома 1701 г. фиксации земельных владений предшествует описание церквей, ризницы, казны, архиерейского архива, библиотеки; перечисляются служащие архиерейского дома (дьяки, подьячие, дети боярские и др.), указан род их деятельности [3]. Очевидно, составлялось аналогичное описание и Вологодского архиерейского дома, которое, судя по всему, Н.В. Башнину обнаружить не удалось, однако этот факт автор не комментирует.

Кроме переписных книг в начале XVIII в. также были созданы переписи хозяйства (ведомости) (ОР РГБ. Ф. 354. Ед. хр. 177) и описи казны Вологодского архиерейского дома (ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 238), тексты

которых до настоящего времени не опубликованы. Путем сравнения преамбул и содержания книг Н.В. Башнин демонстрирует отличия в целях в задачах переписчиков при составлении этих трех видов документов и приходит к важному выводу о том, что «переписные книги церковных вотчин можно рассматривать как сокращенный вариант общероссийского кадастра» (с. 14). При этом автор убедительно демонстрирует, что переписные книги, составлявшиеся в традициях делопроизводства XVII в., были первичным материалом, с опорой на который составлялись уже ведомости, являющие образец нового типа делопроизводства. Описи казны были нацелены на фиксацию правоустанавливающих документов на собственность, приходо-расходных книг, материальных ценностей архиерейского дома.

Н.В. Башнин соглашается с мнением И.А. Булыгина о том, что после составления переписей светская власть получила все необходимые данные для проведения полной секуляризации церковного имущества (с. 32). Контроль за финансовой и хозяйственной деятельностью Вологодского архиерейского дома стал осуществлять Монастырский приказ. Однако спустя десятилетие реформе был дан обратный ход: началось возвращение монастырских и архиерейских вотчин их владельцам. Таким образом, публикация переписных книг Вологодского архиерейского дома 1701–1702 гг. представляет большую научную ценность.

Среди спорных решений Н.В. Башнина в тексте первой главы исследования следует назвать изрядную ее перегруженность сравнительными таблицами (16 страниц из 28), которые затрудняют работу с материалом. Понятно желание автора предоставить читателю возможность составить мнение о хозяйственных ведомостях и описях казны, однако представляется, что его можно было бы реализовать в более емкой форме или путем создания специального приложения. Более серьезным недостатком представляется ощутимая нехватка источниковедческого анализа публикуемых переписных книг: детальное археографическое введение к публикации во второй части книги не решает всех задач внутренней и внешней критики источника. В частности, в исследовании лишь вскользь затрагиваются сюжеты, связанные с описанием структуры переписных книг, анализом их информационных возможностей, описанием приемов составления и проч.

В главах 2–4 предметом изучения стал Вологодский архиерейский дом св. Софии как хозяйственное учреждение. Очень удачным для решения поставленных задач представляется избранный автором сравнительный подход. Во второй главе Н.В. Башнин приводит сопоставительные данные о количестве крепостных душ, приписных монастырей, десятинной пашни в Вологодском архиерейском доме в сравнении с другими архиерейскими домами. Обобщая обширный пласт историографических исследований, автор составил сводные таблицы и пришел к справедливому выводу, что Вологодский архиерейский дом как хозяйственное учреждение занимал срединное положение, не относясь ни к богатейшим, ни к беднейшим кафедрам. Так, по материалам переписей 1678 г. и 1730–1740-х гг. по количеству крестьянских дворов

Вологодский архиерейский дом среди 19 епархий занимал 5-е место, по количеству крестьянских душ – 11-е. Преобразования начала XVIII в. оказались для Вологодской кафедры серьезным испытанием: если в конце XVII в. она была ближе к лидирующим позициям по стране, то в 1730–1740-х гг. опустилась ближе к концу списка.

В третьей главе исследуются вотчинные владения Вологодского архиерейского дома. На основе данных переписных книг Н.В. Башнин составил сводную таблицу, включив в нее сведения по разным показателям: местоположение вотчины, характер поселений, количество разных видов дворов (административно-хозяйственных построек, дворов причта, детей боярских, посельских старцев, приказчиков, целовальников, скотников, конюхов, работников), количество населения и проч. Получилась вполне исчерпывающая картина архиерейских вотчинных владений, расположенных в 5 уездах (Московский, Вологодский, Галицкий, Яренский, Усольский). В начале XVIII в. в вотчинах вологодского архиерея находилось: 5 погостов, 7 сел, 4 сельца, 223 деревни, 30 починков, 2 «земли», 8 пустошей (всего 268 населенных пунктов). Кафедре также принадлежали части земельных владений и поселений (половина сельца, 1/3 пустоши, четверть пустоши, жеребеи 4-х пустошей и проч.). Население вотчин жило в 2134 дворах и, согласно подсчетам переписчиков, составляло 6726 лиц мужского пола. При этом состояние вотчинного комплекса следует признать более чем удовлетворительным – лишь 7,5 % дворов были пустыми.

В рецензируемой работе исследователь может найти практически исчерпывающие данные по показателям экономического развития Вологодской кафедры на рубеже XVII и XVIII вв. По оценке автора, с которой трудно не согласиться, хозяйство Вологодского архиерейского дома к концу XVII в. находилось в «благополучном состоянии», а в первое десятилетие XVIII в. начало приходить в упадок.

Очень интересны страницы, посвященные архиерейской вотчине в волости Лежский Волок, которая в рассматриваемый период переживала этап активного роста и колонизации, а также являлась центром расселения архиерейских детей боярских. Это был наиболее крупный вотчинный комплекс Вологодского архиерейского дома, включающий более 110 деревень с более чем 1200 дворами и проживавшими в них около 11 400 крестьян мужского и женского пола.

Рассказывая о приходских церквях в вотчине Лежский Волок, Н.В. Башнин обращает внимание на то, что в переписной книге 1701–1702 гг. при их описании неоднократно используется слово «монастырь»: «На монастыре же колоколя рублена в брус», «за монастырем у тех церквей святые врата рубленые», «круг монастыря ограда деревянная, рубленая» (с. 55). На этом основании автор высказывает предположение о существовании в волости Лежский Волок «древнейшей формы организации монашеской жизни», о которой, ссылаясь на новгородские писцовые книги XVI в., писал еще Е.Е. Голубинский.

На наш взгляд, это весьма интересное предположение требует дополнительного изучения. Об именовании приходских церквей «монастырями» известно и

из других источников. Так, например, в переписной книге Иннокентиева Комельского монастыря 1701 г. «монастырем» назван комплекс построек в селе Зыкове, включающий в себя две церкви – холодную и теплую – и столб с двумя колоколами, обнесенные деревянной оградой [10, с. 79]. Интересно, что в сотной грамоте Иннокентиеву монастырю 1621 г. находившиеся на том же месте церковь и колокольня обозначены словом «погост» (Там же, с. 58). «Монастырями» в переписной книге 1701–1702 гг. Павлова Обнорского монастыря названы церковные здания в вотчинных селах Никольское и Фроловское [6, с. 25, 36].

Полагаем, что и в описании вотчины в волости Лежский Волок речь идет о приходских церквях, где термин «монастырь» означает буквально комплекс церковных зданий, при которых жили священно- и церковнослужители. Часто при церквях в кельях жили нищие, которые находились на содержании крестьянской общины. О том, что среди них «могли быть те, кто принял постриг», прямых указаний в переписной книге нет. Поэтому говорить о том, что внутри архиерейской вотчины существовали маленькие, неизвестные «монастырьки» в обычном понимании этого слова, было бы ошибочным.

В четвертой главе работы Н.В. Башнин анализирует процессы роста вологодской архиерейской вотчины, обмена и приписки монастырей в конце XVII в. Наибольшая активность в этом плане была достигнута в конце века, при архиепископе Гаврииле (Кичигине; 1684–1707 гг.). В последней трети XVII в. Вологодский дом приобрел владения в 4 волостях Вологодского уезда (Ракульская, Лоскомская, Брюховская, Лежский Волок) и Корейской волости Галицкого уезда (с. 64). Большой интерес представляет выполненный автором анализ всех сделок по купле-продаже и обмену земли. Так, в 1688–1700 гг. были совершены сделки с 21 собственником относительно 35 земельных участков. Башнин составил список всех контрагентов Вологодского архиерейского дома по земельным делам (78 землевладельцев). В результате этих сделок Вологодская кафедра получила 80 дворов с населением 260 душ м. п., что составило прирост в 3,7% дворов и 3,8% населения.

Фронтальное выявление всех земельных сделок, совершенных Вологодским архиепископом во второй половине XVII в., позволило исследователю наглядно продемонстрировать механизм обхода законодательства о запрете расширения земельных владений церкви. Например, некоторые из этих сделок совершались во второй половине века с одной и той же волостью несколько десятков раз, имея целью «прикрыть» покупку новых земель. Практиковались и другие приемы: промена с прикупками, завладение вотчинами приписных монастырей и проч.

Всего в конце XVII – начале XVIII в. к Вологодскому архиерейскому дому, по подсчетам Н.В. Башнина, были приписаны не менее 8 монастырей и пустыней. Однако в составе публикуемой кн. 53 есть описания лишь трех из них: Николо-Мокрого монастыря, Антониевой Введенской и Иоанно-Богословской Кохтышской пустыней. Причиной того, что часть описаний приписных монастырей не вошла в состав

этой переписной книги, Башнин считает отсутствие у обитателей обрабатываемых крестьянами земельных владений.

Однако известны описания по крайней мере еще трех приписных к Вологодскому архиерейскому дому монастырей. Они вошли в состав других рукописей ф. 237 РГАДА. Так, описания Успенской Семигородной пустыни и Спасского Вожеозерского монастыря находятся среди переписных книг других вологодских монастырей в кн. 33, описание Благовещенского монастыря на р. Монзе вместе с описаниями галичских монастырей – в кн. 23. Возможно, после завершения переписных работ и активного использования описей, сотрудники Монастырского приказа придерживались территориального принципа формирования книг, не вдаваясь в подробности юридической принадлежности монастырей. Таким образом описания Николо-Мокрого монастыря и двух пустыней оказались подшиты вместе с описанием вотчин архиерейского дома, в то время как переписные книги Семигородной пустыни и Спасского Вожеозерского монастыря туда не поместились, поэтому их присоединили к описаниям других вологодских монастырей.

Интересный материал предложен вниманию читателей в главе 5 и на 13 картах-вклейках. Н.В. Башнину удалось картографировать (привязать к местности) все 3243 хозяйственных объекта Вологодской кафедры, упомянутых в переписных книгах. Основным методом картографирования стало сопоставление топонимов из источников с топонимами, представленными на картах XVII–XX вв., при этом учитывалось расположение водоемов и другие ориентиры. В этой связи для расширения дальнейших картографических изысканий автора можно указать на исследование А.Н. Старицына [4]. Картографирование позволяет наглядно представить себе, чем в реальности являлась сеньория вологодского архиерея. В частности, становится очевидным, что четыре наиболее крупных и значимых вотчинных комплекса располагались на незначительном расстоянии от Вологды как центра епархии, формируя полукруг (с. Ивановское к северу на расстоянии около 10 верст; с. Ананьино с запада – около 5 верст; с. Белое к югу – около 16 верст; с. Реброво к юго-востоку – около 8 верст (карта 4)). На карте видно, что земельные владения Вологодской кафедры вытянуты вдоль оси Москва – Вологда – Усть-Вымь. Н.В. Башнин отмечает, что «прирастание этих вотчин происходило по направлению с севера на юго-запад и было обусловлено переносом кафедры в Вологду в царствование Ивана Грозного, а затем повышением статуса вологодских иерархов (епископ Антоний и архиепископ Иона (Думин)) привело к появлению владений под Москвой во времена Бориса Годунова» (с. 83). Наименее значимые в хозяйственном отношении владения кафедры были расположены в Московском уезде (карта 2) и служили для обеспечения жизни архиерея в столице.

Исследовательскую часть работы завершает заключение, в котором содержится основной вывод автора: в переписных книгах Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701–1702 гг. его вотчина зафиксирована на высшей точке своего развития. Эта часть книги также снабжена приложением в виде таб-

лицы, в которой объединены сведения обо всех вотчинных владениях Вологодского архиерейского дома, по материалам переписных книг 1700–1701 гг.

В то же время приходится выразить сожаление, что автор, видимо, не мог подробнее остановиться на анализе информационных возможностей публикуемого источника с точки зрения истории культуры и быта. Это тем более печально, что представленный вниманию читателя источник – чрезвычайно «живой», богатый уникальными подробностями повседневной жизни на рубеже XVII и XVIII вв.

Прежде всего следует отметить возможности переписных книг как источника по истории демографии, ономастики, истории семьи, духовного сословия. Так, в них можно найти сведения о происхождении, службе и составе семей духовенства: «У тех же церквей (на Лежском Волоке. – И. У.): во дворе поп Ияков Андреев, родом он вотчины Инокентьева монастыря Николаевской церкви, что в Зыкове, дьячков сын, у него дети: Степан дватцати лет, Иван семнатцати лет; во дворе поп Июда Исаев, родом тое же церкви попов сын; во дворе диакон Алексей Исаев, родом тое же церкви попов же сын; во дворе дьячек Иван Сидоров, родом он Инокентьева монастыря служен сын деревни Рамешкова, у него дети, Петр году да пасынок Семен двенатцати лет, Федор десяти лет; во дворе понамарь Иван Харитонов, у него сын Семен, у Семена дети, Иван трех лет, Максим дву лет, у него же брат Тихон, у Тихона дети, Яков пятнатцати лет, Иван десяти лет, Григорей дву лет» (с. 186).

Чрезвычайно интересны разделы переписных книг, посвященные описаниям церквей. Составители отмечают архитектурные особенности храмов: «церковь деревянная четвероугольная с папертию во имя святого апостола Анании холодная. Верх шатровой» в с. Ананьине (с. 137–138); в с. Ивановском «церковь деревянная холодная... Верх шатровой... колокола деревянная, на ней четыре колокола неболших, а по скаске церковного старосты Анички Никитина, весу в них десять пуд» (с. 143–145) и др. Не менее насыщены и страницы, содержащие данные об убранстве церквей – иконах, росписях, церковной утвари, облачениях, библиотеке и проч.

Наконец, описания хозяйственных построек в вотчинах Вологодского архиепископа вполне достойны самостоятельного исследования и компьютерного 3D-моделирования, которое активно применяется в современной историографии [1], настолько они подробны и детальны. Например, в с. Реброво описан архиерейский двор «на приезд»: «На нем три кельи на жилых подклетах. Промеж ими двои сени забраны тесом, на верху чердак забран и крыт тесом же. Да в кельях же в окнах болших и малых двенатцать окон-

ниц следеных. На том же дворе у ворот обиходная поварня. Кругом двора забор бревенной» (с. 150).

Вторую часть рецензируемой монографии занимает публикация «Сборника переписных книг вотчин Вологодского архиерейского дома св. Софии в Московском, Вологодском, Яренском, Усольском и Галицком уездах и приписных Антоньевой, Кохтожской пустынь и Николо-Мокрого монастыря 1701–1702 гг.», состоящего из 14 описаний. Тексту документа предпослано обширное археографическое введение, содержащее кодикологическое, филографическое, палеографическое, почерковедческое описание публикуемого источника.

В завершение хотелось бы выразить надежду, что Н.В. Башнин продолжит свою, без сомнения, успешную работу по выявлению, изучению и публикации документов по истории Русской православной церкви.

Литература

1. Бородкин, Л. И. Страстной монастырь в XVII–XX вв.: пространственная эволюция и виртуальная реконструкция / Л. И. Бородкин // Российская история. – 2016. – № 5. – С. 149–160.
2. Переписные книги Кандалакшского Пречистенского монастыря и церкви Иоанна Предтечи села Кандалакша XVIII века / подготовка текстов и исследований С. А. Никитина, Л. В. Пушкина. – Москва; Санкт-Петербург, 2019.
3. РГАДА. – Ф. 237. – Оп. 1. – Ч. 1. – Кн. 58. – Л. 1–228.
4. Старицын, А. Н. Русская картография начала XVIII в. и проблема локализации староверческих поселений в северном регионе России / А. Н. Старицын // Альманах североевропейских и балтийских исследований. – 2017. – № 2. – С. 236–254.
5. Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII – начала XVIII в. / составитель Н. В. Башнин. – Москва; Санкт-Петербург, 2018.
6. Шамина, И. Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2010. – № 1/2 (17/18). – С. 17–107.
7. Шамина, И. Н. Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря и его вотчины 1701–1702 гг. / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2020. – № 1/2 (57/58). – С. 5–37.
8. Шамина, И. Н. Переписная книга Успенской Семигородней пустыни Вологодского уезда 1702 г. / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2017. – № 1/2 (45/46). – С. 99–111.
9. Шамина, И. Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2017. – № 3/4 (47/48). – С. 96–226.
10. Шамина, И. Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2009. – № 1/2 (13/14). – С. 26–99.

I.A. Ustinova, I.N. Shamina

VOLOGDA ARCHBISHOP'S HOUSE AT THE TURN OF THE 17TH-18TH CENTURIES. BOOK REVIEW: BASHNIN N.V. CENSUS BOOKS OF THE LANDHOLDING OF THE VOLOGDA ARCHBISHOP'S HOUSE OF ST. SOPHIA 1701–1702: RESEARCH AND TEXTS. M.; SPb: Alliance-Arkheo, 2019

The article presents a review and criticism of a new study by N.V. Bashnin on the history of the Vologda Archbishop's House at the turn of the 17th – 18th centuries.

The Vologda Archbishop's House, the Church Reform of Peter the Great, census books.

Л.А. Якушева
Вологодский государственный университет

А.М. Новоселов
Тотемское музейное объединение

ФОРУМ РУССКИЙ СЕВЕР – 2020: ОТ ЛОКАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ К РЕГИОНАЛЬНОМУ КОНСОРЦИУМУ

Данная публикация посвящена рассмотрению феноменологии конференции «Русский Север» – ее замыслу, концепции, параметрам. В этом проекте, организаторами которого являются Тотемское музейное объединение и Вологодский государственный университет, нашли пересечение научные интересы кафедры теории, истории культуры и этнологии ВоГУ и практикоориентированный инжиниринг тотемских музейщиков. В статье отражены особенности IV форума 2020 года, лейттемой которого стала художественная культура Русского Севера и юбилей тотемского академика живописи Феодосия Вахрушова.

Русский Север, научная конференция, история культуры, культурология, художественная культура, Ф. Вахрушов.

Всероссийская научная конференция «Русский Север: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» с международным участием в этом году проводилась на вологодской земле уже в четвертый раз. По своим масштабам (более 130 участников), партнерским связям и задействованным площадкам (Благотворительный фонд Владимира Потанина, Фонд президентских грантов, Администрация Тотемского муниципального района, Тотемское музейное объединение, Вологодский государственный университет, Вологодская областная картинная галерея, Нюксенские краеведческий музей и Центр традиционной народной культуры) она стала одним из самых значимых событий марта на Вологодчине. Заявленные амбиции отражают концепцию развития форума: создание неформального научно-культурологического сообщества, объединяющего деятелей науки, музейных сотрудников, работников культуры, педагогов и всех тех, кто интересуется проблемами изучения Русского Севера. Его главными принципами являются: креативность, полилоговость, междисциплинарность, системность. То есть, все предложенные к обсуждению темы, заявленные в качестве отдельных секций и разделов сборника [2], являются доминантными как в исследовательской работе кафедры-организатора (кафедра теории, истории культуры и этнологии ВоГУ), так и в прикладном отношении – для сотрудников ТМО. С этими темами работают исследователи разных поколений, а также магистранты и студенты-культурологи (в этом году студенты выступали впервые).

Организаторы форума считают необходимым сохранить традицию проведения основной части программы в Тотеме, чтобы, с одной стороны, иметь возможность обсудить уже реализованные ТМО проекты: «Феодосий Вахрушов. Свобода быть собой», «Улицы говорят», «Осколки времени», «Соль земли», а также инициировать новые. Например, одна из панельных дискуссий этого года была посвящена работе по привлечению инвестиций для сохранения деревянных домов и культовых построек (Ю.Г. Терехова,

фонд «Открытая коллекция»), другая – аспектам взаимовлияния региональных школ/архитектурных традиций (М.В. Головизнин, Институт глобализации и социальных движений), третья – общественным инициативам в сфере туризма (А.А. Чернега, Администрация Тотемского района; А.Н. Берникова, руководитель РОО ЭКО «Слобода», Москва).

Начало конференции

На секции

Конференция имеет сложившийся круг постоянных участников. Это заместитель директора культурно-исторического центра «Светочъ» Василий Копытков, москвичи Николай Решетников, Андрей Кортвич, Иван Николаев, Оксана Буковецкая, петербурженка Лидия Рахманова, вологжане Марина Черкасова, Дмитрий Пшеницын, Людмила Якушева, устюжанка Светлана Ромашкина. Традиционно на конференции выступают и публикуются в сборнике все научные сотрудники Тотемского музейного объединения. Так, например, одна из секций – «Музеи Русского Севера: комплектование фондов и история музейных предметов» – была посвящена в том числе рассмотрению и изучению коллекций Тотемского музея (кладов, коллекций осветительных и измерительных приборов, наград, открыток), позволяющая увидеть разнообразие артефактов и культурных контактов, особенности частных и общественных социальных практик. Конкретика выявленных исторических документов позволила участникам секции «Личность в истории и искусстве Русского Севера», с одной стороны, ощутить грани семейных историй на фоне Большой истории государства (Е.С. Дилакторская), специфику отдельной творческой биографии (А.В. Кортвич, Л.А. Якушева), а участникам других секций – познакомиться, например, со спецификой иконографической и храмовой традиций на Севере (В.Ю. Родионова, А.В. Тимохина, О.А. Соколова, А.М. Новоселов). Традиционно разноплановыми были изыскания историков: Русский Север в системе международных отношений XVII в. (Р.П. Биланчук), участие белозерского ополчения в Куликовской битве (О.В. Попова), Тотма в системе почтовой гоньбы на Севере в XVI–XVII в. (М.С. Черкасова), судьба православного духовенства в 1920–1930-е годы (И.В. Спасенкова), милиции Северной области

1918–1920 гг. (Т.М. Димони). Архивисты (А.И. Терюков, А.Г. Гудков), этнографы (Г.Б. Щепанская, Е.В. Жбанкова, В.Н. Галушкина), сотрудники фондовых подразделений музеев (А.А. Алексашин, О.В. Полоцкая, Н.И. Фирсова, О.Н. Макарова), историки (Н.И. Решетников, А.В. Пахнин) археологи (Д.Ю. Жаворонкова, М.Г. Васенина), филологи (Е.П. Андреева, Е.Н. Иванова) и многие другие позволили представить полилоговое многоголосие современной гуманитаристики, в котором стали различимы «голоса» провинции и столицы, фигуры и фона, личности и социума, документа и события.

А. Новоселов и М. Правдина

Особо следует отметить, что с 2018 года конференции «Русский Север» имеют тематический акцент. Например, в прошлом году конференция и сборник материалов были посвящены памяти историка, про-

В Тотме

фессора ВоГУ, д-ра ист. наук А.В. Камкина. Лейтмотивом этого года стало художественное наследие Русского Севера. В рамках форума прошли Вахрушовские чтения, приуроченные к 150-летию выдающегося тотемского художника Феодосия Михайловича Вахрушова (1870–1931), была открыта юбилейная выставка художника, состоялись торжественные мероприятия у памятника Ф.М. Вахрушова в Тотьме, был презентован альбом «Феодосий Вахрушов. Свобода быть собой» [1].

Биография и творчество Феодосия Вахрушова (1870–1931) являются примером подвижничества и патриотизма в глубинном понимании этих нравственных категорий. Получив образование в Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств, работая в Царском Селе, Киево-Печерской лавре, он по собственному желанию вернулся в Тотьму. Здесь он принимал активнейшее участие в общественной и культурной жизни на сломе эпох: создавал росписи до революции и спасал храмовые реликвии после, участвовал в театральных постановках до и создавал свою собственную карикатуристическую сцену хомосовитикус после. Вахрушов положил начало коллекции краеведческого музея Тотьмы, преодолевая провинциальность, сотрудничал с вологодским Музеем иконописи, Историческим музеем в Москве и Музеем этнографии в Ленинграде. Его жизнь в предложенных обстоятельствах оказалась не только возможной, но весьма плодотворной и качественной по своим проявлениям и результатам. На сегодняшний день в собрании ТМО находится 980 работ, различных по жанру и тематике.

На юбилейной выставке (куратор – канд. культурологии, ученый секретарь ТМО М.Б. Правдина) тема выбора, свободы и ответственности за содеянное прозвучала особенно мощно: через объективацию Пустоты в

зияющих рамках, через демонстрацию возможностей живописца и работ, выполненных на заказ, через обращение к образам пути и порога, портрета и лика. Феодосий Вахрушов в экспозиции представлен не только как ценитель северной природы (что привычно глазу), но и как искусный мастер детали, фрагмента, орнамента. Кроме того, у зрителя впервые появилась возможность увидеть двусторонние работы художника, большая часть оборотов которых была неизвестна ранее (всего таких произведений в собрании ТМО было выявлено 182). Доклады, посвященные Ф.М. Вахрушова и представленные на Вахрушовских чтениях И.Б. Балашовой, М.Б. Правдиной, А.И. Роденковым, В.А. Притчиной, О.В. Полоцкой, стали данью памяти известному тотмичу и продолжением значимого для «тотемского текста» научно-исследовательским разделом.

В заключение отметим, что в рамках форума «Русский Север» была организована культурная программа, позволившая желающим принять участие в интеллектуальных играх, образовательных программах, творческих проектах, обсудить премьеру спектакля Тотемского народного театра, воочию увидеть и оценить возможности материального и духовного наследия Вологодчины.

Следующий, V форум «Русский Север» планируется к проведению 24–28 февраля 2021 года.

Литература

1. Новоселов, А. М. Феодосий Вахрушов. Свобода быть собой: к 150-летию юбилею художника / А. Новоселов, М. Правдина, В. Притчина. – Череповец ; Тотьма : Порт-Апрель, 2020. – 60 с.
2. Русский Север – 2020: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия : сборник работ IV Всероссийской научной конференции с международным участием / ТМО, ВоГУ ; ответственный редактор Новоселов А. М. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2020. – 586 с.

L.A. Yakusheva, A.M. Novoselov

RUSSIAN NORTH FORUM 2020: FROM LOCAL CONFERENCE TO REGIONAL CONSORTIUM

This publication is devoted to the consideration of phenomenology of the conference «Russian North» – its idea, concept and parameters. This project, organized by the Totma Museum Association and Vologda University, includes research interests of the Department of Theory and History of Culture and Ethnology of Vologda state University and the practice-oriented engineering of Totma Museum workers. The article reflects the features of the IV forum in 2020, the leitmotif of which was the artistic culture of the Russian North and the anniversary of the Totma Academician of Painting Feodosiy Vakhrushov.

Russian North, conference, history of culture, cultural studies, artistic culture, F. Vakhrushov.

ЮБИЛЕЙ

С.Н. Патапенко

Вологодский государственный университет

«ВЫСОКИЙ ЧАС» УЧЕНИЧЕСТВА

У Юлии Викторовны Бабичевой «говорящее» победительное отчество. Оно обязало ее идти по жизни гордо, с аристократической выправкой и выдержкой. Профессор любит вспоминать семейный рассказ о том, как К.Э. Циолковский благословил ее на научный полет еще в трехлетнем возрасте. Их дома в Калуге, где Юлия Викторовна родилась и провела первые детские годы, стояли по соседству, и во время одного из визитов к ученому родители услышали его наказ: «Ее учить надо. Она девочка умная – и будет ученой». Учительская семья наказ строго выполняла, девочка прозорливость Циолковского подтвердила. Отличница в школе, обладательница красного диплома Ивановского педагогического института, филолог Юлия Бабичева поступает в аспирантуру Ленинградского педагогического института, защищает диссертацию по драматургии А.Н. Островского. Почти пятнадцать лет работает в Оренбурге, в 32 года становится профессором, создав исследование по творчеству Л. Андреева – автора, в те годы официально далеко не признанного.

*Ю. Бабичева в начале научного пути:
перед поступлением в аспирантуру (1951 г.)*

В начале 1970-х годов Юлия Викторовна переезжает в Вологду и становится одним из самых ярких представителей научной и творческой интеллигенции города. Она преподает на кафедре литературы Вологодского педагогического института, в разные годы является проректором по научной работе, председателем диссертационного совета на филологическом фа-

культете. При этом Ю.В. Бабичева активно занимается журналистикой, много пишет о театре, принимает участие в обсуждении спектаклей, входит в состав жюри многочисленных театральных конкурсов и фестивалей. Так реализуется, по ее признанию, любовь к этому виду искусства, которая возникла еще в годы юности, когда занималась она в студенческом театре, думала о профессиональной сцене.

*Свадебная фотография
аспирантки Ю. Бабичевой (1953 г.)*

С 1997 года Ю.В. Бабичева имеет звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Это звание – абсолютно точный показатель сути профессиональной жизни Юлии Викторовны. Она воистину деятель. Активный, пытливый, не боящийся трудностей и объемов работы. Талантливый, открытый новому, готовый к сотворчеству и сотрудничеству. С какой радостью и творческим вдохновением взялась профессор Бабичева в конце 1980-х годов за возвращение в учебные курсы забытых, изъятых из культурной памяти имен отечественных писателей, создала с нуля новый курс по творчеству писателей русского зарубежья. В последние годы работы на нашей кафедре она обратила научное внимание на современных авторов, чье творчество вызывает неоднозначную оценку и споры.

Профессионализм Юлии Викторовны проявляется не только в высоком уровне ее научной деятельнос-

ти, но и в безукоризненной служебной дисциплинированности и ответственности. Она не отказывалась ни от каких административных поручений, никогда не позволяла себе нарушить сроки их выполнения. Только иногда иронически комментировала ситуации, когда приходилось отдавать слишком много сил формальным нелепостям. «Это как компьютером гвозди забивать», – шутила профессор.

Ю.В. Бабичева

Она подарила всем нам «высокие часы» ученичества. И их было много, этих часов. Дарила их Юлия Викторовна щедро, иногда с четкой педагогической продуманностью, чаще – самим фактом интеллектуального и нравственного присутствия. Эти уроки стали определяющими в нашей профессиональной деятельности, служили и служат охранной грамотой во многих делах. Имя Ю.В. Бабичевой по сей день является благоприятным рекомендательным письмом на научных конференциях любого уровня, обеспечивает априорную расположенность коллег, кредит доверия с их стороны. Когда мы рассказывали ей об этом, передавая многочисленные приветы из разных городов и стран, она удовлетворенно кивала головой, могла лукаво подмигнуть.

Сейчас Юлия Викторовна живет в Москве, в семье дочери, Майи Евгеньевны. И дочь, и внук Володя стали продолжателями семейных гуманитарных традиций. Оба выпускники МГУ, М.Е. Бабичева имеет степень кандидата филологических наук, работает ведущим научным сотрудником научно-исследовательского отдела библиографии Российской государственной библиотеки, Володя занимается международной журналистикой. Юлия Викторовна ими очень гордится.

Сегодня от нас Учитель далеко. И тем не менее – Юлия Викторовна Бабичева всегда рядом.

Л.А. Якушева
Вологодский государственный университет

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ? ПОСВЯЩЕНИЕ Ю.В. БАБИЧЕВОЙ

...Есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.
А.С. Пушкин

Конец девяностых – начало двухтысячных. «Золотая эпоха» филфака минувшего полувека. Юлия Викторовна Бабичева – профессор, учитель, просветитель была одной из самых ярких и взыскательных фигур того времени. Человек гордой осанки, мощного интеллектуального посыла и душевной гармонии. Сказать, что Юлию Викторовну любили все, – это будет слишком по-юбилейному. Сама она очень чутко улавливала любую фальшь. Как человек одаренный, увлеченный театром и литературой, много лет проработавший в администрации вуза, она нетерпимо относилась ко всему показному, чрезмерному. И в то же время, соблюдая дистанцию, всегда находила теплое слово поддержки, легко могла сказать что-то комплиментарное. В общей, дисциплинарно суровой атмосфере вологодского филфака ее реплики, живые реакции, независимая ни от кого оценка всегда были светлым и теплым лучом радости.

Кандидат филологических наук,
доцент Ю.В. Бабичева (1960 г.)

Пожимая плечами

Мое первое знакомство с филфаком было поделовому будничным. Замдекана, Л.И. Пергамент, приветствуя меня на факультете, решительно сказала: «Пойдем, я покажу тебе аудиторию. Тут ты будешь читать лекции». Мы пошли вдоль длинного, плохо освещенного коридора второго этажа. «А здесь – проводить семинарские занятия». В скором времени все закрутилось – учебный год набирал обороты, но по-

требности присутствия на кафедре литературы (в кафедральном кабинете) особой не было. Иногда меня приглашал туда зайти сам заведующий. У него уже был свой новый отдельный кабинет, но довольно длительное время на кафедре оставался его рабочий стол. Где кто сидит, какие существуют правила и каков распорядок работы кафедры – всего этого я тогда еще не знала. И свой первый приход я помню достаточно отчетливо. Я вошла, поздоровалась и села на стул. На кафедре в этот момент было еще человека три. В воздухе повисла пауза. Сколько их еще будет потом этих многозначительных филфаковских пауз!

– На этот стул садиться нельзя, – не без иронии в голосе сказала мне одна из коллеганок.

– Почему? – спросила я.

– Это стул Юлии Викторовны Бабичевой.

– Хорошо. – Весело откликнулась я. – Но вы же подскажите, когда она придет? Я сразу же освобожу это место.

– Вы не поняли, – спокойно повторил один из голосов. – Это стул Юлии Викторовны Бабичевой!

Я спорхнула на какой-то другой:

– А здесь сидеть можно?

– Сидите – дружелюбно раздалось в ответ.

«Ну и дела!» – подумала я, пожав плечами.

Уже много позже, услышав об этом, Юлия Викторовна рассмеялась: «Нравится? Сиди!» При этом делая свой коронный жест – поведя плечом и встряхивая непослушную челку. В этом движении плеч были свои нюансы – протеста, удивления, недоумения и т.д. Что-то неуловимо театральное и очень мне понятное и близкое. В жизни всегда есть место ситуациям, когда спорить, что-то доказывать, объяснять нет смысла, а можно только... пожать плечами. Позиция! Как часто в последнее время я стала пожимать плечами, совсем как Она...

Ю.В. Бабичева накануне защиты
докторской диссертации (1971 г.)

* * *

Юлия Викторовна могла бросить острую, по существу, резкую реплику, но своих – коллег, учеников (круг этот был довольно большим) – оберегла и мудро подбадривала:

– Ну, и что у тебя за повод для грусти?

– Да вот. Учительница опять Грише в дневнике запись оставила, а я не знаю, как реагировать. (Мой сын Гриша учился тогда во втором классе 17 школы.)

– А что за запись?

– «Думает только о собственном благополучии».

– Ну, и прекрасно. И правильно.

– Так это же она об эгоизме...

– Пусть. Пусть Гриша думает о себе. А о ком еще? О ком он должен думать? Разве он должен думать о том, как будет лучше для учительницы? Еще чего! Здесь даже и обсуждать нечего.

Все это произносилось Юлией Викторовной твердо, непоколебимо, и переживания действительно отходили на второй план, освобождая место уверенности, что, наверное, все не так и плохо, и – обязательно наладится.

Какие-то важные и, как мне казалось, сложные вещи она объясняла на «раз-два». Когда на совете факультета меня поздравили с защитой диссертации, уже на кафедре Юлия Викторовна сказала:

– Ну, вот. Теперь тебе осталось получить еще один диплом и два аттестата.

– А почему два?

– Сейчас, а потом за докторскую степень, ты получишь диплом, а за научные звания – аттестаты. Сначала будешь доцентом, а потом – доктором.

Это звучало очень живо и весело. Мне импонировало отношению Юлии Викторовны к подобным жизненным шагам как само собой разумеющимся. Все просто! И ничего сложного!

В другие дни Юлия Викторовна репликой оставлиwała, провоцировала на размышления.

– Почему Вы никогда не рассказываете нам о войне?

– Вы – другое поколение. И вам этого не нужно. К чему?

Объяснить, зачем мне не своя, а ее история, было трудно, а лицо Юлии Викторовны тут же становилось суровее. Возвращаться к исторической травме поколения ей явно было тяжело, а пафос момента или да-ты ей претил.

– Что ты идешь с лицом, как будто ты сейчас мешки таскала?

В тот день мы случайно столкнулись на улице Мира. Профессор заулыбалась, разговор легкий, песенкой. Но на душе у меня беспокойно – ищется нужная фраза в ответ.

– А знаете, вы, наверное, правы, по поводу «тяжелого лица». Я просто так думаю. И мысли даются мне нелегко. Наверное, это и есть мои мешки.

(смеется)

– Ну, вот. Так, все же, лучше.

После таких всполохов ее, маленькую, сухонькую, с повадками балерины, очень хотелось обнять. Но еще важнее было то, что ее симпатия и реакция

рождали мощнейшее душевное поле. С которого срываешься, взлетаешь и... летишь.

Я никогда не была у Юлии Викторовны дома.

– Так в чем дело? Хочешь – приходи.

Мы условились. Но в тот момент на факультете шли защиты дипломов, и моя студентка неудачно выступала. Да и сама работа была «удовлетворительной», а Юлия Викторовна была нашим рецензентом. Как же в тот момент мне хотелось все поменять! Я мучительно искала точку неслучившегося со студенткой контакта и не находила.

Эта защита далась мне тяжело.

– Почему ты не пришла?

– Я не могу. Мы так слабо защищались.

– Бог с тобой. Какое это к Тебе имеет отношение?

– Прямое. Я сейчас не могу. Можно я потом, в другой раз?

Уже много позже, Юлия Викторовна со свойственным ей артистизмом рассказывала: «Вы представляете, *это* ее останавливает!»! А в голосе слышались нотки, по которым угадывалось: одобряет. Понимает, откуда что идет и в чем причина этого самокопания.

Еще мне запомнилось то, как щедро Юлия Викторовна откликалась на профессиональные запросы, как легко расставалась с идеями и книгами из своей библиотеки: «Это тебе. Тебе это сейчас важнее». Так ко мне перекечовало брошюрованное издание статей Лотмана, работы по культурологии, одна из книг по ее любимому Серебряному веку.

– Юлия Викторовна! Я не могу ее взять!

– А в чем дело?

– Тут написано: «Легендарной Бабицовой от...».

– Давай ручку. – И Юлия Викторовна вывела своим внятными разборчивым почерком:

«От легендарной Юлии Бабицовой стремящейся в легенду Людмиле Якушевой».

* * *

Борьба с формализмом

Продираясь сквозь современные бумажные джунгли образовательного процесса, я часто слышу внятными голос Юлии Викторовны (который в чем-то стал своим, внутренним):

– С позиции какой оценки читать этот текст? Тройки, четверки или пятерки?

В этой фразе не было лукавства. Ситуация рядом с этой репликой, ее контекст (рецензирование студенческой работы) отражали степень того доверия к университетскому преподавателю, которая культивировалась в 90-е и нулевые, до 2008 года. Кому, как не педагогу-руководителю, было знать, с каким багажом знаний пришел студент, как давался ему материал, сколь много он успел, смог сделать и освоить. Всю творческую «кухню» преподавательской деятельности описать сложно. В ней всегда переплетены навыки и интуиция, и не все подвергается измерительному подходу.

Юлия Викторовна доверяла себе, доверяла своим коллегам. Это обязывало. Нет большего огорчения учителю, чем неудачи учеников, и нет строже цензора, что сидит внутри нас.

«Нет единых критериев, каким именно должен быть научный текст, – вразумляла профессор. – Текст должен быть живым и интересным. Нет ничего хуже схоластики и формализма!»

Действительно нет.

Коллеги с Ю.В. Бабичевой

* * *

За что я любила и люблю кафедру литературы, так это за среду. Здесь не бывает места досужим разговорам, всегда – по поводу, в связи, с интересными пояснениями.

Юлия Викторовна любила рассказывать. Делала это с удовольствием и артистично. Многие ее истории касались абсурдности советской действительности (о том, например, как ее, принимая по анкете в роддом, переспрашивали, какой у нее пол: мужской или женский). Попробую воспроизвести одну из историй о ее первой заграничной поездке на Южный берег Франции так, как она мне запомнилась.

«Это было в 1958 году. Европейские двери только-только приоткрывались для сотрудничества и туризма. Намечалась официальная поездка по культурному обмену между странами. Была собрана команда представителей советской молодежи, у которой имелись какие-то особые заслуги. У меня были заслуги в области научных достижений. Нас долго и тщательно проверяли и готовили. В том числе информировали о том, как мы должны были себя вести на территории капиталистического государства. Для одежды тоже был предусмотрен дресс-код. Было лето и очень жарко. Нашей девичьей части делегации повезло, потому что можно было ходить в легких платьях и сарафанах (запрет касался ношения девочками брюк). А вот мужчины должны были все время ходить в костюмах, не снимая пиджаков. Это в жару-то. После официальных мероприятий мы гуляли на набережной. Нестерпимо хотелось купаться, а кабинок для переодевания не было. Тогда наши мужчины встали в круг, сняли пиджаки, устроив тем самым некую закрытую от глаз зону, где мы, как-то неудобно корячась, переодевали купальники. В это время из ближайшего кафе выбежала худенькая молоденькая девушка. Наверное, официантка, сняла летнее легкое платице, оставшись топless, подбежала к морю, искупалась, набросила

свой наряд, при этом быстрым движением переодев свои плапочки – не в мокрых же ходить – и тут же убежала по лесенке вверх. Никто не обратил на нее внимания. Все было естественно и натурально: жаркий день, девушка искупалась и побежала по своим делам. А тут – русские, и такой конфуз. Мы ловили недоуменные взгляды французов: чего, мол, делают эти странные люди, и к чему устроили весь этот балаган? Все это было так неуклюже, неловко. Правда же, очень смешно?»

В моей памяти так и осталась картинка: Юлия Викторовна сидит на стуле, как в кресле, слегка покачивая своей изящной ножкой, и рассказывает, рассказывает и... смеется. Блистательная, ироничная, восхищающая и вдохновляющая! Одна из самых прекрасных и красивых женщин, которые встречались в моей жизни.

М.А. Вавилова и Ю.В. Бабичева

* * *

Шел юбилейный совет факультета. Весь филфак в сборе представлял яркое и красивое зрелище. Почетная профессура в первых рядах, гости, преподаватели, на галерке – смеющиеся студенты. Май, предощущение завершения года и чудесное событие – день рождения любимой Юлии Викторовны – и много-много цветов.

По обыкновению вела собрания Маргарита Александровна Вавилова, но в тот день основным распорядителем был заведующий кафедрой литературы Сергей Юрьевич Баранов. На многих тогда его речь, состоящая из классических 3-х частей, произвела неизгладимое впечатление. Во-первых, присутствующим был представлен феномен Юлии Викторовны в виде семиотической модели. Затем Сергей Юрьевич прочел текст, который обычно хранится в личной папке преподавателя в отделе кадров и мало кому известен. В тот день обычная характеристика на профессора Бабичеву, написанная сухим языком цифр и фактов, как нельзя лучше очерчивала значение этой фигуры для факультета, университета и города в целом. Меня потом переспрашивал профессор А.В. Камкин (к тому времени я уже работала на двух кафедрах), правда ли, что это обычная характеристика? У меня не было сомнений. Сергей Юрьевич продумывал детали даже таких формальных, с точки зрения административной элиты, документов. Каждое слово было взвешенным и выверенным – как в мраморе, и

на века. Филологическая месса. А в заключение Сергей Юрьевич сказал, как запомнилось следующее: «Были времена, а я имею в виду Средневековье, когда молодые люди учились долго. Они приходили в какой-нибудь город и останавливались послушать местного профессора. А профессор открывал ставни своего дома и читал лекции прямо из окна. Так вот, если представить, что сейчас произошло бы нечто подобное, то, как представляется, именно Юлию Викторовну проще всего представить в этой роли – роли свободно мыслящего, ни от кого не зависящего гуманитария с энциклопедическими знаниями и острым

умом, который открыт своей аудитории, общению и миру». И после этого, в честь юбилея Юлии Викторовны, грянул дружный хор студенческого гимна «Гаудеамус»:

*Лишь наука на земле
Служит людям вечно.
Славься тот, кто дружен с ней,
Беззаветно служит ей
В жизни быстротечной!*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безнин Михаил Алексеевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
beznin@uni-vologda.ac.ru

Белова Надежда Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики ФСИН России (Вологда, Россия)
nade-belova@yandex.ru

Бредихин Алексей Леонидович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия)
axel_b@mail.ru

Голубева Анастасия Анатольевна

студент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
nastyagolubeva.1999@mail.ru

Гулин Константин Анатольевич

доктор экономических наук, доцент Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
gulin_k@mail.ru

Димони Татьяна Михайловна

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
dimonitm@vogu35.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Каратеева Татьяна Евгеньевна

независимый исследователь культуры повседневности (Москва, Россия)
sophidion@valediction.ru

Красильников Роман Леонидович

доктор филологических наук, доцент, независимый исследователь (Москва, Россия)
krasilnikov.rl@gmail.com

Назризода Давлатали Хайдар

кандидат исторических наук, Генеральный консул Республики Таджикистан в г. Санкт-Петербурге Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
toronto-2012@mail.ru

Николашин Вадим Павлович

кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)
nikolashin.vadim@yandex.ru

Новоселов Алексей Михайлович

директор Тотемского музейного объединения (Тотьма, Россия)
totmamuz@mail.ru

Панфилец Александр Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия)
akpanf1950@mail.ru

Патапенко Светлана Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
patasik@mail.ru

Пермяков Андрей (Увицкий Андрей Юрьевич)

поэт, прозаик, критик (Владимирская обл., Россия)
grizzlins@gmail.com

Розанов Юрий Владимирович

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

rosanov007@gmail.com

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

sablin@inbox.ru

Славнитский Николай Равильевич

кандидат исторических наук, архивариус научно-ведомственного архива Государственного музея истории Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия)

slavnitski@bk.ru

Столетова Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

Stoletowa-A-S@yandex.ru

Судаков Гурий Васильевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

gvs035@rambler.ru

Суворова Мария Евгеньевна

поэт, член Вологодского отделения Союза российских писателей, редактор-координатор телеканала «Русский Север» (Вологда, Россия)

suvorova@rusevertv.ru

Устинова Ирина Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ilustinova@yandex.ru

Федоров Александр Борисович

кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

kafedraigp@mail.ru

Шамина Ирина Николаевна

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра источниковедения истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

shaminy@yandex.ru

Юкина Елена Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (Москва, Россия)

sobol-sbr@mail.ru

Якушева Людмила Алентиновна

кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

kafticie@vogu35.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Beznin Mikhail Alekseevich

Doctor of History, Professor of the National History Department, Head of the National History Department of Vologda State University (Vologda, Russia)
beznin@uni-vologda.ac.ru

Belova Nadezhda Alekseevna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Vologda Institute of Law and Economics (Vologda, Russia)
nade-belova@yandex.ru

Bredikhin Aleksey Leonidovich

Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
axel_b@mail.ru

Golubeva Anastasia Anatolyevna

Student of Department of Russian Language, Journalism and Communication Theory, Institute of Social and Humanitarian Sciences, Vologda State University (Vologda, Russia)
nastyagolubeva.1999@mail.ru

Gulin Konstantin Anatolyevich

Doctor of Economics, Vologda State University (Vologda, Russia)
gulin_k@mail.ru

Dimoni Tatiana Mikhailovna

Doctor of History, Professor of the National History Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
dimonitm@vogu35.ru

Yegorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Karateeva Tatiana Yevgenievna

Independent researcher in culture of everyday life (Moscow, Russia)
sophidion@valediction.ru

Krasilnikov Roman Leonidovich

Doctor of Philology, Associate Professor, Independent Researcher (Moscow, Russia)
krasilnikov.rl@gmail.com

Nazrizoda Davlatali Khaidar

Doctor of History, Consul General of the Republic of Tajikistan in St. Petersburg, Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
toronto-2012@mail.ru

Nikolashin Vadim Pavlovich

Candidate of History, Associate Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russia)
nikolashin.vadim@yandex.ru

Novoselov Aleksey Mikhailovich

Director of Totma Museum Association (Totma, Russia)
totmamuz@mail.ru

Panfilets Alexander Vladimirovich

Candidate of History, Associate Professor of the Department of History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
akpanf1950@mail.ru

Patapenko Svetlana Nikolaevna

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Literature, Vologda State University (Vologda, Russia)
patasik@mail.ru

Permyakov Andrey (Uvitskiy Andrey Yuryevich)

Poet, prose writer, critic (Vladimir Oblast, Russia)
grizzlins@gmail.com

Rozanov Yury Vladimirovich

Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Vologda State University (Vologda, Russia)
rosanov007@gmail.com

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Slavnitsky Nikolay Ravilievich

Candidate of History, Archivist of the scientific and departmental archive, The State Museum of the History of St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
slavnitski@bk.ru

Stoletova Anna Sergeevna

Candidate of History, Senior Lecturer of the Department of National History, Vologda State University (Vologda, Russia)
Stoletova-A-S@yandex.ru

Sudakov Gury Vasilievich

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
gvs035@rambler.ru

Suvorova Mariya Evgenievna

Poet, Member of Vologda Regional Branch of the Union of Russian Writers, Television Editor and Coordinator of channel «Russky Sever»/«Russian North» (Vologda, Russia)
suvorova@rusevertv.ru

Ustinova Irina Alexandrovna

Doctor of History, Senior Researcher of the Institute of History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
ilustinova@yandex.ru

Fedorov Alexander Borisovich

Candidate of History, Associate Professor of the Department of History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
kafedraigp@mail.ru

Shamina Irina Nikolaevna

Doctor of History, Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
shaminy@yandex.ru

Yukina Elena Yuryevna

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Indo-European and Oriental Languages, Institute of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Moscow Region State University (Moscow, Russia)
sobol-sbr@mail.ru

Yakusheva Ludmila Alentinovna

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafticie@vogu35.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Исторические и филологические науки
№ 3 (18) / 2020

Главный редактор В. А. Саблин

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13.06.2019 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано в печать 2020 г. Выпуск в свет 2020 г. Формат 60 x 84/8
Уч.-изд. л. 13,5. Усл. печ. л. 14,25. Тираж экз. Заказ № . Бесплатно

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
160000, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15

Отпечатано: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел.: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru